

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ—1957

Печатается по постановлению ученого совета Института археологии АН УССР

Редакционная коллегия:

*С. Н. Бибиков (ответственный редактор), Е. В. Максимов, М. Я. Рудинский,
Л. М. Славин, И. Г. Шовкопляс.*

СЛЕДЫ НОВОЙ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ОВРУЧА

В. А. МЕСЯЦ

(Житомир)

Во многочисленных оврагах Словечанско-Овручского края уже в течение более ста лет часто обнаруживаются кости давно вымерших животных, в частности мамонта. Неоднократно делались попытки установить возможную связь этих фаунистических остатков с деятельностью первобытного человека, но большей частью они не достигали успеха.

Рис. 1. Место позднепалеолитической стоянки у с. Клинец.

Только в 1921 г. И. Ф. Левицкому удалось открыть в этом районе первую тогда палеолитическую стоянку, у с. Довгиничи на р. Норынь, частично исследованную им в 1924—1929 гг.¹

Недавняя находка орнаментированного бивня мамонта в одном из оврагов у с. Клинца, недалеко от Овруча, послужила поводом для проведения исследований с целью выяснения условий залегания этой находки².

¹ И. Левицкий, Довгиницька палеолітична стація, Антропологія, т. III, К., 1930.

² В. А. Месяц, КСИА, в. 6, К., 1956 г.

Село Клинец расположено в 12 км на запад от г. Овруча, Житомирской области. Через территорию села проходит глубокий овраг с небольшим ручьем, впадающим в р. Норынь. Окружающая село возвышенность в разных направлениях изрезана большими оврагами, глубина которых достигает местами 50 и более метров.

В 1,5 км к юго-западу от села, в урочище Романовщина, вертикальная зачистка стены оврага дала следующую серию пластов: 1) песчаный грунт 0—0,45 м; 2) однообразный лесс светложелтого цвета 0,45—9,5 м; 3) лесс с гнездами песка и галькой в промежутках между лессом 9,5—10,2 м; 4) глина темнозеленоватого цвета 10,2—12 м.

В лессе и гнездах песка на глубине 9,5—10 м встречаются кремневые отщепы и раздробленные кости древних животных, указывающие на наличие там культурных остатков стоянки.

Небольшими раскопками на площади раскола, длиной 15 и шириной 2—3 м, обнаружены совместно залежавшие кости животных и небольшое количество обработанных кремней (нуклеусы, отщепы, пластинки, скребок и резец), а также отщепы из кварцита. В слое находок отмечены также следы огня. Кости принадлежали нескольким особям мамонта, северного оленя и дикой лошади¹.

В окрестностях раскопа на дне оврага встречались отдельные кремневые отщепы и раздробленные кости животных, вероятно, также происходящие из культурного слоя этой стоянки. Из нее происходил, по всей вероятности, и названный уже выше орнаментированный бивень мамонта.

Кремневый инвентарь по формам орудий и технике их обработки, а также характер орнамента на поверхности бивня позволяют, по мнению П. П. Ефименко, датировать вновь открытую стоянку мадленским временем.

Уже первые находки, в частности орнаментированная кость, указывают на необходимость проведения больших раскопок на стоянке у с. Клинца. Они позволяют более полно осветить древнейшую историю северной части Правобережного Полесья УССР, еще очень слабо изученную.

¹ Определение И. Г. Пидопличко.

СТОЯНКА ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ВБЛИЗИ ОДЕССЫ

В. И. КРАСКОВСКИЙ

(Одесса)

До самого последнего времени памятники позднепалеолитического времени в приморских районах Одесской области были совершенно неизвестны. Поэтому открытие первого такого памятника вблизи Одессы представляет значительный научный интерес.

Он открыт автором этого сообщения осенью 1955 г. возле с. Великодолинское (бывш. Большая Аккаржа), Овидиопольского района, Одесской области (в 20 км к югу от Одессы). Памятник представляет собой местонахождение обработанных кремней позднепалеолитического облика, раздробленных и частично обожженных костей животных, залежавших в виде прослоек в лессовидном суглинке на глубине от 0,7 до 1,35 м от современной дневной поверхности. Находки обнаружены в 1500 м к юго-востоку от указанного села в стенке глубокого оврага, находящегося на правом береговом склоне небольшого ручья, впадающего в сухой лиман.

Геологическое строение места находок, записанное по обнажению стенки оврага, следующее:

а) почвенный покров мощностью 73—79 см; б) делювиальный лесовый суглинок, мощностью слоя 150—170 см; в) за ним следует слой красно-бурой глины, мощностью до 75 см, содержащей в верхних 30—40 см мергелистые конкреции; г) нижняя часть обнажения, мощностью до 2 м, состоит из слоистого потрескавшегося известняка понтического яруса третичной системы.

Обработанные кремни и обломки костей животных встречались как в зачистках стенок оврага, так и в осыпи на его дне.

Среди собранных кремней (всего 286 экз.) преобладают отщепы и обломки ножевидных пластинок (более 260); значительно меньше нуклеусов и законченных изделий (около 20 экз.).

Сырьевым материалом для изделия служил темносерый и светлый прозрачный галечниковый кремль. Многие заготовки и даже изделия содержат на себе участки желвачной корки со следами окатывания. Большинство расщепленных кремней покрыто густой белой патиной. Пластинки и изделия небольшие по размерам, что вызвано небольшими размерами заготовок — галек, из которых они изготовлены.

Нуклеусы призматические (рис. 1, 7), со следами скалывания довольно правильных пластинок (рис. 1, 2, 5, 6). Пластинки нередко имеют следы сработанности на своих гранях (рис. 1, 6) или специально нанесенную ретушь на отдельных участках края (рис. 1, 2). Имеются и совсем маленькие пластиночки, один из краев которых специально затуплен ретушью — это настоящие пластинки с затупленным краем (рис. 1,

3, 4), типичные для памятников, относящихся к самому концу позднего палеолита.

Среди законченных орудий труда выделяется небольшая серия концевых скребков, изготовленных на массивных пластинках или отщепках (рис. 1, 8—10). Резцов всего два — боковых на массивных пластинках (рис. 1, 1).

Кости животных принадлежат быку-бизону (по определению И. Г. Пидопличко). Отдельные кости имели на себе следы действия огня. Встречены также костные угольки и зола.

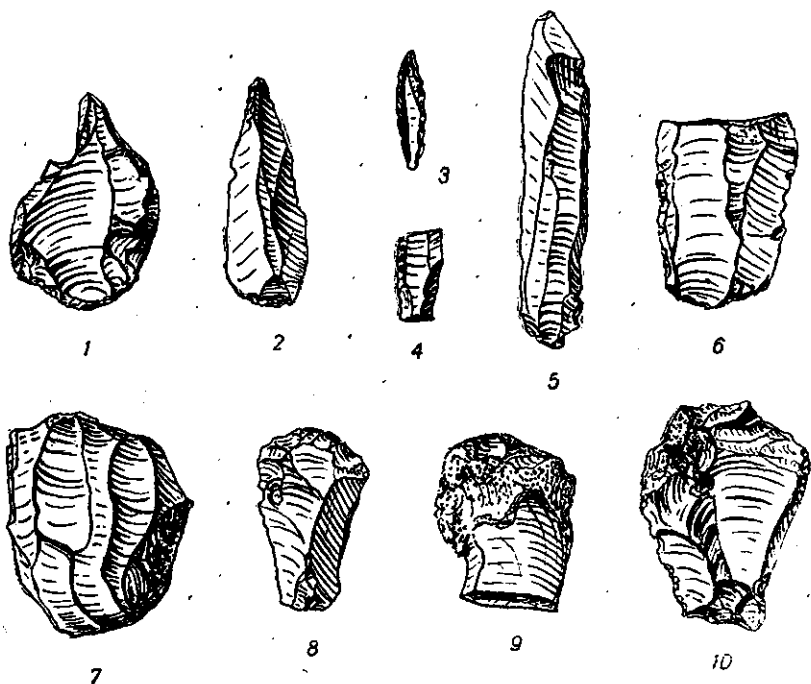

Рис. 1. Кремневые изделия позднепалеолитической стоянки у с. Великодолинского, возле Одессы.

Все эти находки свидетельствуют о наличии в этом месте остатков позднепалеолитической стоянки.

Вновь открытый памятник имеет большое научное значение, как свидетельство заселения северо-западного Причерноморья в позднепалеолитическую эпоху и нуждается в стационарном исследовании.

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА СЮРЕНЬ II

(Раскопки 1954—1955 гг.)

Е. А. ВЕКИЛОВА

(Ленинград)

В 1954 г. Сюреньский отряд Крымской палеолитической экспедиции ИИМК АН СССР возобновил и в 1955 г. завершил раскопки мезолитической стоянки Сюрень II, открытой в 1879 г. К. С. Мережковским и исследованной в 1924 и 1926 гг. Г. А. Бонч-Осмоловским.

За два года работы была вскрыта площадь более 150 м². Разведочные шурфы, поставленные в восточной и южной частях навеса, установили отсутствие культурного слоя в восточной части и определили границы его простираения на южном склоне. Кроме того, была уточнена стратиграфия и получены новые данные о времени и условиях образования навеса Сюрень II.

Известно, что Г. А. Бонч-Осмоловский происхождения сюреньских навесов связывал исключительно с процессами выветривания и считал их возникшими в разное время.

Обнаружение в 1955 г. в Сюрени II под слоем крупных плит, опавших с потолка пещеры, на глубине 5 м прослойки окатанной гальки (подобно известной из Сюрени I) явилось несомненным свидетельством активной роли реки в начальный момент образования обеих пещер и доказательством их одновременного образования.

Во время раскопок 1954 г. в центре пещеры был обнаружен культурный слой в верхней части суглинка, т. е. в иных стратиграфических условиях, чем материал, добытый К. С. Мережковским и Г. А. Бонч-Осмоловским. Этот культурный слой в отличие от культурного слоя Сюрень I не имел четко выраженных очажных прослоек или значительных скоплений костей животных, но характеризовался концентрацией обломков кремней и кремневых орудий, небольшого количества раздробленных костей животных, редких находок *Helix vulgaris* и отдельных древесных утолтков.

Лишь на одном из участков была открыта ямка размерами 1,3×1 м, дно которой было устлано плитками известняка. Заполнение ямки состояло из серого рыхлого суглинка, в котором было обнаружено более десятка кремневых орудий и большое количество расщепленного кремня. Среди остатков фауны, принадлежавших видам, известным ранее по раскопкам Г. А. Бонч-Осмоловского, особый интерес вызывает находка костей северного оленя, впервые обнаруженная в Крыму в отложениях голоценового возраста.

Раскопки 1954 г. дали в одном отношении неожиданный результат. Среди более чем 150 кремневых орудий не было найдено ни одного казалось бы столь характерного для Сюрени II наконечника иволистной формы. Но зато было обнаружено более 40 геометрических микролитов

в форме сегментов и реже треугольников, представленных в предшествующие годы единичными экземплярами. Обнаруженные микролиты в большинстве своем отличаются миниатюрными размерами и особой техникой изготовления и представляют собой доселе неизвестную в сериях на территории Крымского полуострова разновидность этих своеобразных орудий, что позволяет их выделить в особый тип — Сюрень II. В остальном набор кремневых орудий выявленного культурного слоя обнаружил близкое сходство с обычным комплексом крымского мезолита, для которого характерны скребки на отщепах и пластинках, резцы разных типов, острия со скошенным краем, пластинки с выемками, ретушеры из галек песчаника, единичные костяные острия. Никаких следов второго культурного слоя на вскрытом участке не было.

Во время раскопок 1955 г. также не было обнаружено двух культурных слоев, залегающих один под другим.

Однако находка двух наконечников иволистной формы в слое крупных плит на глубине 160 см, т. е. в условиях, тождественных условиям, зафиксированным Г. А. Бонч-Осмоловским, подтверждает сделанное ранее наблюдение о стратиграфических различных условиях залегания комплекса с иволистыми наконечниками и комплекса с геометрическими микролитами, что приводит нас к заключению о наличии в Сюрени II двух одновременных культурных слоев мезолитического возраста.

Среди мезолитических стоянок Крыма место комплекса с иволистыми наконечниками определено Г. А. Бонч-Осмоловским, датирующим его временем позднего азия. Что касается комплекса с геометрическими микролитами, то ему нет близких аналогий в крымском материале, и при современном состоянии наших знаний место его окончательно определено быть не может. Предварительно оценивая имеющиеся факты, его можно датировать временем, предшествующим стоянкам типа Мурзак-Коба. О такой датировке свидетельствует преобладание геометрических микролитов в форме сегментов и треугольников, при почти полном отсутствии трапеций. Следует при этом иметь в виду, что несмотря на относительно хорошую изученность крымского мезолита, который по праву считается опорным для территории Восточной Европы, существующая классификация мезолитических памятников Крыма нуждается в дальнейшей разработке и уточнении. Прежде всего это касается заключительных этапов развития крымского мезолита, но не только его. Так, до сих пор нет единой точки зрения по вопросу о хронологическом месте открытой стоянки Кукрек. Все еще жива традиция относить к мезолиту многочисленные стоянки Яйлы, в большинстве своем относящиеся к неолиту, а иногда и более позднему времени. Наконец, такое уточнение неизбежно в связи с появлением новых археологических фактов, например, данных раскопок Алимовского навеса А. Д. Столяром в 1955 г. и разведочных работ Ю. Г. Колосова на Караби-Яйле и в Присивашье.

Решение этого вопроса невозможно без учета материалов смежных территорий юга Украины (главным образом, в части, касающейся неолита) и Кавказа, где летом 1955 г. С. Н. Замятниным открыта и частично исследована первая для Кавказа многослойная мезолитическая стоянка Сосруко в Кабарде.

ТРЕТИЙ ВАСИЛЬЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Д. Я. ТЕЛЕГИН

За последнее время в порожистой части Днепра обнаружено и исследовано значительное количество эпипалеолитических и неолитических могильников. Три больших некрополя раскопано около с. Васильевки, Синельниковского района, Днепропетровской области. Два из них (№ 1 и № 2) исследованы в 1953 г. А. Д. Столяром, третий — автором в 1955 г.

В настоящем сообщении даются предварительные сведения о результатах раскопок третьего могильника у с. Васильевки.

Могильник расположен на склоне третьей лессовой террасы левого берега Днепра, возвышающейся здесь над доднепротэсовским уровнем Днепра на 17—20 м.

Здесь обнаружено 44 скелета, залегающих на разной глубине — от 0,8 до 1,6 м от поверхности почвы. Погребения расположены в основании лессовидного суглинка и самой верхней части подстилающего его суглинка с прослойками супеси.

Никаких следов погребальных ям нами не обнаружено.

Все погребения на площади могильника расположены без видимого порядка и, как кажется, без определенной системы. Скелеты залегают или совершенно отдельно, или небольшими группами. Вообще погребения на территории могильника сосредоточены довольно густо. Имеется несколько случаев перекрывания одного скелета другим. Но при исследовании ни разу не отмечено прорезания или нарушения более ранних погребений более поздними. Очевидно, места захоронений в древности были чем-то обозначены, возможно, маленькими могилками. При одном детском скелете расширено два больших камня (30 см в поперечнике), которыми, очевидно, обозначалось место этого погребения.

В целом же могильник, площадь которого равна примерно 100 м², на современной поверхности не выделялся ничем. Обнаружен он случайно, так как его центральная часть была разрушена образовавшимся здесь глубоким оврагом.

Если предположить, что скопление погребений в центральной (разрушенной) части могильника было такое же, как и на его окраине, то в общем в могильнике насчитывалось не меньше 60—70 погребений.

По обряду все погребения могильника № 3 четко распадаются на две количественно неравные группы (рис. 1).

К первой группе относятся 37 скорченных погребений (№ 2—14; 16—30; 37—43).

Вторая группа включает семь вытянутых скелетов (№ 31—36). К этой группе следует, очевидно, отнести также костяк № 1, залегающий рядом со скорченным скелетом, и, возможно, скелет № 15, от которого сохранился только череп.

Погребения первой группы — скорченные на правом или левом боку, ориентированные головой в южную, юго-восточную или восточную сторону. Отдельные покойники положены головой на юго-запад, север или запад. Ноги согнуты и подтянуты к животу, руки согнуты в локтях, кисти, как правило, находятся перед лицом или под головой. Большинство

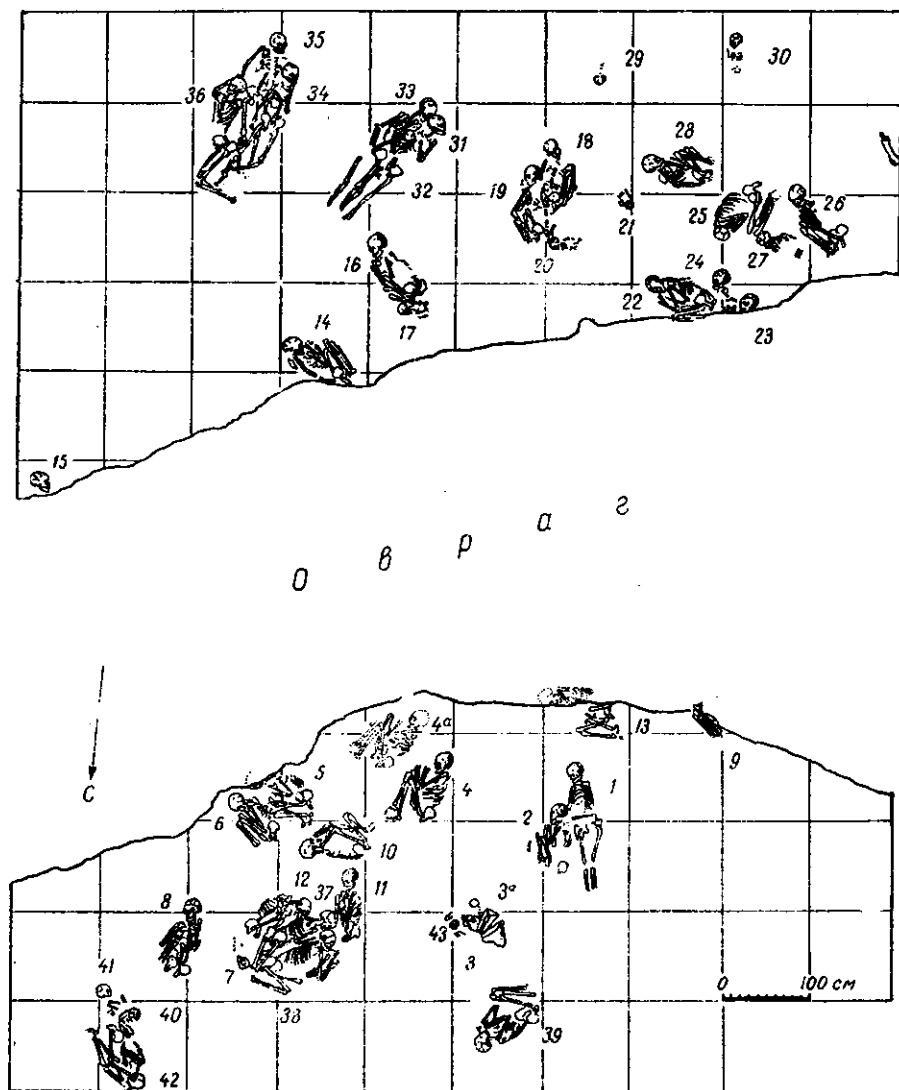

Рис. 1. План могильника Васильевка 3.

захоронений — одиночные, но имеется также одно тройное и три парных. Среди погребений первой группы — 12 детских (от 2 до 12 лет).

Погребения второй группы — вытянутые, на спине, ориентированы головой на юг, юго-запад, лицом в правую или левую сторону. Ноги прямые, левая рука чаще согнута в локте, кисть в области живота или груди, правая протянута вдоль туловища.

При костяках собран небольшой, но весьма выразительный вещевой материал.

С погребениями первой группы связываются три кремневых острия (рис. 2, 1) и одна пластинка с затупленным краем, а также два облом-

ка кремневых пластин. Два острия обнаружены торчащими в костях человека (скелеты № 12, 37).

При костяках второй группы найдены два треугольных острия с подретушированным основанием (рис. 2, 2) и обломок костяного наконечника с кремневыми вкладышами в пазах (рис. 2, 3). Последний также торчал в крестце одного из скелетов (№ 34).

Подводя краткие итоги исследованию Васильевского третьего могильника, необходимо прежде всего отметить, что здесь имеется, очевидно, два разновременных некрополя.

Как свидетельствует изложенное выше, группа скорченных захоронений отличается от вытянутых не только обрядом, но и характером вещевого материала. Отмечаются также и различия в уровне залегания; вытянутые захоронения в общей сложности залегают выше всей массы скорченных.

Судя по обряду и сопровождающим скелеты находкам, погребения первой группы принадлежат тому же населению, которое оставило Волошский¹, Васильевский 1-й² и, весьма вероятно, Чаплинский могильники³.

По характеру скорченности погребения Васильевского третьего могильника довольно близко напоминают захоронение из Фатма-Коба⁴. Из более отдаленных аналогов можно указать на широко известное негроидное погребение из Детского грота вблизи Ментоны⁵, ряд погребений ранней натуфийской культуры в Палестине⁶, ориньякские и неолитические захоронения Кении⁷, а также исследованное недавно погребение на Маркиной горе (Костенки XIV)⁸.

Этих аналогий, однако, далеко не достаточно для определения времени Васильевского третьего могильника.

В вопросе датировки погребений первой группы основное значение могут иметь связанные с ними находки кремневых изделий. Так, например, обнаруженные при скелетах первой группы острия с затупленным краем позволяют хронологически сопоставлять все скорченные захоронения могильника с нижними горизонтами многослойных стоянок — Осокоровки, Ямбурга и т. п. — и датировать их временем, предшествующим распространению геометрических форм в Надпорожье, т. е. не позднее начала эпилепалеолитического времени.

Возраст погребений II группы, очевидно, несколько более поздний. По характеру треугольных острий и типу наконечника копья, весьма

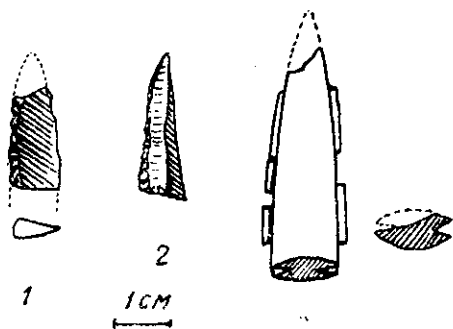

Рис. 2. Наконечники стрел и копья, найденные при скелетах.

1 — острие с затупленной спинкой; 2 — треугольное острие; 3 — наконечник копья с кремневыми вкладышами.

¹ В. Н. Даниленко, Волошский эпилепалеолитический могильник, СЭ, № 3, 1955.

² А. Д. Столяр, Отчетная статья о раскопках Васильевского мезолитического могильника в 1953 г. Научный архив ИА АН УССР.

³ А. В. Добровольский, Могильник в с. Чапли. Археология, IX, К., 1954.

⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский, Итоги изучения крымского палеолита, Тр. II конф. АИЧПЕ, V, 1934; см. также П. П. Ефименко, Первобытное общество, К., 1953, стр. 598, рис. 302.

⁵ M. Ebert, Reallexicon, Grab, B. 4, H. II, s. 452.

⁶ D. A. E. Garrod and D.M.A. Bate, The stone age of Mount Carmel, Oxford, 1937, Pl. VI, 1.

⁷ L.S.B. Leakey, The stone age cultures of Kenia coloni, Cambridge, 1931.

⁸ А. Н. Рогачев, Погребение древнекаменного века на стоянке Костенки XIV (Маркина гора), СЭ, 1, 1955.

близкому к остриям раннеолитического времени Надпорожья (о. Сурской), группа вытянутых погребений Васильевки может быть датирована мезолитическим или раннеолитическим временем. В ритуале этих захоронений отмечается полное тождество с погребениями Мурзак-Кобы, которые датируются мезолитическим временем.

Таким образом, обе группы погребений Васильевского третьего могильника хронологически не выходят из рамок конца палеолитического—начала неолитического времени.

Эта датировка в известной мере согласуется с определением хронологического места Волошского могильника, который В. Н. Даниленко синхронизирует с двумя выделенными им фазами в развитии эпипалеолитических культур Надпорожья¹.

Вопреки мнению В. Н. Даниленко мы, однако, считаем, что скорченные погребения Васильевки, а следовательно, и соответствующие захоронения Волошского могильника «не позднее большинства слоев Осоковрки и Днепровской (б. Ямбург)»², а синхронные им (V, IV слои) или же раньше их (III, II слои). Наличие костяного наконечника сурского типа при вытянутых погребениях Васильевки, с другой стороны, позволяет отодвинуть верхнюю хронологическую границу погребений второй группы исследованного нами могильника до начала неолитического времени.

В заключение отметим, что Васильевский третий могильник свидетельствует о довольно прочной оседлости обитателей Надпорожья уже в то время. Он дает также данные для понимания вопроса взаимоотношений между отдельными группами населения, в частности свидетельствует о вооруженных стычках между ними.

Добытый при исследовании могильника антропологический материал послужит важным источником для определения физического типа древнейшего населения юга Украины.

¹ В. Н. Даниленко, ук. соч., стр. 61.

² Там же.

НОВЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ КРЫМА

(по данным археологических разведок 1955 г.)

Ю. Г. КОЛОСОВ

Из всех периодов древней истории в Крыму меньше всего изучена неолитическая эпоха.

Большинство открытых стоянок этого времени известно на крымских яйлах. Из них только на одной стоянке (Ай-Петринская яйла — Ат-Баш) был открыт участок культурного слоя, залегавшего *in situ* на глубине 40—60 см от поверхности. Несмотря на то, что здесь в культурном слое была обнаружена керамика, ни один из археологов (за исключением Т. Ф. Гелаха¹) не отнес стоянку Ат-Баш, как и другие стоянки яйл, к неолитическому времени.

Сравнив кремневый материал всех мезолитических стоянок Крыма, С. Н. Бибииков впервые поставил вопрос о пересмотре их датировки². Он выделил характерные для неолита микролитические кремневые орудия, находящиеся в сопровождении керамики; а именно: трапецию со «струганной спинкой» и сегменты, дуга которых оформляется плоской ретушью, далеко заходящей на спинку. Впоследствии А. А. Формозов³ к этим характерным орудиям неолита Крыма добавил конические и плоские нуклеусы, обнаруженные в ряде пещерных местонахождений. Эти типичные для неолитических памятников орудия были найдены нами во время разведок на Караби-Яйле, а также на берегах Азовских Сивашей и степной части Крыма.

В степном Крыму до последнего времени неолит выпадал из поля зрения археологов. Лишь начиная с 1952 г. здесь были обнаружены отдельные неолитические находки. Найденный в степном Крыму на стоянке Алексеевская Засуха (на берегу Азовских Сивашей) кремневый материал, среди которого находились маленькие скребки округлой формы, пластинки со скошенными и притупленными краями, стрелки и, главное, трапеции со струганной спинкой, относятся к неолитическому времени. Раскопки стоянки Алексеевская Засуха могут дать материалы по неолиту степного Крыма, о котором мы пока еще ничего не знаем.

Заслуживающими внимания неолитическими стоянками южного Крыма являются стоянки на Караби-Яйле. В настоящее время нам известно четыре местонахождения в долине Су-Ат, из которых самой интересной является стоянка Су-Ат III. Она расположена на двух сравнительно крутых конусовидных всхолмлениях, разрезанных

¹ Т. Ф. Гел а х, Археологические разведки в Крыму летом 1926 г., РАНИОН, Труды секции археологии, IV, 1929, М., стр. 121.

² С. Н. Бибииков, К вопросу о неолите в Крыму, КСИИМК, в. IV, 1940, стр. 26—31.

³ А. А. Формозов, Локальные варианты культуры эпохи мезолита европейской части СССР, автореферат канд. диссертации, М., 1954, стр. 8.

родником. Культурный слой, как удалось проследить при зачистке кру-
тых склонов, тянется примерно на 30 м.

Среди подъемного материала найдено много ножевидных пластинок,
микропластинок, среди них пластинки с боковой и частичной боковой
ретушью, с притупленным краем, с выемками, со скошенным краем.
Встречались концевые скребки, резцы на пластинках и отщепках. Найде-
ны также обломок наконечника стрелы с ретушью острия с бруска

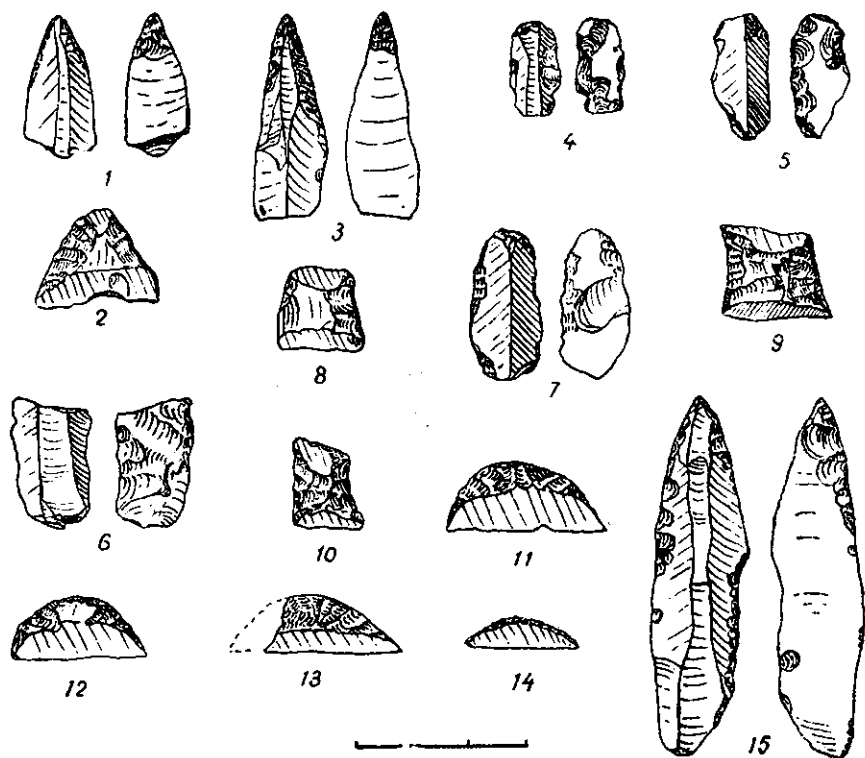

Табл. I. Кремневые орудия стоянок на Карабан-Яйле.

(табл. I, 1), 4 геометрических орудия, из них 1 трапеция со струганной
спинкой (табл. I, 2) и 3 вкладыша кукрекского типа. Всего обнаружено
350 кремней.

Вторая стоянка, также имеющая культурный слой — Су-Ат IV, нахо-
дится примерно в 0,5 км к западу от Су-Ат III в таких же топографиче-
ских условиях, как и Су-Ат III. Кремневый материал аналогичный стоян-
ке Су-Ат III, но менее многочисленный. Две другие стоянки дали неболь-
шой кремневый материал без культурного слоя.

Значительно восточнее долины Су-Ат, в долине Ала-Чук, на южном
склоне Караби-Яйлы расположена еще одна неолитическая стоянка. По-
средине долины проходит глубокое русло ручья, питающегося карсто-
выми водами, которые просачиваются через известняковые склоны до-
лины. Карстовые и эрозионные воды значительно смыли четвертичные
напластования, обнажив подстилающие их сланцы. Не смытые еще уча-
стки выглядят отдельными островами. В обнажениях этих островов
собрано свыше трех тысяч кремней, из которых орудий более 300, ноже-
видных пластинок и обломков — около 400. На одном из таких островов,
где было наибольшее количество находок, заложен шурф размерами
2×2 м, который дал следующую стратиграфию: I слой — чернозем —

20 см, II — суглинок с примесями чернозема — 15—20 см, III — суглинок с находками — 20 см и IV — плотная желтая глина без находок. На глубине 40 см от поверхности залегал культурный слой толщиной 20 см, сильно насыщенный кремнем.

При камеральной обработке выделились два хронологически различных комплекса кремневого инвентаря. Правда, такое деление пока является условным.

К первому комплексу относятся 4 резца на крупных пластинчатых отщепах, концевой скребок на обломке широкой пластины, скребок высокой формы, обломок пластины с краевой ретушью и сравнительно большой процент микропластинок с притупленным краем. Все орудия из кремня сильно патинизированы. Множество микропластинок, одно грубое геометрическое орудие с большим основанием дают право отнести этот комплекс к самому началу азия.

Второй комплекс кремневых изделий почти не имеет патины. Кремьень серого или черного цвета. Нуклеус второго комплекса длинный, конической формы со сколотыми с него ровными и узкими пластинами. Среди множества микропластинок выделяются микропластинки с притупленным краем и резцовыми сколами. Геометрические орудия — трапеции, небольшие округлые скребки, обломок наконечника стрелы с ретушью со стороны брюшка (табл. I, 3), оформляющей острие, имеется также один вкладыш кукрекского типа.

Кремневый материал второго комплекса следует отнести к неолитическому времени, учитывая при этом, что в культурном слое найдено несколько обломков лепной, плохо обожженной керамики. Небольшие фрагменты стенок сосудов, толщиной 0,5—0,7 см, имеют очень большую примесь каких-то измельченных органических веществ, выгоревших при обжиге и сделавших керамику легкой. Аналогии им представляет керамика из раннеолитического слоя Каменной Могилы, группы сурских стоянок, Виты-Литовской¹.

Выделить два комплекса из подъемного материала пока что затруднительно, поэтому ниже приводим описание в целом основных кремневых орудий, собранных с поверхности стоянки. Среди кремневого материала найдено несколько наконечников стрелок, относящихся к медному веку.

Основным и самым многочисленным видом кремневых изделий являются ножевидные пластинки, целые и в обломках (около 400), среди которых большой процент составляют пластинки с боковой и частичной боковой ретушью и с выемками. Одних только микропластинок найдено свыше 150. Сравнительно большую группу составляют вкладыши кукрекского типа — 17 шт. (табл. I, 4—7). Стоянка Кукрек до сих пор являлась единственным памятником, на котором были обнаружены вкладыши. Находки вкладышей кукрекского типа на ряде указанных стоянок свидетельствуют, что Кукрек является далеко не единственным в этом отношении памятником, а вкладыши кукрекского типа выделяются в характерные орудия неолитических стоянок Крыма.

Геометрических орудий на стоянке Ала-Чук собрано 27 (трапеций — 18, сегментов — 7, треугольников — 2). Из них найдено 3 трапеции со струганной спинкой (табл. I, 8—10) и 3 сегмента, дуга которых оформлена плоской ретушью, далеко заходящей на спинку (табл. I, 11—13). Интересными являются 2 сегмента, не имеющие граней пластинки (табл. I, 14). Аналогичные сегменты были найдены в гроте Сюрень II во время раскопок 1954—1955 гг.² Аналогии таким сегментам встречаются и в Палестине. Меньше найдено пластинок с притупленными

¹ Раскопки В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегина. Материалы хранятся в фондах Института археологии АН УССР.

² Раскопки Е. А. Векиловой. Материалы хранятся в фондах ЛОИИМК.

и со скошенными краями. Из других орудий отметим небольшие скребки округлой формы на отщепках (1—3 см), серию скребков на маленьких и коротких сечениях пластинок и наконечник стрелы на длинной и узкой пластинке с ретушью, оформляющей острие со спинки и брюшка (табл. I, 15).

Таким образом, описанные выше новые стоянки Алексеевская Засуха, Су-Ат III и, возможно, Су-Ат IV, Ала-Чук относятся к неолитическому времени. Дальнейшее изучение их дает возможность заполнить пробел в наших знаниях по истории населения Крыма в неолитическую эпоху.

РАСКОПКИ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ В ДОЛИНЕ р. САЛГИР

А. А. ШЕПИНСКИЙ

(Симферополь)

Стоянка была обнаружена в 1953 г.¹ на первой надпойменной террасе левого берега р. Салгир, выше Симферополя. Раскопками, произведенными в 1954 г. Симферопольской археологической экспедицией Крымского филиала АН УССР, установлено, что на стоянке было четыре культурных слоя. Определены также три древних погребенных горизонта первой надпойменной террасы Салгира, соответствующие трем слоям стоянки.

Находки наиболее древнего культурного горизонта залегали в слое плотной желтой глины, на глубине 1,5—1,7 м, на уровне первой погребенной террасы Салгира. Здесь найдены: округлые скребки на отщелах и на конце пластины (рис. 1, 1—3), боковой резец на реберчатом сколе с нуклеуса (рис. 1, 4), косые острия на сечениях ножевидных пластинок (рис. 1, 5), призматические нуклеусы и сколы с них, часть нуклеусов карандашевидной формы (рис. 1, 6—7) и значительное количество ножевидных пластинок, среди которых встречаются миниатюрные, хорошо ограниченные (рис. 1, 8—11). Многочисленные отходы кремня свидетельствуют о том, что орудия изготовлялись на месте. Керамики и костяных изделий нет. Много костей животных. Существенной особенностью этого слоя является отсутствие геометрических форм, характерных для эппалеолитических стоянок Крыма.

Таким образом, набор инвентаря из этого слоя позволяет датировать его концом мезолита или ранним неолитом. Ближайшие аналогии находкам этого слоя дает эппалеолитическая стоянка Кукрек в долине р. Зуи² и, возможно, некоторые яйлинские местонахождения, а на юге Украины — ранее — неолитические стоянки Надпорожья (типа стоянок на островах Кизлево, Шулаевом и др.)³.

Следующий слой стоянки соответствует второму уровню погребенной террасы, сложенной из светло-серого делювиального сутлинка. От нижележащего слоя стоянки он отделяется стерильной прослойкой. Погребенная поверхность этой террасы находится на глубине 1,0—1,2 м и хорошо маркируется скоплениями культурных остатков и небольшими

¹ А. А. Шепинский, Археологические разведки в долине р. Салгир, Изв. Крым. отдела Географ. о-ва СССР, в. 3, Симферополь, 1954, стр. 89.

² Г. А. Бонч-Осмоловский, Итоги изучения крымского палеолита, Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, в. V, 1934; Е. А. Векилова, Эппалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму, КС ИИМК, в. XXXVI, 1951, стр. 87 и сл.

³ В. М. Даниленко, До питання про ранній неоліт південної Подніпряння, Археологія, III, стр. 119; М. Рудинський, Стоянки з мікролітичним інвентарем на острові Кизлево, Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, К., 1949.

зольными пятнами. В этом слое найдена лепная керамика со шнуровым, веревочным и гребенчатым орнаментом (рис. 1, 12—14). Орнамент, как правило, нанесен на верхней части сосуда. Кроме того, найде-

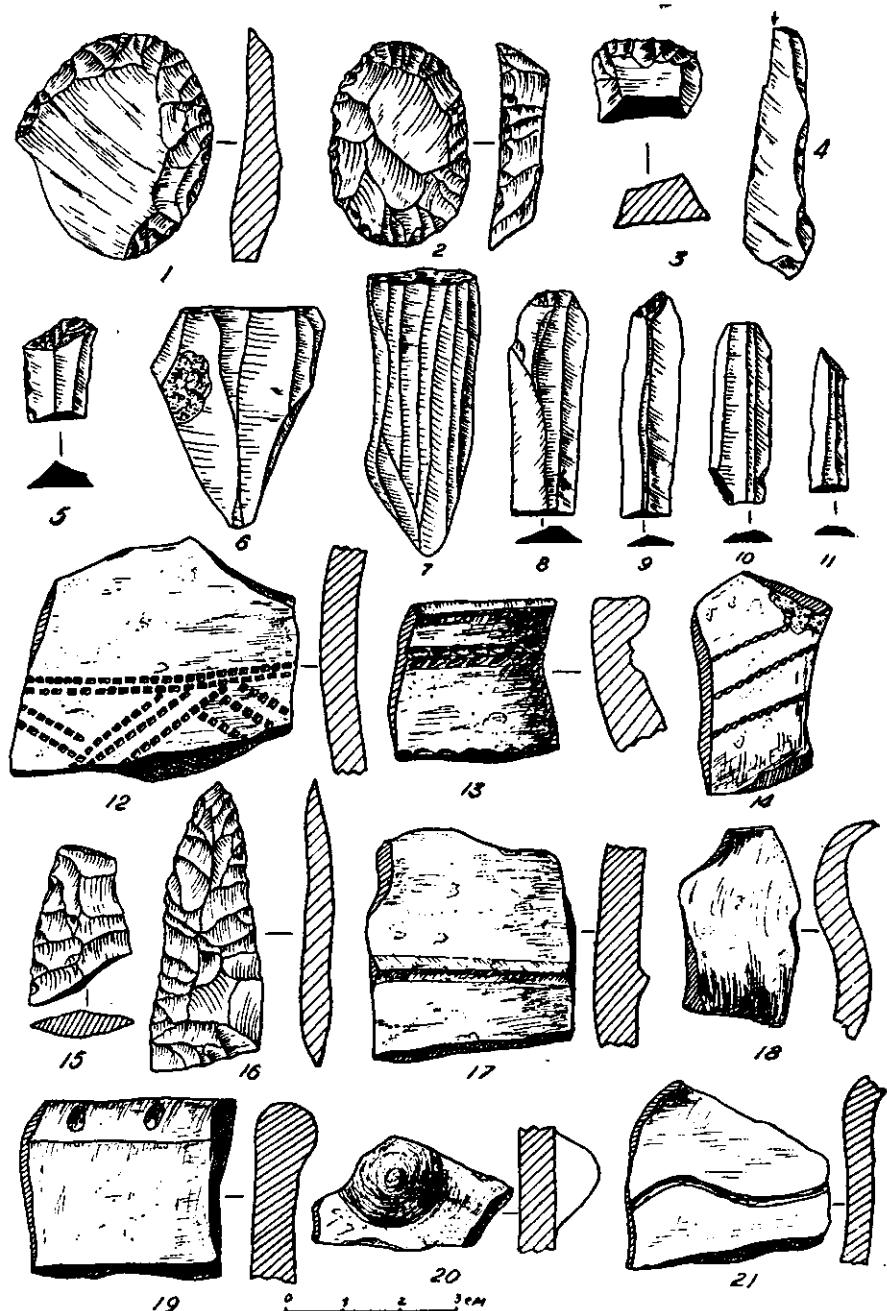

Рис. 1. Кремневый и керамический материал из Симферопольской стоянки.

1—11 — из нижнего слоя стоянки (рубеж мезолита и неолита); 12—16 — из второго слоя стоянки (катакомбного времени); 17—20 — из третьего слоя стоянки (кизил-кобинского времени); 21 — из четвертого слоя стоянки (раннее средневековье).

ны: фрагмент кремневой стрелки (рис. 1, 15), концевой вкладыш серпа с залощенным рабочим краем (рис. 1, 16), обломки отбойников и ноже-

видных пластинок, а также небольшое изделие из песчаника с протертыми желобками, повидимому, служившее абразивом.

Если придерживаться хронологической классификации памятников катакомбной культуры, предложенной Т. Б. Поповой, то этот слой можно отнести ко второму этапу развития этой культуры¹.

Третий культурный слой стоянки мощностью 0,4 м соответствует предпоследнему уровню погребенной террасы также делювиального образования, которая выделяется коричневатым оттенком грунта. Верхний горизонт слоя на глубине 0,75—0,8 м. На уровне обжитой в древности поверхности террасы обнаружена очажная яма (0,8×0,4 м), заполненная золой, а рядом — скопления простой лепной и лощеной керамики кизил-кобинского типа с налепными валиками и сосцевидными налестками на стенках сосудов (рис. 1, 17, 20), с насечками и вдавлениями по краю венчика (рис. 1, 19). Найдены обломки сосудов гальштатского облика — плоскодонных горшков-кубков и т. п. (рис. 1, 18). По аналогии с другими памятниками кизил-кобинской культуры (Уч-Баш, Ашлама-Дере, Таш-Джарган и др.) этот слой можно отнести к X—IX в. до н. э.

Верхний культурный горизонт стоянки (мощность 0,3—0,4 м) относится к началу формирования современной поверхности террасы. В слое найдены многочисленные обломки раннесредневековых круглодонных реберчатых амфор, кувшинов и горшков, иногда орнаментированных волной (рис. 1, 21). Этот слой датируется VI—IX в. н. э.

Судя по низкому расположению стоянки по отношению к пойме (2 м) и отсутствию признаков долговременной жизни (жилищ и проч.), стоянка во все периоды своего существования являлась кратковременной, сезонной.

Значительная мощность кизил-кобинского и средневекового слоев объясняется делювиальными процессами, в результате которых культурный слой с вышележащих участков террасы был смещен к ее основанию. Это, в частности, подтверждается перемешанностью материала и легкой окатанностью краев у керамики, залегающей выше погребенных уровней террасы.

Прибрежная стоянка на первой террасе с подобной стратиграфией культурных слоев в Крыму исследуется впервые. Она дает возможность наглядно проследить процесс образования первой надпойменной террасы Салгира.

¹ Т. Б. Попова, Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры, СА, в. XXII, 1955, стр. 26.

ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КАМЕННОЙ МОГИЛЫ

М. Я. РУДИНСКИЙ

В работах конца 30-х годов и в годы строительства Южно-Украинского — Северо-Крымского канала в 1951—1952 гг. на холме Каменной Могилы и у ее подножья было обнаружено около 50 местонахождений с петроглифами.

Обследованные объекты, в большинстве случаев, представляют собою отдельные плиты, часто совершенно не связанные с окружающими их камнями. Обнаруженные на них начертания являются законченным целым и не имеют продолжения ни в ближайшем окружении, ни в значительно удаленных от них комплексах рисунков. В других местонахождениях обнаружены группы изображений на отдельных плитах, представляющие собою фрагменты единого целого, разорванного разрушением породы. Нет никакого сомнения, что они происходят от размытых и оборвавшихся навесов. Уцелело лишь несколько местонахождений, которые остались не разрушенными полностью. К числу последних относятся: центральный (или первый северный) грот, образовавшийся в толще пласта песчаника на вершине холма Каменной Могилы над его северным склоном (местонахождение № 5) и так называемый «грот мамонта» — над его северо-западным склоном (в нашей нумерации местонахождение № 9).

Первое, что следует отметить при общей оценке петроглифических памятников Каменной Могилы, это — большое число отдельных групп рисунков, обнаруженных на ограниченной площади (всего около 3 га), в ряде случаев значительно отличающихся друг от друга и по технике нанесения их на камень, и по их стилистическим особенностям.

В большинстве примеров известные нам местонахождения с петроглифами, охватывающие иногда очень значительные территории, принадлежат какому-нибудь одному — более короткому или более длительному отрезку истории общества данной области — и отражают какую-нибудь определенную форму его хозяйственной деятельности. Как правило, в пределах этих территорий они находят соответствующие аналогии, а часто и полные параллели в иных группах рисунков этого времени, обусловленные не только общими приемами оформления изображений и техники их исполнения, но и общностью замыслов и трактовки отдельных сюжетов. В этом отношении достаточно вспомнить петроглифы карело-русского севера или наскальные рисунки Казахстана и Западной Сибири, Алтайского края и Монголии, начертания на плитах погребальных сооружений мегалитической культуры иберо-франко-британской Приатлантики или петроглифы Готланда и Южной Швеции.

На Каменной Могиле мы видим иное. Мы встречаемся здесь с необычным многообразием и технических приемов и стиля (не говоря о сюжетном содержании изображений), пока что не повторенном в полной мере в других комплексах наскальных рисунков за пределами УССР.

Взятый в целом, как закрепленное на камне отображение идеологических представлений древних обитателей украинского Приазовья, петроглифический комплекс Каменной Могилы может быть датирован, в грубых цифрах, последним тысячелетием до нашей эры. О значительном расширении этих хронологических рамок говорить не приходится. Впрочем, некоторое поднятие верхней даты, как нам представляется, и возможно.

В этом комплексе мы не находим указаний на идеологические представления более глубоких этапов развития общества с присвояющими формами хозяйственной деятельности охотничьего или охотничье-рыболовческого уклада. В наскальных рисунках Каменной Могилы со всей выразительностью вскрывается вполне закономерное в историческом аспекте отражение идеологических представлений дальнейшего этапа общественного развития, обусловленного переходом к воспроизводящим формам хозяйства иного уклада — скотоводческо-земледельческого.

При нынешнем состоянии изученности памятников Каменной Могилы предположение о том, что они оставлены разными в этническом отношении общественными объединениями, едва ли может быть прочно обосновано. При всем многообразии наскальных рисунков Каменной Могилы, в них нельзя не видеть отражения единого в своем развитии исторического явления. И, повидимому, разгадку этого многообразия следует искать именно в тех изменениях общего характера производственной деятельности обитателей окрестностей Каменной Могилы этой эпохи, которые нашли свое отражение в разных по времени группах ее петроглифов. В объяснении этого многообразия, конечно, нельзя сбрасывать со счета и те бытовые особенности (а значит, и те несколько отличные в смысле идеологии представления), которые проявились в отдельных комплексах наскальных рисунков, оставленных различными общественными группами единого этнического массива.

Более чем вероятно, что Каменная Могила являлась для них общим культовым местом, к которому они обращались, быть может неоднократно, с какой-то определенной целью, скорее всего для отправления особых, связанных с верованиями, обрядов. Конечно, смысл и объяснение этих актов остаются пока что нераскрытыми.

Не исключено, наконец, что в рисунках Каменной Могилы одного отрезка времени мы встречаемся и с комплексами изображений и начертаний, оставленных отдельными группами посвященных лиц и даже отдельными лицами данного коллектива, специально выделенными для нанесения на камень тех или иных начертаний.

В определении места наскальных рисунков Каменной Могилы среди петроглифических комплексов Союза необходимо отметить два существенно важных момента — возникновение их в определенных географических условиях и развитие их в конкретной исторической обстановке.

Они создаются среди степей азовско-причерноморского юга, представляющего собою северную периферию Восточного Средиземноморья. Именно этим объясняется отчетливо выраженное отличие наскальных рисунков Каменной Могилы от изображений на «писанных камнях» лесных территорий Севера, с одной стороны, и некоторое сходство отдельных элементов сложных каменномогильских начертаний с подобными изображениями в петроглифах среднеазиатского Востока (в первую очередь, в хорезмийских петроглифах Чильыка в Кара-Тюбе)¹, обусловленных разницей хронологического, производственного и этнического порядка. Именно в этом факте мы находим объяснение тому, что в развитии петроглифического искусства Каменной Могилы и в отра-

¹ С. П. Толстов, К вопросу о протохорезмийской письменности, КСИИМК, в. XV, М., 1947, стр. 38—42.

женных в нем идеологических представлениях древних обитателей Приазовья отмечаются те же этапы развития, которые с достаточной четкостью прослежены в общем историческом развитии населения присредиземноморских территорий Европы и Переднего Востока в эпоху бронзы и раннего железа.

Чрезвычайно интересной в комплексе наскальных изображений Каменной Могилы и редко отмечаемой в других памятниках петроглифического искусства вообще является выдержанность приема нанесения рисунков не на внешних поверхностях плит и скал, а исключительно на потолках сохранившихся гротов и навесов на вершине холма и только на нижней поверхности оборвавшихся плит у его подножья.

До настоящего времени среди большого уже количества плит с рисунками на Каменной Могиле мы отмечаем лишь один и единственный пример начертаний на внешней поверхности скалы: известные по публикации О. Н. Бадера рисунки на камне над северным краем вершины холма (местонахождение № 1), находящие аналогии в наскальных рисунках Закубанья¹.

Это следует подчеркнуть. Среди петроглифов Союза мы знаем лишь отдельные примеры этого приема нанесения наскальных рисунков, в первую очередь, между прочим, в наскальных рисунках Зараут-Сая. Как там, в Зараут-Сая, так и здесь, на Каменной Могиле, они скрыты от взоров посетителя и их бывает очень трудно обнаружить.

Гроты Каменной Могилы не имели стен как таковых. Потолком служила им нижняя поверхность пласта песчаника на вершине холма, выступавшего местами в виде навесов над его склонами. Она далеко не всегда была ровной. Цементация песка, из которого сложен холм Каменной Могилы, теми или иными вяжущими веществами зависела от химического состава этих веществ и их количества в том или ином пункте. В результате—на нижней поверхности пласта песчаника образовывались неровности и наплывы самых разнообразных форм и рельефа. Сильно выступающие над гладью поверхности, они создавали многочисленные карнизы, иной раз значительной мощности и ширины. В ряде случаев под потолком грота они проходили очень низко, как бы свешиваясь по сторонам площадки, предназначенной для нанесения рисунков, и придавая ей некоторое подобие свода.

Эти карнизы, ограничивающие участок ровной площади потолка и вместе с тем как-бы намечавшие стены, очень часто покрывались насечками орнаментального характера и даже отдельными изображениями смыслового значения. Они не являются завершением стен, как таковых, а принадлежат потолкам гротов-навесов и нижней поверхности оборвавшихся от них плит.

Говоря о петроглифах Каменной Могилы, со всей определенностью их следует рассматривать, как очень интересный комплекс искусства парietального, имеющего дело прежде всего с лежащими над головой горизонтальными плоскостями. Это—один из существеннейших моментов в определении места петроглифического комплекса Каменной Могилы среди иных местонахождений с наскальными рисунками на территории СССР и за его пределами. Он представляет собою, если не исключительное, то, во всяком случае, очень редкое явление.

На опубликованном нами схематическом плане Каменной Могилы и ее подножия кружками отмечены отдельные местонахождения с петроглифами². Центральная часть плана отметок не имеет. Это—ровная поверхность неразрушенного еще шита песчаника на вершине холма,

¹ О. Н. Бадер, Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. МИА, № 2, М.—Л., 1941, рис. 7, 8; В. М. Сысоев, Археологическая экскурсия по Закубанью, Материалы по археологии Кавказа, в. IX, М., 1904, стр. 123, табл. XVII.

² КСИА, в. I, К., 1952, стр. 24, рис. 2.

лота и давшего уже большое количество трещин и уже расчлененного на отдельные, еще не сдвинувшиеся, однако, с места.

Значительный процент местонахождений (около 20 номеров) составляют отдельные плиты с рисунками, обнаруженные на периферии территории, покрытой камнями, у подножия холма Каменной Могилы. В большинстве случаев плиты с петроглифами отмечены на различной высоте на склонах холма.

Некоторые плиты, принявшие горизонтальное положение, лежат на уровне поймы реки (№ 10, 35, 38, 45, 49, все плиты в юго-западном секторе территории Каменной Могилы). Под несдвинувшимся еще щитом песчаника на вершине холма обнаружено лишь несколько местонахождений с рисунками: № 1 (с упомянутыми выше рисунками на выступе песчаникового щита над северным склоном холма), № 5 («центральный грот»), № 9 («грот мамонта»), плита № 36 (над восточным склоном) и плита № 51 над западным склоном холма.

У «центрального грота» на северном склоне холма и у так называемого «восточного грота» лежат группы плит, оборвавшиеся от их навесов (№ 6, 7 и № 37, 46 и 48), но еще лежащие на склонах. Также еще на склоне западной стороны холма, но уже у самого подножия его находятся две, быть может, самые крупные по числу составляющих их плит и самые интересные по обнаруженным на них начертаниям, так называемая «западная группа плит» (№ 17—24) и группа «конских плит» (№ 25—28). Они являются остатками двух разрушенных навесов. Наконец, в юго-западном секторе территории Каменной Могилы отмечены еще две группы плит: «группа долмена» (№ 32, 33 и 43) и «плиты следов» (№ 34а и 34в), происхождение которых от разрушенных навесов не устанавливается.

В вопросе локализации местонахождений с петроглифами на холме Каменной Могилы и у его подножия необходимо подчеркнуть одно соображение¹.

Наши наблюдения со всей выразительностью свидетельствуют о том, что каменный щит на его вершине в результате осадки холма или под действием явлений поднятия и опускания суши, а быть может и сильного подземного толчка (что не исключено) был разрушен. Кроме упомянутых многочисленных трещин на поверхности щита, по всем трем сторонам головной (северной) части холма, с далеко выдвинутыми над его склонами навесами, оборвались огромные многотонные глыбы. Между неразрушенными краями каменного массива вершины и стенами разломов этих оборвавшихся от него глыб отчетливо прослеживается узкий проход, опоясывающий вершину холма вдоль северо-западного, северного и северо-восточного его склонов. Этот коридорообразный проход не мог создаваться постепенно. Не возникает сомнения в том, что отпадение выступавших над этими склонами навесов произошло сразу, одновременно.

Судя по общей манере оформления рисунков на потолке центрального грота (местонахождение 5) и на нижней поверхности плит, оборвавшихся от его навеса (№ 6, 7), как и рисунков на группе плит у местонахождения № 36 (плиты № 37, 46, 47, 48), это сильное разрушение произошло на глазах тогдашних обитателей побережья р. Молочной и ближайших окрестностей Каменной Могилы. Это имеет существенное значение для наших высказываний о возрасте некоторых групп каменномогильских петроглифов.

Конечно же, разрушение не могло не произвести на обитателей огромного впечатления, еще более усилившего те чувства постоянного изумления перед удивительной горой, неизвестно каким образом возник-

¹ О локализации отдельных петроглифических комплексов Каменной Могилы, см. КСИА, в. I, К., 1952, стр. 29—30; в. 2, К., 1953, стр. 70, тезис. 10.

шей среди глади широкой долины, и страха, с которым они входили под ее навесы и в ее гроты. Нет никакого сомнения в том, что — если они и вернулись к оборвавшимся навесам с чернеющими вверху входами в гроты — они вернулись к ним спустя значительное время. Возможно, что эти гроты и разрушенные навесы были оставлены ими на долгое время, если не совсем и, может быть, были табуированы.

В связи с этим следует остановиться на одном очень интересном и чрезвычайно важном, как нам представляется, наблюдении, которое дает известный ориентир в вопросе предварительной хронологизации некоторых групп петроглифов Каменной Могилы.

Как уже указывалось ранее, на общем фоне крайней бедности подъемного материала, собранного на холме Каменной Могилы, единствен-

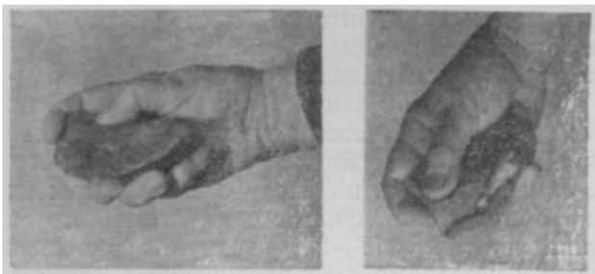

Рис. 1. Орудия для нанесения рисунков, обнаруженные в зондажном раскопе у плиты № 51 (1952).

ных хронологическим ориентиром для определения возраста ее петроглифов являются полиссуары (шлифовальни), открытые нами в разных пунктах Каменной Могилы.

Кстати сказать, в вопросе о полиссуарах мы продолжаем действовать в потемках. Если не ошибаюсь, в археологической литературе, кроме небольшой работы о полиссуарах Лоханского острова, опубликованной около 30 лет назад¹, эти интереснейшие памятники первобытной техники совершенно не освещены.

Шлифовальни Надпорожья, встреченные нами в большом количестве, мы относим ко времени развитого неолита. Полиссуары Каменной Могилы не находят параллелей на Днепре. На Украине нам известны лишь два указания на шлифовальни: на Десне у с. Червоная Буда, Карюковско-го района, Черниговской области (Ю. С. Виноградский)², и на Ворскле у с. Скелька, Опошнянского района, на Полтавщине³. Так или иначе, хронологически полиссуары Каменной Могилы нельзя опустить ниже эпохи раннего металла.

Разведка раскопом под плитами оборвавшегося навеса на северо-западном склоне холма у так называемого «грота мамонта» (В. Н. Даниленко) и наш зондаж около плиты № 51 в 15 м к югу от западного окна в «гроте мамонта», давшие однородный комплекс кремневых изделий, с несомненностью свидетельствующий об эпохе раннего металла, вместе с тем подтверждает наличие культурного слоя, оставленного обитателями Каменной Могилы до разрушения пласта песчаника на вершине холма. Мы не имеем права говорить о том, что под этим культурным слоем нет иного, более древнего. Важно, в связи со сказанным выше, подчеркнуть, что он погребен под оборвавшимися плитами разрушенного навеса.

В начертаниях Каменной Могилы отмечено несколько различных по технике приемов нанесения рисунков на поверхности мягкой породы песчаника.

Некоторые из них отмечены лишь в одном каком-либо местонахождении, как, например, в комплексе плит с № 5, 6, 7, в изображениях на потолке так называемого «грота мамонта» или даже на одной плите,

¹ М. Рудинський, Памятки Лоханського острова, Антропология, I, К., 1926.

² Ю. С. Виноградский, Археологические работы Сосницкого историко-краеведческого музея, КСИА, в. 5, К., 1955, стр. 86.

³ Сообщение П. П. Ефименко.

как плита № 33. Но в общем, на основании наших данных, можно говорить, что в петроглифическом искусстве Каменной Могилы применялся один способ нанесения рисунков — в технике протирания изображений и начертаний при помощи плоских кусков кварца и других твердых пород, а также при помощи специальных орудий, изготовленных из кусков местного песчаника более твердой структуры. В нашем зондажном раскопе у плиты № 51 найдено несколько таких орудий для протирания рисунков (рис. 1).

В одном случае способом такого протирания создавались углубленные силуэтные изображения со снятием всей оконтуренной площади, в большинстве же случаев способом протирания лишь позитива или только контура. В этой большой группе изображений мы находим ряд отдельных групп рисунков, исполненных разными приемами: в технике протирания широких открытых борозд и рисунка широкими линиями с округлым дном (∪), рисунка более узкими и углубленными линиями с острым дном (∇), наконец, в технике мелкого поверхностного штриха. Впрочем, установить в этих технических проявлениях какую-то генетическую зависимость, какой-то эволюционный ряд пока что не удается.

Рельефа, как такового, как создания человеческих рук, на Каменной Могиле нет. Однако в начертаниях Каменной Могилы в связи с этим нельзя не отметить одного интересного элемента, встречающегося, правда, только в комплексах одного местонахождения (так называемый, центральный или первый северный грот и оборвавшиеся от его навеса плиты с № 6 и 7). На потолке грота и на нижней поверхности плит № 6 и 7 мы видим использование в создаваемой композиции естественно образовавшихся рельефных неровностей и «наплывов» породы, иной раз самых неожиданных и причудливых очертаний. Естественно, они не могли не привлечь внимания древнего художника и в нескольких случаях являлись той центральной фигурой, из которой вырастало или с которой начиналось создаваемое изображение (ср. «рыбообразный» рельеф на нижней поверхности плиты № 6) и подсказавший «антропоморфное изображение» наплыв породы на нижней поверхности плиты № 7¹. Это не глиптика, как таковая, а лишь художественное оформление естественно образовавшегося рельефа.

И, наконец, еще один и, как нам представляется, существенный вопрос — о применении красок в петроглифическом искусстве Каменной Могилы вообще и красной краски в частности. На Каменной Могиле мы не имеем пока что примеров нанесения рисунков краской. Но мы имеем определенные указания на раскраску или покрытие красной краской отдельных изображений и даже целых площадей, как это было отмечено в так называемом «гроте мамонта»²

Рис. 2. Композиция на нижней поверхности плиты № 37.

¹ КСИА, в. I, К., 1952, стр. 29, рис. 10.

² О. Н. Бадер, ук. статья; наши наблюдения последних лет.

Так нам представляется возможным говорить о петроглифическом комплексе или петроглифических комплексах Каменной Могилы в целом, рассматривая их с точки зрения использования плоскостей для нанесения рисунков и техники оформления начертаний.

Не приходится говорить о том, что вопрос об осмыслении тех или иных комплексов наскальных рисунков, как и о расшифровке отдельных изображений и начертаний, остается одним из наиболее сложных и трудных исследовательских вопросов.

В поисках раскрытия смыслового значения наскальных рисунков исследователь сразу же наталкивается на почти непреодолимое препятствие в неразрешенном (или неразрешимом?) вопросе о целях этого далекого от нас искусства и вызвавших его мотивах. Вот почему оценку петроглифических комплексов очень часто приходится ограничивать рассмотрением памятников лишь в отдельных аспектах поставленной задачи: техники нанесения рисунков на камень и их сюжетов, их стилистических особенностей, их хронологического членения. Подлинный смысл изображений, как и конкретные внутренние мотивы, вызвавшие те или иные изображения, остаются не вскрытыми до конца.

В данном случае задача усложняется многообразием начертаний петроглифического комплекса Каменной Могилы. Отмеченные в нем отдельные рисунки и несколько групп изображений разной техники исполнения и различного содержания пока что не находят дополняющих параллелей в петроглифах иных территорий Союза и некоторых прилегающих к нему областей. Таковы, например, «стелообразный» наплыв породы на плите № 7, начертания на «плитах стоп» (№ 34, а, в) или изображение двух рук и «лапы» на плите № 33, наконец, несколько исключительных по уверенности рисунка реалистических изображений животных в начертаниях так называемых «конских плит» с № 25—28.

На этом следует задержаться в связи с вопросом о двух направлениях в изобразительном искусстве, различных по своему подходу к явлениям окружающей действительности. Одно — дающее реалистические изображения, и другое — создающее абстрактные, далекие от действительности, воображаемые образы¹. Оба эти направления отчетливо выступают уже на древнейших этапах развития изобразительного искусства.

Первое проявляет себя с наибольшей выразительностью в искусстве палеолитических охотников. Оно вызвано производственными задачами, прежде всего охотой. Создаваемые изображения в значительной части являются созданием производственной магии (чародейшаманы; «подобное порождает подобное»; главный объект охоты — травоядные животные, основной источник существования; изображения хищников и несъедобных животных — немногочисленны; совсем редкими являются изображения человека и больше всего — в схематической передаче или же в образе, в котором можно рассмотреть замаскированность под животное).

Это искусство натуралистично. В стремлении овладеть добычей или приумножить ее количество оно стремится к точности передачи природы наблюдаемого объекта, рассматриваемого с разных пунктов наблюдения и во всех представляющихся взору наблюдателя положениях (спокойно пасущееся животное, животное в движении, в позе нападения или защиты, спасающееся от преследования, галопирующее или пораженное, умирающее и т. п.). По уровню мастерства отображения природы в рисунке или в красках оно является искусством непревзойденным.

¹ Herbert Kühn, Die Kunst der Primitiven, Delphinverlag, München, 1923; Русск. перевод А. С. Гущина: Искусство примитивных народов, М.—Л., 1933; Herbert Kühn, Die Feisbilder Europas, Wien, 1952.

Достигнув кульминационной точки в мастерстве охотников мадленской эпохи, это реалистическое искусство постепенно спадает, переходя от конкретных объектов к обобщенным образам, стилизации и схеме. С полной выразительностью в этой фазе развития оно выступает в эппалеолите в связи с заметным изменением характера основной формы производства, появлением новых приемов охоты, оснащенной новыми средствами (лук и стрелы), и значительным расширением круга доступной охотнику добычи.

Очень рано, параллельно с этим направлением целеустремленного искусства, с реалистической трактовкой сюжетов четко выраженного смыслового содержания в творчестве древнейших художников проявляет себя и другое художественное направление, отходящее от реальности и создающее изображения совершенно иного характера, смысловое значение которых поддается уяснению далеко не всегда.

В появлении их чувствуется еще неосознанное стремление облекчь в художественные формы какие-то иные представления, отличные от сложившихся норм представлений, обусловленных характером производства. Они являются созданием еще неокрепшего мышления и вполне примитивного еще восприятия окружающей действительности. В ряде примеров, вообще редких, они лишь в какой-то мере отображают конкретные объекты, взятые из окружающей природы (например стебли и ветки растений, завитки раковин наземных моллюсков и т. д.), но в большинстве случаев они возникают в полном отрыве от действительности, совершенно от нее не зависят.

Изображения просты по форме и не сложны по содержанию. Это — различные линейные начертания, нанесенные на плоскость иногда без всякой видимой системы, а в других случаях скомбинированные в определенном порядке с ритмическим повторением отдельных элементов (ряды параллельных черт, шевроны, сдвинутые в параллельные ряды или создающие зигзаг, и ломаные линии другого типа, спиралевидные фигуры и т. п.). Их часто рассматривают, как начертание орнаментального порядка. Конечно, это не так. За каждым таким начертанием или мотивом кроется особое смысловое значение.

В общем и целом, в созданиях этого второго художественного направления конкретные образы, даже преобразенные в неузнаваемые уже стилизованные или схематические изображения, отсутствуют. Вполне очевидно, что эти изображения — продукт иной целеустремленности изобразительного искусства, направленной в другую сторону, в область иных представлений об окружающем человека мире.

В дальнейшем, на следующих ступенях развития мышления, одновременно с процессом постепенного спадания реалистического направления в сторону стилизации и создания схематических изображений, приводящих впоследствии к символическим образам и знакам, идет осознание формы изображения и ее содержания, развивающееся в сторону конкретности. На этой ступени развития изобразительного искусства — в эпоху неолита и бронзы — наблюдается как бы срастание двух художественных направлений. Стилизирующее начало подходит вплотную к развивающемуся течению конкретизации. В конечном результате они сливаются в общем развитии имагинативного искусства этой эпохи, искусства абстракции и создания воображаемых сюжетов.

Впрочем, необходима оговорка. Нельзя думать, что на определенных ступенях развития искусства одно из указанных направлений полностью исключало проявление другого. Они сосуществовали и сосуществовали всегда. Вопрос заключается в том, какое из этих двух направлений являлось преобладающим, основным, ведущим, и какое проявляло себя с значительно меньшей выразительностью. Такая постановка вопроса вполне оправдываема как в отношении больших исторических периодов и относительно коротких отрезков времени, так и в отношении

обширных территорий и отдельных областей, а повидимому, и отдельных групп местонахождений с древними памятниками изобразительного искусства. Это в полной мере приложимо и к петроглифическому комплексу Каменной Могилы.

Нынешнее состояние изученности Каменной Могилы и ее памятников не дает места для каких-то категорических утверждений. Строго говоря, мы только приближаемся к более или менее обоснованному

суждению о ней. В конечном счете, наши высказывания пока что носят характер лишь предварительной оценки отдельных групп ее наскальных рисунков, в которой остается и целый ряд вопросов дискуссионного порядка. И все же мы позволим себе повторить, что, в нашем представлении, Каменная Могила с ее петроглифами является памятником определенного исторического отрезка времени, а значит, и определенной степени развития изобразительного искусства.

Если в большинстве петроглифических местонахождений Союза и некоторых прилегающих к нему областей (как, например, Южная Швеция и Готланд, с одной стороны, или Монголия, с другой) мы встречаемся обычно со значительным количеством изображений конкретного содержания и реалистической передачи натуры (человеческие фигуры,

Рис. 3. Композиция на нижней поверхности плиты № 46 с антропоморфным (?) изображением.

отдельные животные и группы их, сцены охоты, орудия производства и предметы обихода), на Каменной Могиле мы находимся в окружении преобладающих в количественном отношении отдельных рисунков и сложных композиций из так называемых линейно-геометрических начертаний, в которых конкретные образы почти полностью отсутствуют. Лишь в нескольких комплексах таких сложных композиций мы находим отдельные начертания геометризованных комбинаций или вполне осознанных геометрических форм. Именно эти, так называемые линейно-геометрические рисунки создают общий фон широкого петроглифического полотна Каменной Могилы.

Следуя высказанному выше положению о сосуществовании двух направлений в изобразительном искусстве, мы отмечаем на этом фоне абстракции и имажинации несколько рисунков и групп изображений реалистического характера.

Это требует раскрытия. Во-первых, такие изображения встречены лишь в нескольких (четырех) местонахождениях, открытых в разных пунктах Каменной Могилы, и, во-вторых — что существенно — они исполнены в разной технике и разностильны.

Дополнением к общеизвестным изображениям животных в так называемом «гроте мамонта» (углубленный силуэт) явились: изображе-

ния животных в иной технике на карнизе этого грота и два различных в стилистическом отношении рисунка: изображение «телки» (?) на отдельной плите небольших размеров (№ 40) и коня на карнизе плиты № 51¹. Самым богатым местонахождением с рисунками животных является группа так называемых «конских плит» (№ 25—28) с замечательными реалистическими рисунками, среди которых особенно выделяются изображение косули или лани на плите № 25 и опубликованное нами изображение скачущей и ржущей кобылицы на плите № 28².

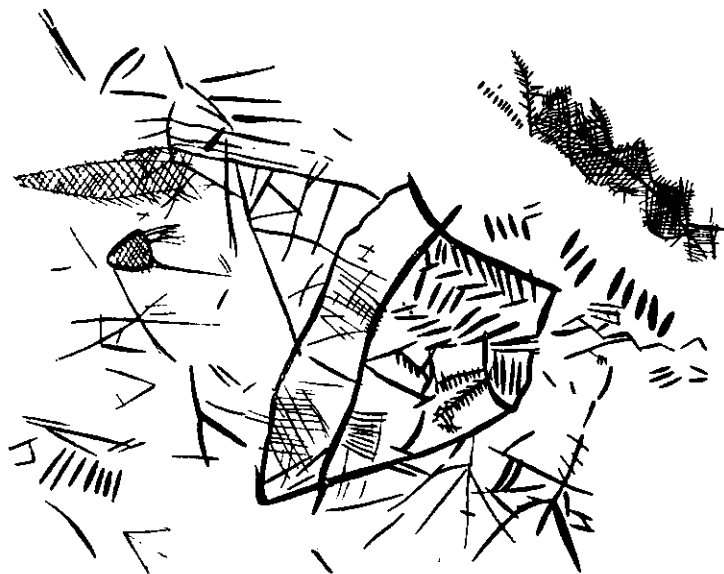

Рис. 4. Рисунки на нижней поверхности плиты № 4.

В смысле уровня художественного воспроизведения природы на первом месте стоят два последние, я бы сказал натуралистические, изображения, параллели которым я могу указать лишь в известном изображении оленя из Вингена в Нордфиорде в северной Норвегии и замечательном изображении молодого оленя в комплексе изображений на о. Леванцо у Сицилии³. Если бы не окружающие их начертания определенно позднего времени, можно было бы подумать, что мы имеем в них изображения палеолитического мастера. Разумеется, это не так. Не поддающаяся осмыслению разница художественной трактовки каменноугольских изображений животных свидетельствует о другом. Кажется несомненным, что они являются созданиями мастеров образительного искусства нескольких этапов развития и разного времени (в указанных выше хронологических рамках). В сравнении с рисунками на плитах № 25 и 28, первые из названных нами изображений (на карнизе в «гроте мамонта» на плитах № 40 и № 51) не могут быть отнесены к категории подлинно реалистических. Они «реалистичны» лишь постольку, поскольку трактуют реальные образы. Но в смысле исполнительского уровня они слабы, чтобы не сказать беспомощны. Глаз рисовальщика не обладает достаточной остротой зрения, руки не овладели техникой рисунка. Так или иначе, эти изображения очень далеки от произведений подлинно реалистического искусства.

¹ КСИА, вып. 5, К., 1955, рис. 2, 3, 5.

² КСИА, в. I, К., 1952, рис. 6.

³ Paolo Graziosi, *Le pitture e i graffiti preistorici dell' Isola di Levanzo nell' Archipelago delle Egadi (Sicilia)*, Rivista di scienze preistoriche, Firenze, 1950, vol. VI, fase. 1—4 pp, 1—43, Tav. III.

Повидимому, в реалистических в полном понимании слова изображениях на плитах № 25 и 28 следует видеть указание на тот поворот к реализму после времени преобладания искусства абстракции и има-

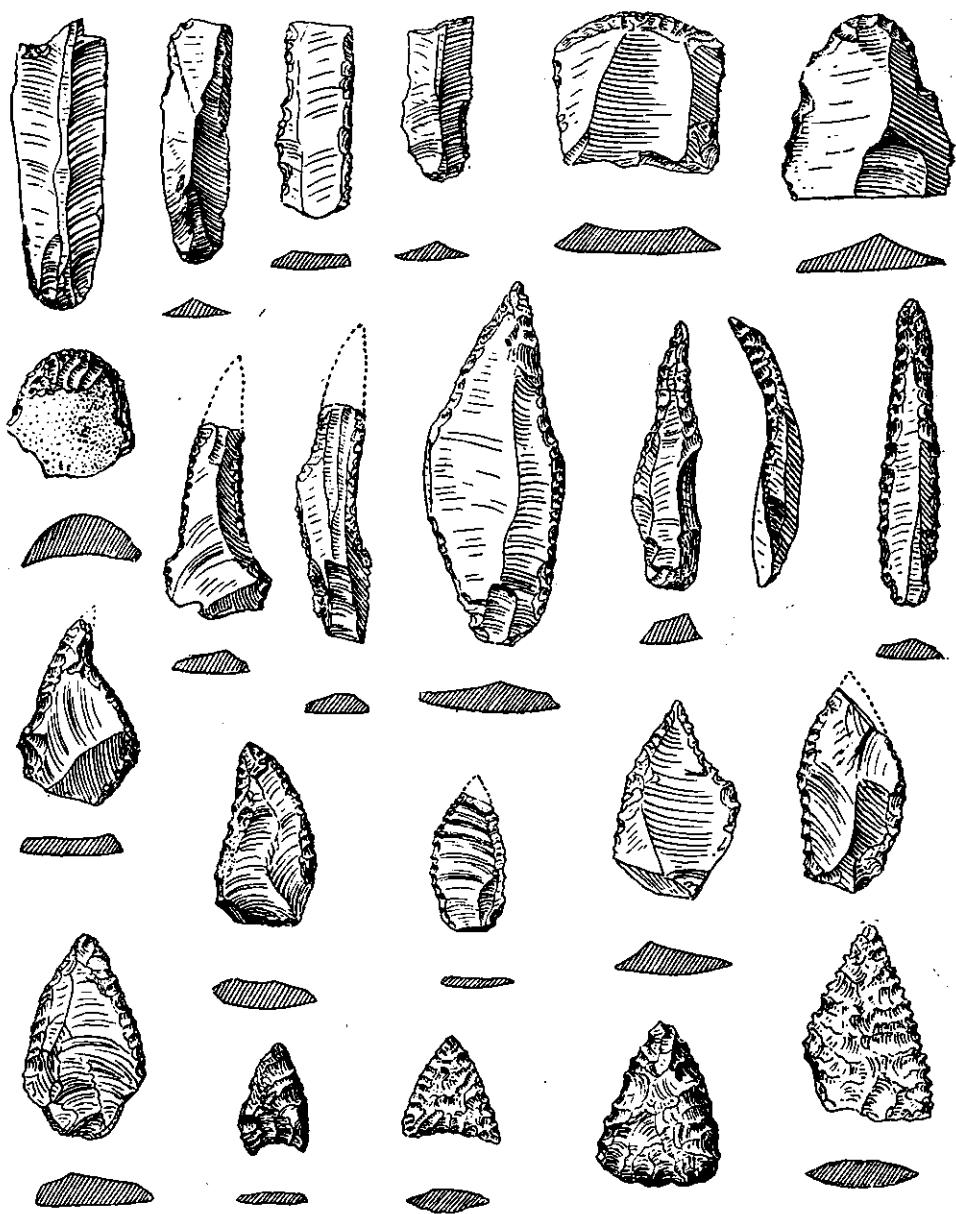

Табл. 1. Комплекс кремневых изделий эпохи ранней бронзы из культурного слоя, обнаруженного на вершине холма Каменной Могилы в зондажном раскопе у плиты № 51. 3/4 н. в.

жинации, определяемого для Европы в рамках начала III—средины II тысячелетия до н. э., о котором говорит Кюн¹.

Мы не имеем возможности задержаться на рассмотрении отдельных групп изображений, отмеченных нами на том большом полотне пмажинативного искусства Каменной Могилы, о котором сказано выше

¹ Die Felsbilder Europas, S. 104, сл.

в общих словах. Позволим себе в дополнение к изданным ранее на-
скальным рисункам Каменной Могилы лишь показать два-три новых
комплекса, в которых отсутствуют реальные изображения и конкретные
образы и в которых мы встречаем абстрактные фигуры и образы, соз-
данные фантазией, полностью оторванной от реальности [композиция на
плите № 46, едва осознаваемое очертание антропоморфной фигуры
среди хаоса линейно-геометрического характера на плите № 46, компо-
зиция из линейно-геометрических начертаний на плите № 4].

Вопросу об имажинативном искусстве петроглифов Каменной Моги-
лы посвящается отдельная статья.

ПАМЯТНИКИ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ИХ СВЯЗЬ С ПРИДНЕПРОВЬЕМ

И. В. СИНИЦЫН

(Саратов)

Археологические исследования, проведенные в последние годы в Нижнем Поволжье, дали многочисленные материалы, позволяющие более полно осветить ряд вопросов, связанных с жизнью древних племен ямной культуры в эпоху энеолита и ранней бронзы. Особенно большие результаты были получены в районах Заволжья, где проводились широкие исследования в зоне строительства Сталинградской ГЭС. Многие исследованные памятники впервые документируют древнейшие этапы заселения районов Заволжья, значительно дополняют общую картину жизни степных племен Нижнего Поволжья, а также устанавливают их связь с племенами соседних районов.

Изучение памятников энеолита и ранней бронзы Нижнего Поволжья приводит к выводу о значительном единообразии ямной культуры местных племен с культурой древнего населения степных районов Приазовья и Приднепровья. Это единообразие и общность культуры проявляются не только в погребальном ритуале и инвентаре, но и в характере мест поселений.

Раскопки курганных погребений показали, что население ямной культуры Нижнего Поволжья имело единообразный погребальный обряд. Преобладающим типом могильных сооружений являлись грунтовые ямы прямоугольной или овальной формы, расположенные под насыпями курганов. Реже встречаются впускные могилы, устроенные в насыпях курганов. Как правило, положение скелетов в могилах — на спине с подогнутыми ногами коленями вверх (рис. 1). Лишь в отдельных могилах редко находятся скелеты в вытянутом положении на спине. Единообразие ритуала наблюдается и в ориентировке погребенных — головой преимущественно на восток или северо-восток. Важным ритуальным признаком является обычай посыпать погребенных красной краской, а также класть целые куски краски.

В погребальном обряде и инвентаре местных племен ямной культуры наблюдаются черты общности, свойственные погребальному обряду племен эпохи неолита и ранней бронзы, оставивших в Приазовье и Приднепровье не только погребения под курганными насыпями, но и ряд погребений в бескурганных могильниках. Среди них особенно интересным является группа погребений Чаплинского могильника и Виноградного острова, исследованных А. В. Добровольским¹. Отдельные могилы содержали захоронения, где костяки лежали на спине с подогнутыми ногами коленями вверх². Наличие красной краски, кремневых

¹ А. В. Добровольський, Могильник в с. Чаплі, Археологія, т. IX, К., 1954, стор. 106.

² Там же, стр. 115, рис. 7—9.

пластин, украшений головного убора и одежды показывает устойчивость погребального обряда, широко практиковавшегося в Приднепровье. Устойчивость этой черты погребальной обрядности особенно характерна для древнеямных погребений на ширской степной полосе Днепро-Волжского междуречья.

Культурная общность, которая прослеживается по данным ритуала погребений, особенно убедительно подтверждается инвентарем древнеямных погребений. Могильный инвентарь ямных погребений не отли-

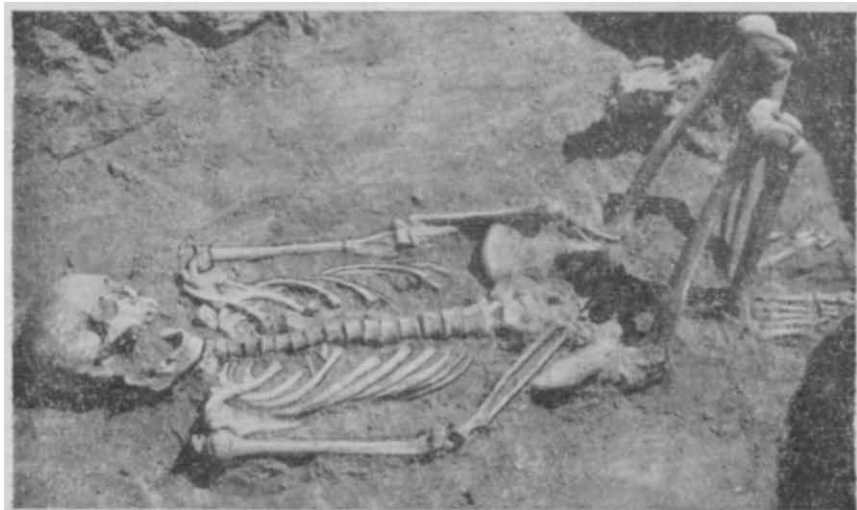

Рис. 1. Погребение № 9 ямной культуры из кургана № 9 П. Бережновского могильника.

чается большим количеством и разнообразием предметов. В отдельных погребениях, кроме ритуальной красной краски, совершенно отсутствуют какие-либо сопровождающие предметы. Среди могильного инвентаря наиболее характерными находками являются: керамика, кремневые длинные пластинки — ножи, скребки, кремневые отщепы, костяные орнаментированные нарезки, служившие в качестве украшений одежды, каменные височные кольца-подвески и бусы (П. Бережновский могильник, курган № 9). Весьма показательными являются пластинки из расколотого по длине клыка кабана. В виде единичных находок встречаются медные предметы: небольшие четырехгранные в сечении шильца, медные копьевидной формы ножи с черешком для насадки¹.

Перечисленные предметы могильного инвентаря при ближайшем их рассмотрении обнаруживают наиболее близкое сходство с аналогичными предметами из инвентаря погребений и поселений Приазовья и Приднепровья. Такие предметы, как каменные и костяные бусы, подвески из пластин кабаньего клыка, имеют наиболее близкое сходство с аналогичными предметами Мариупольского могильника. Указанные аналогии имеют важное значение для выяснения культурно-исторического места и хронологического определения памятников ямной культуры Нижнего Поволжья.

В этой связи заслуживает упоминания очень важное заключение А. Д. Столяра, сделанное им на основе анализа материалов Мариупольского могильника, что «Мариупольский могильник и синхронные ему аналогичные некрополи не предшествовали всей древнеямной культуре в целом, а существовали одновременно, по крайней мере с самыми

¹ И. В. С и н и ц ы н, Работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции, КС ИИМК, в. 63, М., 1956.

ранними группами этих захоронений, локализующихся, повидимому, главным образом в более восточной части южно-русских степей»¹.

При выяснении связей и общности культуры племен Днепро-Волжского междуречья особого внимания заслуживает керамический материал древнейших погребений и поселений. Как известно, наиболее выразительным инвентарем погребений ямной культуры является керамика, представленная обычно сосудами остродонной формы с яйцевидным туловом, иногда с высоким прямым или несколько отогнутым наружу краем. По своим размерам сосуды колеблются от небольших — 10—12 см до крупных, имеющих 30—35 см высоты. Толщина стенок зависит от размеров сосудов, которые в своем большинстве толстостенные и в массе содержат примесь толченой раковины. Поверхность сосудов по плечикам и шейке покрыта орнаментом несложной композиции, состоящей обычно из сочетания горизонтальных, иногда вертикальных линий, прочерченных концом палочки или нанесенных оттиском шнура, а чаще зубчатым штампом.

Все эти характерные признаки позволяют отметить в керамике погребений ямной культуры наличие местных особенностей. Однако при всем своеобразии местная керамика обнаруживает многие признаки, которые сближают ее с керамикой древнейших погребений степной полосы Приазовья и особенно с керамикой поселений Приднепровья. В замечательном по богатству и разнообразию находок Михайловском поселении на Днестре, исследованном Е. Ф. Лаговойской, М. Л. Макаревичем и О. Г. Шапошниковой², содержится огромное количество керамики, часть которой обнаруживает сходство с керамикой ямных погребений Нижнего Поволжья и особенно с керамикой поселения у хутора Репина, расположенного на правом берегу излучины Дона, напротив устья р. Иловли, Сталинградской области.

Предварительные исследования поселения у хутора Репина показали, что сделанные там находки керамического материала обнаруживают поразительное сходство с керамикой Михайловского поселения. При этом керамика сходна не только по своей форме, но и по техническим приемам изготовления самих сосудов, оформления их поверхности шнуровым, зубчато-чеканным орнаментом, а также характером орнаментальных мотивов.

Керамика Репинского поселения представлена сосудами крупных размеров. Наиболее типичные сосуды имеют в высоту до 30—35 см, при диаметре горла от 25 до 30 см. Все они остродонной формы с отчетливо выраженным яйцевидным туловом, прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. В составе глиняной массы содержится примесь толченой раковины и песка.

Отличительной особенностью керамики Репинского поселения является ее орнамент. Плечики и венчик сплошь богато покрыты различным сочетанием линий, узоров, нанесенных штампом с зубчатым краем, оттиском веревочки. Здесь наблюдается весьма устойчивая и, видимо, широко распространенная такая деталь орнамента, как простой ямочный узор в виде круглых неглубоких ямок, выдавленных палочкой с внешней или внутренней стороны. Ямки горизонтальной полосой расположены на месте соединения горла с плечиками или непосредственно на прямых стенках горла сосуда (рис. 2).

Сходство и общность между памятниками Днепро-Волжского междуречья обнаруживается и подтверждается сравнительными данными

¹ А. Д. Столяр, Марлупольский могильник как исторический источник, СА, XXIII, 1955, стр. 36.

² Е. Ф. Лаговойская, М. Л. Макаревич, О. Г. Шапошникова, Раскопки Михайловского поселения в 1954 г., КСИА, в. 5, К., 1955; см. также статьи этих авторов в КСИА, в. 4, К., 1955.

других категорий инвентаря из погребений и поселений, в том числе каменными и костяными предметами украшений, а также орудиями из металла. Такое сходство древних памятников и культуры было обусловлено не только общностью природных и экономических условий, но и принадлежностью к единой этнической группе племен, переходивших к

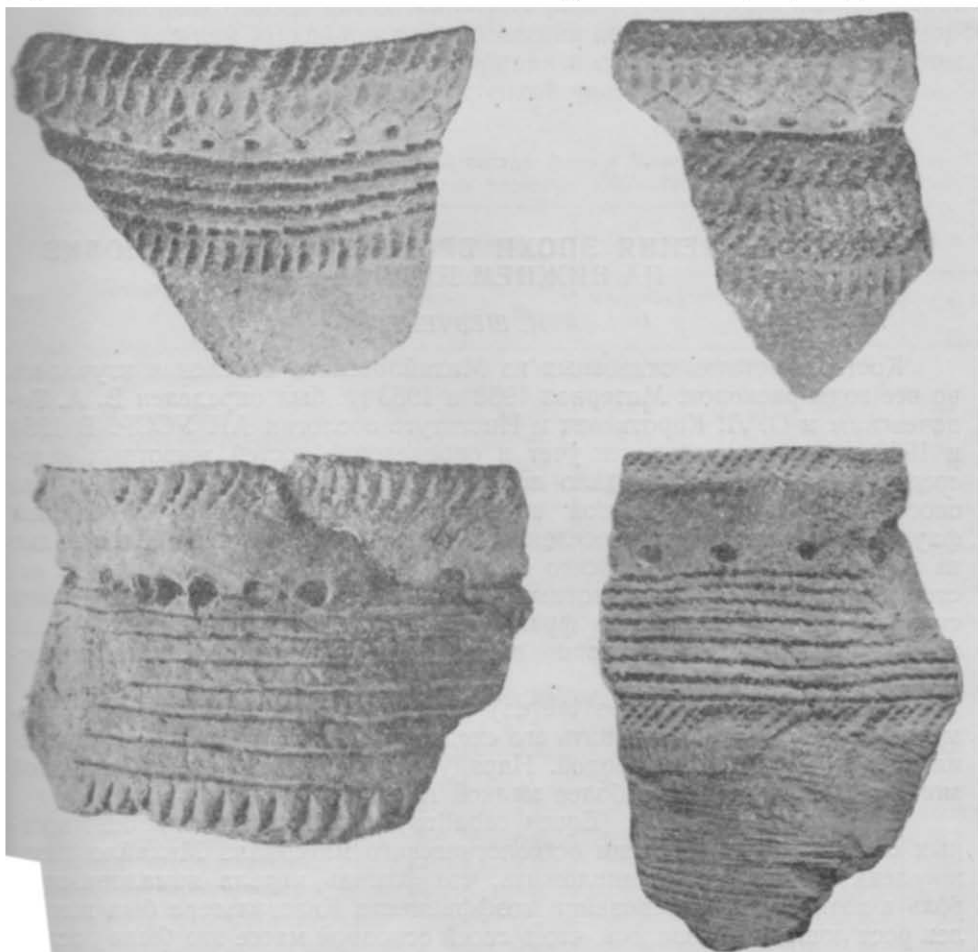

Рис. 2. Керамика с поселения у хутора Репина.

скотоводческой форме хозяйства. Материалы курганных погребений и слабо еще изученных поселений позволяют с полной уверенностью признать, что племена ямной культуры Нижнего Поволжья не только находились в постоянных связях с племенами Приднепровья, но и имели общее происхождение, составляя в III и начале II тысячелетия до нашей эры однородный этнический массив Днепро-Волжской культуры.

ФАУНА ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В с. МИХАЙЛОВКЕ НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

А. И. ШЕВЧЕНКО

Костные остатки животных из Михайловского поселения изучались во все годы раскопок. Материал 1952 и 1953 гг. был определен В. А. Топачевским и О. Л. Короткевич и Институте зоологии АН УССР. В 1954 и 1955 гг. нами произведен учет и определение костей животных непосредственно в поле. Это дало возможность учесть все фрагменты, что способствовало более полной экономической характеристике состава фауны из Михайловского поселения. Численное соотношение видов видно из прилагаемой таблицы. Всего было исследовано 52 733 фрагмента костей домашних и диких животных. Весь этот огромный материал плохой сохранности и очень сильно фрагментирован, однако изучение его дало возможность сделать следующие выводы о породности домашних животных из этого поселения.

1. Бык домашний (*Bos taurus*) представлен особями крупного размера, что позволяет установить его сходство с быком из Усатово и с украинской серой степной породой. Наряду с указанной крупной породой можно говорить также о более мелкой породе.

2. Лошадь домашняя (*Equus caballus*). Значительный процент костных остатков лошади среди остеологического материала Михайловского поселения позволяет предположить, что лошадь играла немаловажную роль в хозяйстве. На основании коэффициента Кизевальтера был вычислен рост лошади. Оказалось, что в своей основной массе это были рослые и крупные формы. Результаты промеров и вычислений показали, что здесь можно говорить о лошади восточного типа. Наличие костей дикой лошади должно предполагаться, но в виду трудности определения доместикационных признаков, мы допускаем, что в 17,9% числа особей лошадей входит какой то процент диких лошадей.

3. Коза или овца. Несмотря на значительное количество особей козы или овцы (32,6%), их экономическая роль невелика. Их мясо составляло около 5% домашних животных Михайловского поселения. Количество остатков домашней овцы (*Ovis aries*), которые удалось определить, весьма мало, а поэтому о породном составе овец из Михайловки говорить пока трудно.

4. Свинья домашняя (*Sus domestica*). Домашние свиньи представлены небольшим количеством особей — 2,2%, составляющих 1,14% всей мясной продукции.

5. Собака домашняя (*Canis familiaris*). Собака Михайловского поселения, вероятно, принадлежит двум породам — более крупная сторожевая, повидимому, из группы *Canis Matris optimaе* и мелкая, близкая к *Canis familiaris palustris*.

Среди костных остатков диких животных определены кости тура, ку-

лана, сайги, благородного оленя, дикого кабана, бобра, барсука, выдры и др. Возможно, что среди костей, отнесенных к туру, есть несколько принадлежащих зубру. Такой видовой состав животных позволяет говорить о степном и пойменном характере фауны, о чем отчетливо свидетельствуют данные таблицы.

Процент особей диких животных равен 10,6%. Для полной характеристики фауны Михайловского поселения необходима тщательная морфологическая обработка этого материала и сравнение его с материалом из других синхронных памятников степной части юго-восточной Европы.

Видовой и количественный состав фауны Михайловского поселения
(по материалам раскопок 1952—1955 гг.)

Название животного	Фрагментов		Особей		Живой вес, в кг	
	количество	%	количество	%	абсолютный	%
Домашние животные						
Бык (<i>Bos taurus</i>)	30487	59,38	1623	44,40	892650	72,61
Лошадь (<i>Equus caballus</i>) . .	5373	10,46	655	17,90	262000	21,31
Овца (<i>Ovis aries</i>)	16	0,03	8	0,2	400	0,04
Коза или овца (<i>Capra vel ovis</i>)	14857	28,94	1186	32,5	59300	4,81
Свинья (<i>Sus domestica</i>) . . .	222	0,43	80	2,2	14000	1,14
Собака (<i>Canis familiaris</i>) . .	389	0,76	111	2,8	1010	0,09
Всего	51344	100	3653	100	1229360	100
Дикие животные						
Тур (<i>Bos primigenius</i>)	25	1,8	17	3,9	12750	24,7
Кулан (<i>Equus hemionus</i>) . . .	655	47,8	117	27,1	23400	45,3
Сайга (<i>Sajga tatarica</i>)	73	5,4	26	6,0	1560	3,0
Олень благородный (<i>Cervus elaphus</i>)	80	5,8	31	7,2	7750	14,9
Корсак (<i>Vulpes corsac</i>)	17	1,2	1	0,2	3	0,006
Волк (<i>Canis lupus</i>)	5	0,4	5	1,2	125	0,3
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	17	1,2	12	2,8	72	0,1
Заяц (<i>Lepus europaeus</i>)	13	1,0	11	2,5	44	0,1
Свинья (<i>Sus scrofa</i>)	84	6,1	23	5,3	5750	11,1
Барсук (<i>Meles meles</i>)	4	0,3	3	0,7	45	0,1
Бобр (<i>Castor fiber</i>)	6	0,5	5	1,2	75	0,1
Выдра (<i>Lutra lutra</i>)	11	0,8	8	1,8	124	0,3
Водяная крыса (<i>Arvicola amphibius</i>)	2	0,1	2	0,5	0,4	0,0007
Черепаха (<i>Emysorbicularis</i>) . .	20	1,5	13	3,0	6,5	0,01
Птица (<i>Aves</i>)	122	8,9	38	28,8	—	—
Рыба (<i>Pisces</i>)	236	17,2	120	7,8	—	—
Всего	1370	100	432	100	51705	100

НОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ НА ВОЛЫНИ

Ю. Н. ЗАХАРУК

(Львов)

Проблема культур шнуровой керамики занимает одно из центральных мест в области изучения истории древнейшего населения нашей Родины и сопредельных стран. Важное значение в этом отношении имеет изучение памятников культуры шнуровой керамики на территории западных областей УССР, являющихся связующим звеном между культурами шнуровой керамики Западной Европы и Украины.

Между тем все попытки постановки и решения вопросов, касающихся культуры шнуровой керамики на Волыни, не могли привести к желаемым результатам, потому что до сих пор не было полноценных в научном отношении археологических источников. До последнего времени на Волыни исследовались главным образом могильники, которые, при всем их большом значении, все же недостаточны для полной и всесторонней характеристики изучаемой культуры. Материалы же частично исследованных поселений культуры шнуровой керамики не были в свое время надлежащим образом опубликованы, часть их к тому же погибла, и поэтому они не могут служить полноценным источником в научном отношении.

Одной из задач Волынской археологической экспедиции Института общественных наук АН УССР являлось проведение широкой археологической разведки памятников культуры шнуровой керамики на Волыни с тем, чтобы выявить такие из них, которые смогли бы стать объектом стационарных исследований. С этой целью в 1952 г. была проведена разведка в ряде районов Ровенской и Волынской областей. Во время разведки были проверены ранее известные местонахождения поселений культуры шнуровой керамики, а также открыто новое поселение данной культуры в урочище Выгаданка около с. Ставок, Теремновского района Волынской области.

Поселение в урочище Выгаданка расположено на древнем высоком мысу правого берега р. Стырь. На поселении были проведены разведочные раскопки, которые позволили сделать ряд важных наблюдений. Было установлено наличие на данном местонахождении двух слоев, относящихся к культуре шнуровой керамики и комаровской культуре. Удалось документально засвидетельствовать стратиграфическое соотношение обеих культур. Яму с фрагментами сосудов культуры шнуровой керамики перекрывали остатки глиняной печи, содержавшей керамику комаровской культуры.

В 1955 г. Волынской археологической экспедицией были проведены стационарные раскопки на указанном поселении. В раскопе 1 были открыты жилищные и хозяйственные ямы комаровской культуры, содержавшие интересный комплекс находок.

В раскопе 2 был исследован культурный слой, жилище, яма и погре-

бение культуры шнуровой керамики. Жилище — земляночного типа, в плане овальной формы, размерами 3,5×2 м. Яма округлой формы диаметром 1,7 м. В культурном слое, жилище и яме обнаружен разнообразный археологический материал.

Большой интерес представляет керамика. Вся посуда изготовлена из плотной глины с примесью шамота и зерен кварца. Характерной особенностью является наличие на внутренней и внешней поверхности сосудов следов полосчатого сглаживания зубчатым штампом. При сравнении керамики поселения с керамикой из могильников бросается в глаза большее разнообразие керамических форм на поселении. В их числе было найдено несколько типов амфор с ручками, широкогорлые и узкогорлые сосуды с цилиндрической шейкой и с отогнутым коротким венчиком, узкогорлые сосуды с выпуклыми плечиками, без шейки, глубокие чаши и миски, фрагменты небольших конических кубков (?). Сосуды украшены оттисками шнура, удлиненными горизонтальными рельефными выступами, разными по форме углублениями. Шнуровой, рельефный и углубленный орнаменты часто сочетаются вместе.

В значительном количестве найдены на поселении кремневые изделия: ножи, сверла, серия режущих орудий, изготовленных на тонких широких пластинках, наконечник стрелы сердцевидной формы, топор с наклонным назад обухом, наконечники копий, отбойники и т. п. Интересны изделия из кости и рога: проколки, шилья, иголки, долото из рога оленя, а также различные украшения — цилиндрические пронизи из костей птиц, обычные зубы-подвески, оригинальные подвески из трубчатых костей птиц, подвески из клыков кабана с просверленными стверстиями на концах. К украшениям относятся удлиненные прямоугольной формы небольшие подвески, изготовленные из ракозид. Из каменных изделий найдены куски зернотерок, отбойники, топор-молот с поперечной выемкой для привязывания его к ручке.

Возле жилища-землянки было обнаружено погребение, относящееся к той же культуре. Скелет лежал в небольшой яме в скорченном положении, на правом боку, ориентированный головой на восток с небольшим отклонением к северу. Около ног скелета были найдены кремневый отщеп, обломок кремневого орудия и фрагмент керамики.

Поселение в урочище Выгаданка не является чем-то обособленным на Волыни. Насколько можно судить на основании имеющихся публикаций, оно аналогично ранее известным поселениям данной культуры на Волыни (Городок, Сенкевичевского района, Волынской области; Городок, Ровенского района, Майдан Моквинский, Березняковского района, Ровенской области). К данной группе памятников культуры шнуровой керамики следует отнести также ряд известных ранее могильников, в том числе очень интересный и богатый находками могильник в Торчине, Торчинского района, Волынской области, исследованный в 1937 г. Яном Фицке. Таким образом, на Волыни, между Западным Бугом и верховьем Случи, четко выделяется местная своеобразная группа памятников культуры шнуровой керамики, представленной поселениями и могильниками. Эти памятники на основании находок бронзовых изделий датируются серединой II тысячелетия до н. э.

Полученный в результате раскопок в урочище Выгаданка новый важный и ценный в научном отношении разнообразный материал позволяет значительно полнее, чем это представлялось ранее, изучить характер и своеобразие памятников данного типа, осветить вопросы хозяйства и быта местного населения культуры шнуровой керамики. Дальнейшее изучение материалов поселения в урочище Выгаданка вместе с привлечением материалов ранее исследованных поселений и могильников позволит тем самым с большим основанием подойти к решению важных вопросов, касающихся сложной проблемы культур шнуровой керамики в целом.

ПОСЕЛЕНИЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА БАБИНО III

А. В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Еще в конце XIX в. на Княжей горе у Канева и на Кирилловских высотах в Киеве была обнаружена особая керамика с характерной валиковой орнаментацией.

В 1905 г. при планировке местности для устройства Потемкинского сада (ныне сад им. Шевченко) в г. Екатеринославе (ныне Днепропетровск) было обнаружено поселение, давшее такую же керамику. Позднее многоваликовая керамика стала известной из многих пунктов в бассейнах рек Южного Буга, Днепра, Северского Донца и других мест.

Несмотря на это, до самого последнего времени эти пункты оставались неисследованными.

В 1951 г. Д. И. Блительдом путем небольших раскопок было обнаружено и разведано поселение с такой керамикой у с. Бабино, Верхнерогачинского района, Херсонской области (пункт Бабино III). В 1953 г. поселение с подобной керамикой было исследовано в урочище Городок, Путивльского района, Сумской области, С. С. Березанской. Раскопки в урочище Городок дали очень интересный материал, свидетельствующий о каком-то новом явлении в культуре бронзового века, распространенном на значительной территории.

В связи с большим научным интересом памятников этого типа для изучения бронзового века в 1954 г. было решено исследовать поселение Бабино III, что и было выполнено автором.

Поселение Бабино III расположено у южного края с. Бабино на прибрежном участке второй надпойменной террасы р. Конки, возвышающейся над уровнем воды в реке на 13 м. С юга и севера этот участок ограничен оврагами, с востока — запылившей ложбиной, а с запада оборван вешними водами р. Конки. Место расположения поселения представляет собою горизонтальную площадку овальной формы размером около 1000 м².

В основании террасы залегают лессовидные суглинки, перекрытые гумусированным грунтом.

Культурные остатки бронзового века залежали в нижней части гумусированного грунта в пределах 0,5—1 м. В юго-западной части поселения на глубине 0,2—0,4 м в небольшом количестве встречались амфорные обломки IV—III в. до н. э.

В северо-восточной части поселения в лессовидных суглинках было обнаружено полуземляночного типа жилище № 1, овальной формы, расположенное по длине с севера на юг, выход из которого был обращен к северу в сторону оврага.

Размеры врезанной в суглинок основной части этого жилища — 5×8 м. С восточной и южной стороны к нему примыкал сегментовидной формы срез, наклоненный к центру (рис. 1). С северной стороны по пе-

диферии пола жилища выложена стенка из глиняных ~~плиток~~ в 0,4—0,5 м, дальше в направлении к югу, находился ~~завал~~ представлявший собою продолжение этой стены.

В юго-западной части пола находились ямки от деревянных столбов. Пол жилища — земляной, в центре его находилось блюдцеобразное углубление диаметром 2 м и глубиной в центре 0,2 м.

К западу от углубления были выявлены остатки двух кострищ, закрытые слоем золы и угольков.

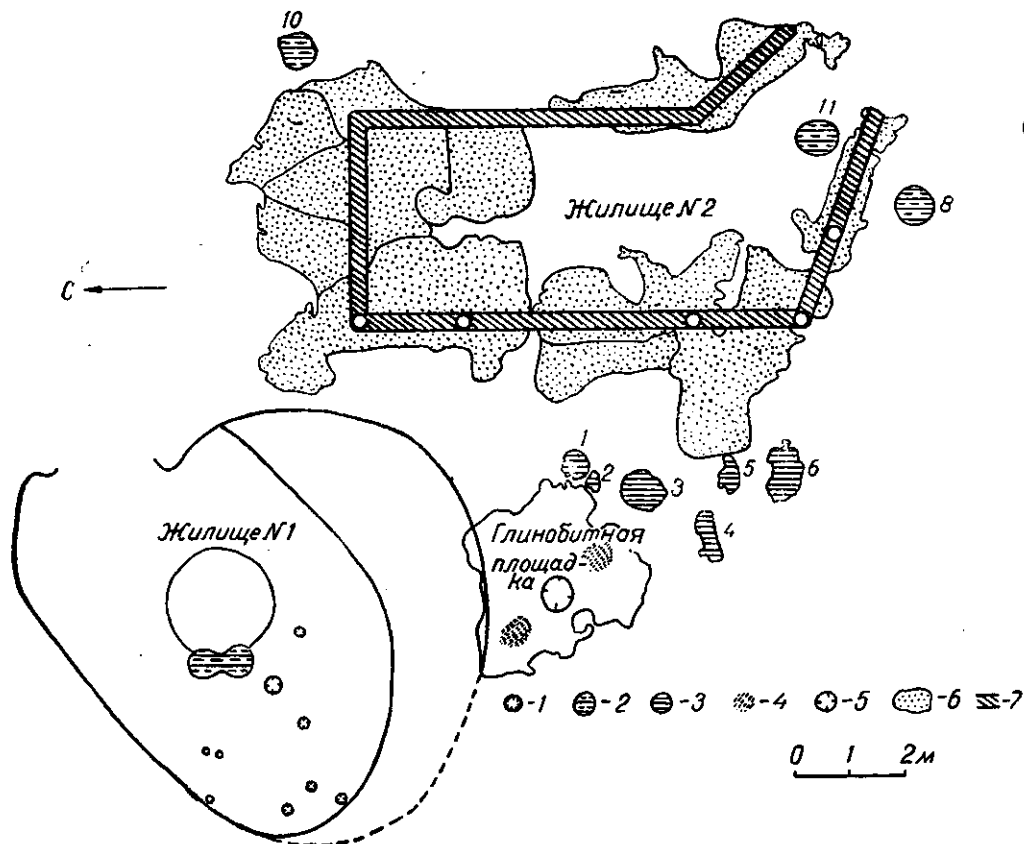

Рис. 1. План жилища.

1 — ямки для столбов; 2 — кострища; 3 — кострища, перекрытые белым пеплом; 4 — следы кострищ; 5 — яма; 6 — развалы глинобитных стен; 7 — реконструкция плана жилища; 8, 9, 10, 11 — следы кострищ.

Пол жилища и западная часть сегментовидного среза были покрыты золой, а выше — чередующимися прослойками суглинков, золы и какого-то белесоватого вещества.

Такой характер заполнения объясняется тем, что после разрушения, происшедшего в результате пожара, с восточной части жилища (среза) происходил смыв грунта, который не только заполнил постепенно основную часть жилища, но и отлагался по направлению к обрыву.

В связи с тем, что гумусированный грунт в заполнении отсутствует (он перекрывает заполнение), не может быть сомнения в том, что заполнение жилища было закончено до накопления гумусированного грунта на площади поселения, в котором залегают культурные остатки.

Находки сосредоточивались, главным образом, на полу жилища, но встречались они также и в заполнении. То обстоятельство, что заполне-

ние жилища было перекрыто гумусированным грунтом, дает основание все находки, обнаруженные и в заполнении, связывать с жилищем.

Здесь были найдены медная пронизь в виде свернутой в трубочку пластинки (рис. 2, 10), шесть шильев (рис. 2, 14—16), два обломка стержней, шаровидная бусина и несколько обломков совершенно окислившихся медных вещей. Из костяных изделий: долотце (рис. 2, 3), четыре шила (рис. 2, 2), четыре проколки, двустороннее острие (рис. 2, 1) и астрагал овцы с пришлифованными поверхностями. Были найдены и

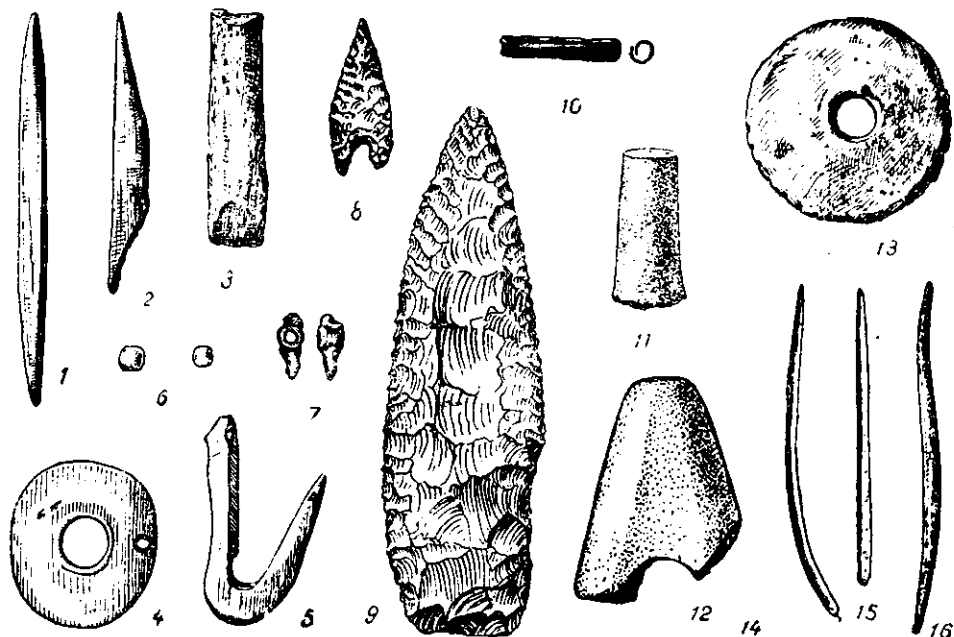

Рис. 2. Находки из поселения Бабино III.

1—5 — изделия из кости; 6—7 — фаянсовые бусы; 8—9 — изделия из кремня; 10, 14—16 — изделия из меди; 11—12 — изделия из камня; 13 — глиняное прясло.

изделия из камня — кремневый нож (рис. 2, 9), изготовленный из крупного отщепа, обработанный двусторонне; обломки кварцевой гальки с притертым концом; грузило из известняка с желобками на концах и сферической формы растиральник.

Особый интерес представляли бусы голубого цвета. Две из них цилиндрической формы (рис. 2, 6), три — являются обломками в виде головок птиц (рис. 2, 7).

Керамика представлена небольшими фрагментами, но встречались довольно значительные части сосудов, дающие возможность восстановить форму и размеры их (рис. 3).

Так как керамика, обнаруженная в этом жилище, не отличается от керамики слоя поселения, общая характеристика ее будет дана при рассмотрении культурных остатков слоя.

В жилище были найдены также кости животных, рыб, щитки речных черепах и два жёлудя.

Несколько южнее рассмотренного жилища, уже в гумусированном слое, на глубине 0,9 м от поверхности была обнаружена глинобитная площадка, перекрытая глиняным завалом (рис. 1). Эта площадка представляла собою пол какого-то сооружения квадратной формы, размером 3,15×3,15 м. В центре ее находилась яма диаметром в 0,5 м и глубиной в 0,4 м. Края ее были заглажены. В северо-западной и юго-восточной

частях площадки на поверхности были ясно видны следы от кострищ. Культурные остатки на ней отсутствовали.

К востоку от этого сооружения в гумусированном грунте на том же уровне были обнаружены завалы глинобитного жилища № 2 (рис. 1). Под завалами залегал гумусированный грунт толщиной до 0,1 м, глубже его подстилал суглинок. Глиняные завалы представляли собою целые части стен, упавших в ту или иную сторону. Судя по отдельным, лучше сохранившимся блокам, толщину стен можно определить в 0,25—0,3 м, а высоту около 2 м.

Блоки западной и северной стен сохранились хорошо, хуже сохранились остатки восточной стены и южной части жилища.

На одном из участков сохранилась часть стены в вертикальном положении. В ней с южной стороны находилось полукруглое углубление, а ниже ямка диаметром в 0,25 м, уходящая в суглинистый грунт.

Такие же две ямки были обнаружены и на севере в блоках стен и две южнее. Ямки дают возможность установить способ сооружения стен жилища. Сперва вкапывали столбы на определенном расстоянии, а затем между ними укладывали глинобитные стены.

Жилище имело удлиненно-прямоугольную форму, вытянутую с юга на север. В юго-восточной его части был выход в виде коридора из таких же глинобитных стен. Пол жилища был земляной. У выхода, внутри, находились остатки кострища. Размеры жилища 8×3,3 (рис. 1). Следов пожара не выявлено. Внутри жилища культурные остатки отсутствовали. Между глинобитной площадкой и этим жилищем находились остатки шести кострищ (рис. 1, 1—6). К югу от жилища № 2 находились остатки еще трех кострищ (рис. 1, 7—9), такое же кострище находилось и у северо-восточного угла, вне жилища № 2 (рис. 1, 10).

Культурные остатки слоя, в котором находились глинобитное жилище № 2 и площадка, залежали в гумусированном грунте, в пределах 0,5—1 м от поверхности. Встречались они на всем пространстве раскопов спорадически.

Основная масса культурных остатков представлена керамикой и костями животных. В незначительном количестве были найдены изделия из кости, кремня и камня, всего две вещи оказались изготовленными из меди (?). Керамика представлена в основном незначительными фрагментами сосудов, но изредка встречались и значительные части, дающие возможность восстановить форму и величину сосудов.

Все сосуды изготовлены ручным способом и обожжены на открытом огне. Глина однообразная с примесью песка, на изломе слоистая темно-серая и даже черная. Поверхности сосудов темносерые или буроватые, изредка желтоватые, иногда обработаны зубчатым штампом и заглажены, а изредка и залощены. Черепки очень твердые. Все сосуды плоскодонные. По форме можно определить три основные группы сосудов — с сильно выпуклыми плечиками, расположенными иногда очень высоко, со слабо профилированными плечиками и, очень редко, — с изогнутыми под углом.

Венчики прямые, вертикальные или отогнутые наружу, причем те и другие бывают высокие и низкие, от 2 до 6 см. По величине основная масса представлена сосудами значительных размеров, объемом в 4—5 литров; встречаются сосуды объемом и меньше литра. Обнаружено несколько фрагментов от чаш.

В отношении орнаментации сосуды можно также разделить на три группы.

Многие сосуды первой группы совсем не орнаментированы (рис. 3, 4), часть орнаментирована только по внешнему краю венчика, основе шейки и плечикам (рис. 3, 6, 7) остальные орнаментированы

сплошь, причем изредка орнаментировано и доньшко. Как исключение, орнамент в виде валика с пальцевыми отпечатками расположен и на внутренней поверхности шейки.

Орнаментальными элементами для второй группы служили пальцевые отпечатки, валик с пальцевыми отпечатками, а в трех случаях — отпечатки шнура (рис. 3, 2). Иногда между шейкой и плечиками бывает орнамент в виде вертикальной елочки (рис. 3, 3), выполненной тонкими бороздка-

Рис. 3. Образцы керамики из поселения Бабино III.

ми. Третья группа — это так называемая многоваликовая керамика (рис. 3, 1).

Валик на стенке сосуда налепливали редко, обыкновенно сосуд после выделки обмазывали слоем глины и затем пальцем или каким-то орудием делали довольно глубокие, а иногда и широкие желобки, между которыми и образовывались гребни в виде заостренного валика.

Обыкновенно узор выполнялся только валиком простым или же украшенным отпечатками пальца, но иногда валик сочетался и с резными грубыми бороздками (рис. 3, 1).

Орнаментальные мотивы, выполненные валиком, весьма разнообразны и сложны, что и не дает возможности их систематизировать. Все же в основном это елочка, углы и треугольники, иногда заштрихованные, опоясывающие ряды, изредка встречаются криволинейные мотивы.

Очень редко сосуды орнаментированы только насечкой (рис. 3, 7).

Из керамических изделий, кроме сосудов, найдено плоское прясло (рис. 2, 13) и две заготовки на прясла из стенок сосудов, орнаментированных валиком.

В кострище № 3 найдено медное острие, а в слое — обломок круглого стержня.

Немногочисленные изделия из кости представлены двумя астралами с подшлифованными поверхностями, проколками, шильями, рыболов-

ным крючком (рис. 2, 5) и овальной пряжкой с отверстием посредине и дырочкой у края (рис. 2, 4). Изредка встречались обломки частично обработанных костей животных. Найдено также значительное количество изделий из камня. Это кремневые скребки, стрелы с усиками (рис. 2, 8), отбойники и отбросы производства; два грузила из известняка с желобками по краям, пестики, растиральники, пращевые камни, обломки зернотерок и обломки железистого песчаника со следами оттачивания на них орудий.

Довольно значительная группа изделий из камня представлена обломками сверленных топоров—молотков (15 экземпляров) и одним коническим вывертком (рис. 2, 11, 12), а также привязным молотом конической формы. Наличие вывертка, так же как и обломки орудий, несомненно являющиеся результатом неудачной выделки, свидетельствуют о выработке таких топоров—молотков на поселении.

Следует отметить также одно дисковидное орудие из гранита весьма характерное для неолита и ранней поры меднобронзового века Надпорожья и Понизовья Днепра.

Культурный слой дал также большое количество костей животных, среди которых большинство принадлежит домашнему быку (32%) и овце—козе (30%), остальные свиные (12%), коню (10%) и собаке (6%).

Из диких животных (10%) оказались только кости свиньи, зайца, а также птиц, рыб и речных черепах, что свидетельствует о незначительной роли охоты и рыболовства¹ в хозяйственной деятельности населения.

Исследованием поселения Бабино III положено начало изучению памятников, характерной особенностью которых является наличие так называемой многоваликовой керамики.

Однако делать сейчас какие-либо обобщающие выводы еще преждевременно.

Необходимо накапливать факты, исследовать поселения этого типа в разных местах на территории их распространения для того, чтобы проследить общую линию развития этого историко-культурного явления, выяснить его происхождение и локальные варианты.

Поселения этого типа относятся к позднекатакомбному времени и датируются серединой II тысячелетия до н. э., что весьма правдоподобно, но также требует обоснования и уточнения.

¹ Кости животных определены В. И. Бибиковой.

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

О. Н. МЕЛЬНИКОВСКАЯ

(Москва)

В результате археологических работ за последние годы значительно продвинулось вперед изучение обширной территории бассейна верхнего Днепра и северных районов Среднего Приднепровья, занятых в I тысячелетии до н. э. большой группой племен, представленных различными археологическими культурами.

На территории Верхнего и северных районов Среднего Поднепровья выделяется несколько культур, характеризующихся специфическими чертами, отличающими их от памятников дьяковской культуры Поволжья и от северо-белорусских городищ со «штрихованной» керамикой, оставленных, повидимому, древними летто-литовскими племенами. Это — смоленские городища, среднесвинские городища «юхновской культуры», группа городищ Посеймья, южнобелорусские городища, памятники «подгорцевской культуры» севера Киевщины, городища Верхней Оки. Культурная взаимосвязь памятников этих групп изучена в настоящее время слабо.

Наибольшее внимание в работах Славянской экспедиции ИИМК АН СССР за последние годы уделялось изучению древнейших городищ Южной Белоруссии.

Значительное своеобразие памятников этого типа делает закономерным выделение их в особую археологическую культуру, названную по городищу у д. Милоград, Речицкого района, Гомельской области, милоградской.

Основной областью распространения памятников милоградской культуры следует считать территорию Правобережья и Левобережья Днепра на участке от г. Рогачева (несколько севернее устья Березины) до устья Припяти, нижнее течение Припяти, среднее и нижнее течение р. Сож. Ознакомление с материалами северных районов Среднего Поднепровья показывает, что памятники подгорцевской культуры, исследованной В. Н. Даниленко, близки милоградским. Отдельные курганные могильники с трупосожжениями и поселения, известные нам на Волыни по старым раскопкам С. С. Гамченко и И. Ф. Левицкого и по новым работам украинских археологов, также содержат инвентарь, в значительной степени аналогичный милоградскому. Повидимому, вся эта обширная территория представляет собой нечто единое в археологическом отношении и была занята одним родственным союзом племен.

Поселения милоградской культуры в Южной Белоруссии представляют собой городища «мысового» или «болотного» типа. Раскопки произведены на восьми городищах. Шурфовка велась на многих памятниках. Вскрытая площадь превышает 4000 м². При этом обнаружены следы

20 жилищ. Характерны жилища, углубленные в материк, или наземные столбовые дома, часто имеющие выступ по одной из стен, а иногда навес или сени по одной или двум стенам. Столб в центре жилища поддерживал кровлю. В жилищах имеются очаги в виде скоплений пережжен-

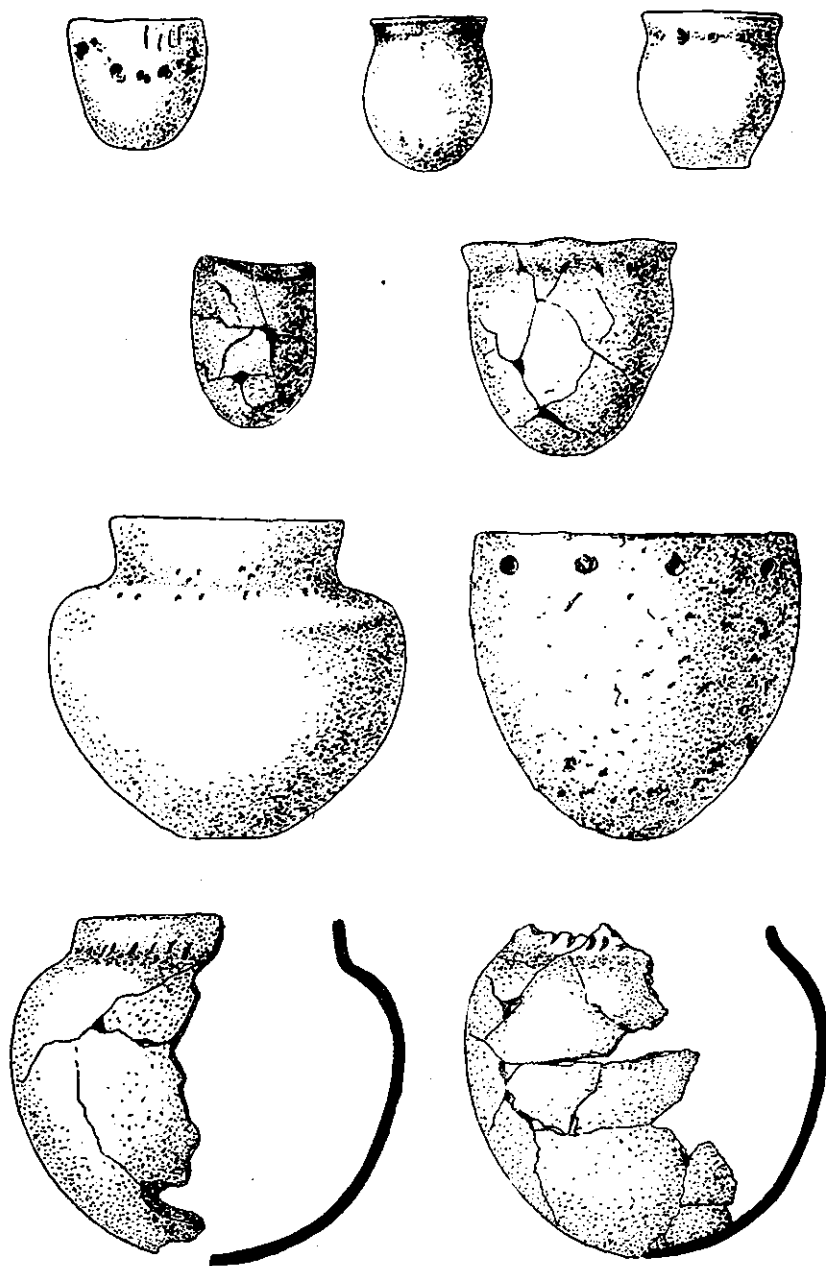

Рис. 1. Образцы форм керамики милорадской культуры.

ных камней в ямке или на плоскости пола. В результате разреза вала и рва на городище в д. Горошков, Речицкого района, Гомельской области, выявлена оригинальная конструкция рва, состоявшего в своем основании из ряда отдельных глубоких канав, параллельных линии вала.

Характерными находками на городищах являются сосуды с шаровидной или яйцевидной формой тулова, с невысокой шейкой, украшен-

ные по шейке или под венчиком пальцевыми и ямочными вдавлениями, нанесенными снаружи или изнутри. Распространенными находками являются пряслица в форме сосудов и другие виды глиняных фигурных грузиков, фигурки животных. Находки из металла представлены железными серпами, пластинчатыми топориками или теслами, долотами, шильями, ножами, копьями, наконечниками стрел скифских типов, железными и бронзовыми булавками и иглами, бронзовыми серьгами, бляхами, браслетами и другими видами украшений.

Найденный на городище в д. Горошков клад бронзовых и серебряных браслетов позднегалльских и раннелатенских типов, а также обнаруженные при раскопках вещи причерноморского происхождения свидетельствуют о существовании широких культурных и торговых связей населения с западными и южными областями.

По материалам южнобелорусских городищ, памятники милоградской культуры могут быть датированы VII—III в. до н. э. Нижняя дата для более южных территорий (Житомирщина) может быть углублена. Верхняя дата в Верхнем Поднепровье определяется тем, что с конца III в. до н. э. милоградская культура здесь сменяется памятниками зарубинецкого типа.

Многочисленные находки серпов, зернотерок, отпечатки зерен, а также состав фауны свидетельствуют о том, что городища милоградской культуры принадлежали оседлому земледельческому населению, занимавшемуся также разведением скота и охотой. Жители этих городищ были знакомы с обработкой металлов, ткачеством и другими видами домашних ремесел.

За валами городища в д. Горошков и городища у д. Асаревичи (Комаринский район, Гомельской области) на площадях, не имеющих культурного слоя, обнаружены сооружения, по-видимому, связанные с погребальным обрядом: большое количество ямок сожженных столбов, развалы сосудов в ямках (в одном случае с небольшим количеством кальцинированных костей) и длинный дом нежилого характера, также с небольшим количеством кальцинированных костей. За валом городища у д. Мохов (Моховское I, Лоевского района, Гомельской области) обнаружено 3 трупосожжения в ямах. За валом Чаплинского городища того же района, на площади, занятой могильником, относящимся к зарубинецкому слою городища, обнаружено 3 трупосожжения, связанные с сосудами, характерными для нижнего, милоградского слоя.

Отдельные находки и элементы погребального обряда как будто бы указывают на связь милоградской культуры с зарубинецкой. Однако для признания такой генетической преемственности твердых оснований в материальной культуре пока не обнаружено. Решение этого вопроса в положительном или отрицательном смысле является одной из главных задач дальнейших археологических работ на указанной территории. Другой важной задачей является изучение памятников предшествующего времени — эпохи бронзы с целью решения вопроса о происхождении культуры городищ милоградского типа.

ГОРОДИЩА ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. П. ЛЕВЕНКО

(Ленинград)

В период с 1928 по 1947 г. автором в бассейне средней и верхней Десны было обследовано 262 пункта с находками юхновской культуры, в большинстве своем оказавшихся городищами.

Культура эта получила свое наименование по раскопкам Д. Я. Самоквасова в конце XIX в. на городище в с. Юхново, Новгород-Северского района, Черниговской области.

Городища юхновской культуры представляют собою небольшие по площади (в среднем 75×100 м) стрелки у слияния речной долины и оврага или отроги между двух оврагов края коренной террасы правого берега Десны или ее притока, связанные с террасой естественной перемычкой, перерытой небольшим рвом и огражденной валом. Земляные укрепления древнейшей группы юхновских городищ невелики, и лишь на поздних стадиях на них возводились более мощные земляные насыпи. В культурном слое юхновских городищ содержится много золы, отчего поверхность их имеет характерный синеватый оттенок, позволяющий издали отличать городища от пустых горок по цвету земли.

Мощность интенсивно насыщенного культурного слоя достигает 2 м. На Трубчевском городище, перекрытом позднейшими культурными наслоениями, толщина культурного слоя доходила до 4 м.

Как показали раскопки, юхновские жилища представляли собою наземные сооружения овально-удлиненной формы, площадью 5×3 м, со стенами, построенными из ряда кольев, забитых в землю, переплетенных прутьями и обмазанных глиной. Полами служили плотно утопанные глиняные площадки. На Трубчевском городище таких, частично перекрывающих друг друга, площадок вскрыто 11. Пятое и седьмое, по счету снизу, жилища имели кучи развалившихся очагов глиняной объемной конструкции. У остальных площадок очаги представляли собою просто кучи золы. На полу нижнего жилища найдена диоритовая точилка с ушком, а на одном уровне с ним, вне жилища — диоритовый просверленный топор.

В культурном слое городищ изобилует характерная юхновская керамика в виде обломков оредних по размеру горшков со слабо отогнутыми наружу венчиками, украшенных на плечиках или на шейке рядом вдавлений, сделанных концом круглой палочки или склоненной книзу щепочки.

Чаще орнамент представляет собою одинарную строчку ямочек, реже две-три строчки, часто к строчке подвешены вершинами книзу треугольники из нескольких таких же ямочек. Позднее к этому орнаменту присоединяются фестонобразные нарезные парные дугообразные линии и штампованные тонкостенной трубкой кружки.

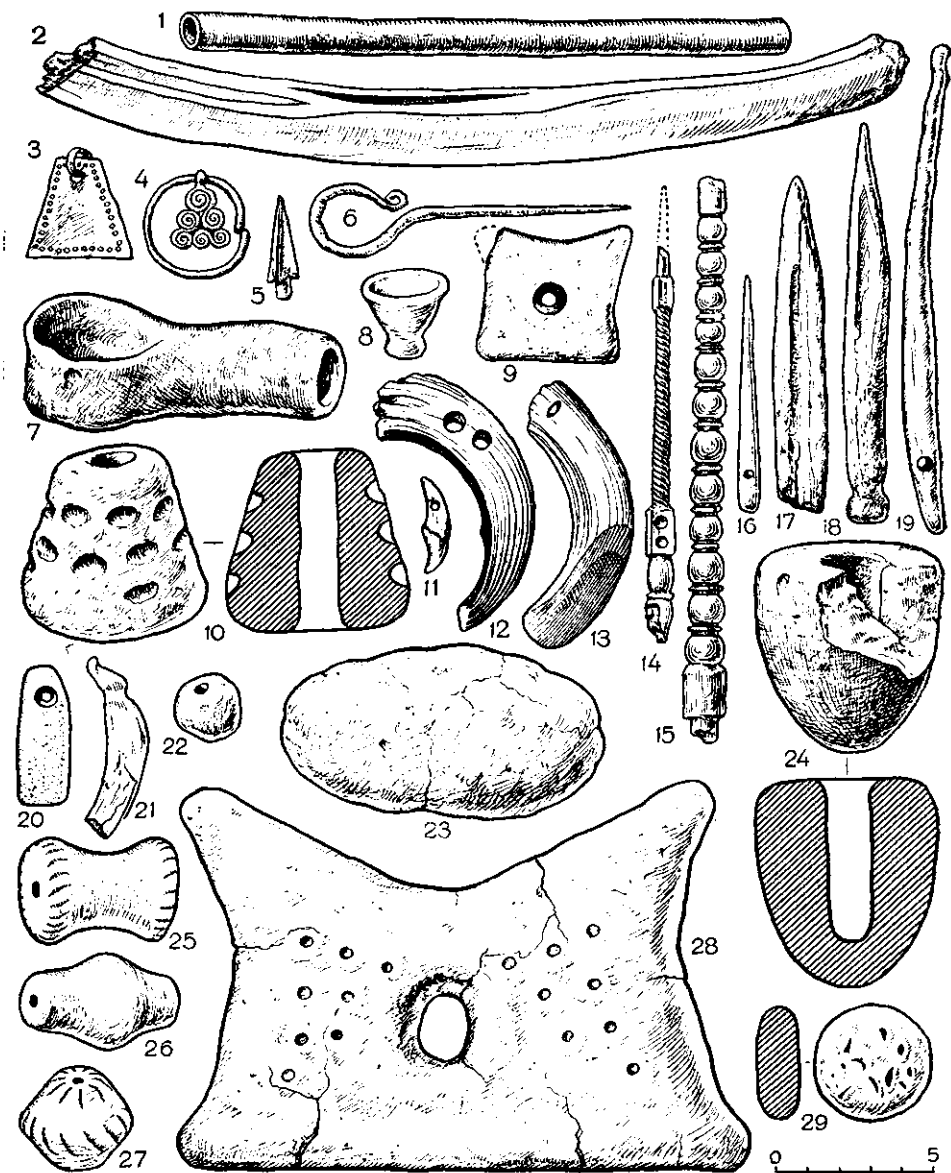

Рис. 1. Инвентарь юхновских городищ.

10 — Волжинское городище; 14, 15 — Городецкое городище; 25 — Домоткановское городище; 3, 9 — Кветунское городище; 8 — Красное городище; 26, 27 — Кудлаевское городище; 19, 21 — Любозичское городище; 12 — «Макча» городище; 11 — Новгород-Северское городище; 16 — Радчицкое городище; 23—24 — Селецкое городище; 4, 5, 28 — Теменское городище; 6 — «Торфель» городище; 1, 2, 7, 13, 17, 20, 29 — Трубчевское городище; 22 — Чубаровское городище.

Встречается также насечка или ногтевой зашип по обрезу венчика и на плечиках. Горшки зачищаются снаружи щепкой, отчего на поверхности остаются полосы в виде вертикальной штриховки. Глиняное тесто керамики на ранних этапах без примесей, или с примесью зерен гранита. Позднее появляется примесь шамота (черепок очень крепкий, тонкий — 5—7 мм). Некоторые горшки были снаружи окрашены мелом. Среди местной керамики изредка встречаются фрагменты типичных скифских сосудов, но вся древнейшая юхновская посуда имеет свой индивидуальный нескифский облик.

Культурный комплекс характеризуется обилием изделий из кости и рога лося — мотыги, кочедыки, шилья, иголки, различного рода острия, струги из коровьих ребер, полые трубки из костей птиц и т. д. Много костяной и роговой стружки, заготовок и обрубков костей и рогов. Встречены точеные фигурные костяные палочки вроде жезлов или колонок. Много изделий из глины, среди которых наиболее характерными являются так называемые «рогатые кирпичи» — изделия из обожженной глины, размерами примерно 25×14×7 см, напоминающие поставленный на ребро кирпич, с устойчивым основанием, суженным верхом, с двумя рогообразными выступами на верхних углах, и небольшим поперечным отверстием в центре. Плоские стороны часто бывают орнаментированы теми же приемами, которыми украшалась керамика. Не менее характерны шарообразные или округло-удлиненные (7—11 см), хорошо обожженные глиняные ядра без отверстий, другие — с несквозными осевыми углублениями, глубже половины диаметра. Похожие на них округло-усеченно-конические предметы, имеющие сквозное отверстие, повидимому, служили в качестве рыболовных грузил. Многие из них орнаментированы пальцевыми вдавлениями. Назначение ядер без отверстий неясно, возможно они служили орудиями для метания. Много мелких глиняных грузиков биконической или катушкообразной формы с узкими осевыми отверстиями, орнаментированных насечками и наколами. Встречаются глиняные полые погремушки, просверленные подвески — зубы медведя, волка, лисы, кабана и глиняные бусы и пряслица.

Металлических предметов обнаружено мало. Из них датирующими являются скифские трехгранные бронзовые стрелы V в. до н. э., найденные Д. Я. Самоквасовым на Юхновском и Г. М. Поршняковым на Трубчевском и Теменском городищах, бронзовая скифская бляшка-розетка, найденная Т. Н. Тралло в 1939 г. на Кветунском городище, бронзовое трапециевидная подвеска и булавка скифского типа, найденные автором в слое — первая на Кветунском же городище, вторая — на Селецком. В культурном слое названных юхновских городищ обычно находки глиняных льячек.

Особую группу составляет находимая во всех слоях многих городищ чернолощенная посуда и предметы миниатюрных размеров, повидимому, детские игрушки, повторяющие многие вещи из инвентаря взрослых — «рогатые кирпичи», горшки, глиняные шары, изрезанные или истыканые глиняные лепешки и пр.

В культурном слое городищ в большом количестве находятся расколотые и обожженные кости животных — свиньи, коровы и др. Костями диких животных представлены лось, кабан, медведь и др. Особенно много рыбьих костей и чешуи, из которых определены сом, щука, осетровые, карповые и др.

В позднеюхновских городищах, по некоторым признакам датирующихся III—IV в. н. э., замечается известное изменение всего комплекса инвентаря. Здесь исчезают плетневые жилища с глинобитными полами, взамен которых появляются тонкобревенчатые жилища с развалами печей, сложенные без «прирубки в черту» и зарубки на углах, с двусторонними стойками у стен, что замечено нами при раскопках на Радутин-

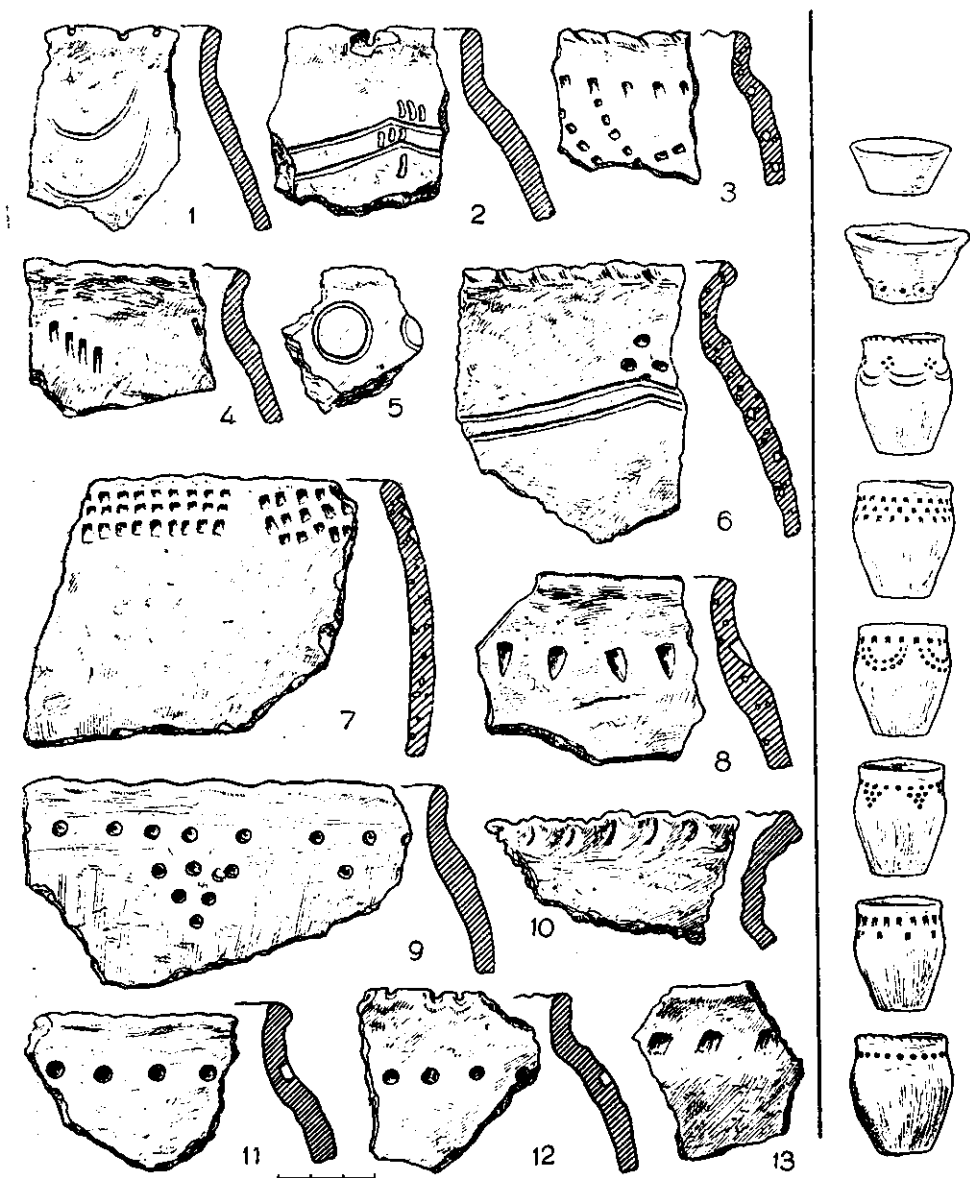

Рис. 2. Керамика юхновских городищ:

I — Древнейшая керамика: 11 — Долботовское западное городище; 12 — Долботовское восточное городище; 8 — Теменское городище; 9 — Селецкое городище; 10 — Городецкое городище; 13 — Чубаровское городище. II — Средняя керамика. 7 — Кветунское городище; 4 — Горкинское городище; 5 — Долботовское западное городище; 3 — Долботовское восточное городище. III — Керамика верхних горизонтов: 1 — Теменское городище; 2 — Теменское городище; 6 — Любожичское городище

ском и других городищах. О таких же наблюдениях на ряде **позднеюхновских** городищ нам сообщал М. В. Воеводский.

В инвентаре городищ увеличивается количество костяных стрел с односторонним шипом. Становится больше, ранее крайне редких, изделий из железа, главным образом серпообразно изогнутых ножей.

К этому времени относится бронзовая подвеска из Теменского городища в виде кольца с неспаянными концами и надетой на него треугольной подвеской, сделанной из шести соединенных между собою спиральных завитков.

Форма городищ позднеюхновского времени также несколько отличается от раннеюхновских. Позднеюхновские городища имеют форму сильно уплощенного усеченного конуса. В некоторых случаях замечена последующая перестройка более ранних городищ.

Синхронными юхновской культуре Десны на смежных с нею территориях являются: городища дьяковского типа на Оке и верхней Волге, поселения предшественников городищ со штрихованной керамикой на верхнем Днепре, гомельская группа ранних городищ в бассейне Сожа, памятники с культурой скифского левобережного типа на Сейме.

Наши наблюдения и выводы вполне согласуются с данными В. А. Ильинской¹ о генетической связи юхновской культуры с более ранней культурой типа бондарихинской и еще более ранней — марьяновской. Керамика этих типов встречалась нами неоднократно в основании городищ юхновской культуры и в стоянках переходного времени от бронзы к железу вблизи городищ на Десне, а некоторые характерные традиции в оформлении керамики, через ряд связывающих ступеней, восходят к еще более ранней культуре — местному позднему ямочно-гребенчатому неолиту.

¹ В. А. Ильинская, К вопросу о происхождении культур раннежелезного века в Левобережной Лесостепи. Доклад, прочитанный на Секции неолита и бронзы на Пленуме ИИМК в Ленинграде 5 апреля 1956 г.

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В с. МОГИЛЯНЫ, РОВЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

М. Ю. СМІШКО

(Львов)

На большой дюне, находящейся на правом берегу р. Горынь, в центре с. Могиляны, при сооружении фундамента для нового здания школы в 1953 г., было обнаружено несколько сосудов, часть которых передана в Острожский краеведческий музей.

Осенью 1955 г. экспедицией отдела археологии Института общественных наук АН УССР были проведены раскопки на нетронутой строительными работами площади, в результате которых вскрыто четыре погребения и несколько отдельных сосудов. Характерные черты сосудов дают основание выделить две разновременные группы, из которых одна относится к раннежелезному периоду, а другая — к зарубинецко-корчеватовскому времени.

В настоящем сообщении мы ограничимся только краткой характеристикой памятников первой группы, к которой принадлежат два целых и одно частично сохранившееся погребения.

Первое погребение вскрыто в 9 м к западу от западного угла нового здания школы, на глубине 0,66 м от дневной поверхности. Центральное место занимал здесь большой горшок (высота 40 см) вытянутой, почти трубчатой формы, с незначительно расширяющимся горлом (диаметр по венчику 22,5 см), украшенный посредине тулова и краю венчика узкими горизонтальными валиками с защипами (табл. 1, 1). В нем помещались пережженные неполностью кости ребенка, уложенные в анатомическом порядке, причем сверху находился череп почти полной сохранности. Трупосожжение было прикрыто вложенным в урну вверх дном неорнаментированным горшком такой же формы, но меньшей величины (высота 26 см, диаметр дна 12,6 см; диаметр по венчику 18,7 см; табл. 1, 2).

В 0,15 м севернее урны стоял небольшой горшочек (высота 17 см) с отбитым венчиком, близкий по форме к двум предыдущим (табл. 1, 4). В нем находилось немного пережженных костей небольшого животного. В 0,4 м к востоку от последнего нашелся еще один горшок вытянутой биконической формы, с незначительно утолщенным венчиком (высота 27,7 см; табл. 1, 3). С другой стороны урны найдено несколько фрагментов большой конической миски с горизонтально утолщенным краем, а в другом месте, ближе к донышку урны, части небольшого горшочка, форму которого не удалось восстановить.

Все эти сосуды были изготовлены из глины с примесью мелкой дресвы, а их сглаженная поверхность имела серо-коричневый цвет.

Второе погребение было обнаружено в 1,5 м к северо-востоку от пер-

ного погребения на глубине 0,63 м. В состав его входили три сосуда, размещенные в ряд с севера на юг. Первым стоял горшок средних размеров (высота 29,5 см) вытянутой формы, с расширяющимся кверху горлом, украшенный под краем рядом сквозных дырочек (табл. 1, 5).

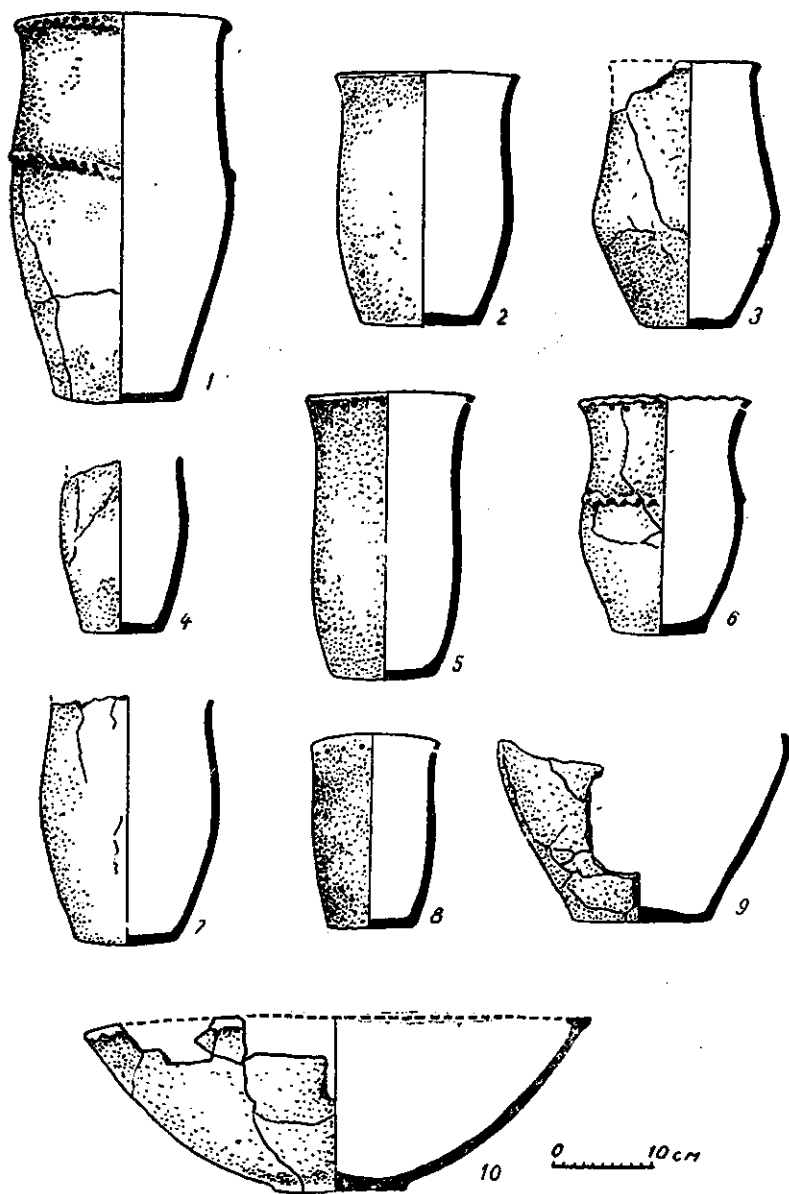

Табл. 1. Находки керамики из погребений раннежелезного века в с. Могиляны.

1-4 — из погребения I; 5-8 — из погребения II; 9, 10 — из погребения III.

В нем вверх дном помещался меньший горшок (высота 18,6 см) почти цилиндрической формы, с незначительно расширенным горлом и с рядом сквозных дырочек под краем (табл. 1, 8). В заполнении большого горшка находился гумусированный песок, а рядом с его доньшком обнаружено несколько пережженных человеческих костей.

В 0,15 м к югу найден, стоявший вверх дном, тюльпановидный гор-

шок (высота 23,5 см), украшенный посредине тулова валиком с защипами, рядом дырочек под венчиком и защипами по краю венчика (табл. 1, 6).

Крайним с южной стороны, всего в 0,1 м от последнего сосуда, был обнаружен стоявший вверх дном горшок с овальным, неровно сформированным бочком (высота 25 см), венчик которого был отбит в древности (табл. 1, 7).

Все сосуды описанного погребения изготовлены из глины с примесью дресвы, их сглаженная поверхность имела светлорыжий цвет.

Третье погребение было частично разрушено, и располагалось оно в 14 м к западу от первого. На глубине 0,6 м от древней поверхности была обнаружена нижняя часть широкого сосуда (табл. 1, 9), прикры-

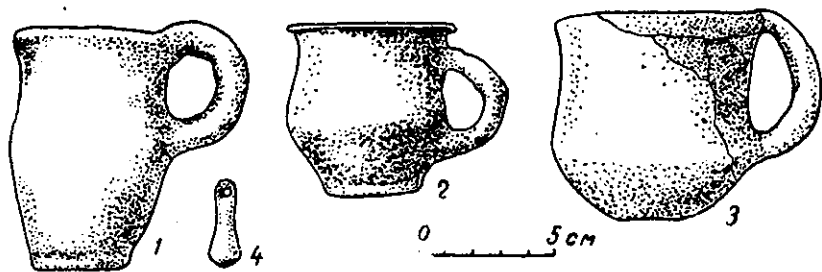

Рис. 1. Находки из могильника раннежелезного века в с. Могиляны.

1 — кружка из погребения III; 2, 3 — кружки с могильника; 4 — костяная подвеска.

тая большими фрагментами трех разных мисок, одну из которых удалось реконструировать. Это большая широкая миска (высота 17 см; диаметр по венчику 53,5 см) с плоским дном (диаметр 14,3 см), выделяющимся в профиле, и с горизонтальным утолщенным краем. С наружной стороны венчика изредка размещены выступы в виде сдвоенных небольших рожков (табл. 1, 10). Наружная поверхность миски серо-коричневая, а внутренняя черная, пролощенная. Другие фрагменты принадлежали таким же мискам с вогнутыми внутрь краями.

Повидимому, к этому же комплексу принадлежит небольшая узкая тюльпановидная кружка (высота 8,3 см) с полукруглой ручкой, помещающейся в верхней части тулова (рис. 1, 1). Она обнаружена в 0,5 м к юго-западу от описанного погребения, на глубине 0,52 м от современной поверхности.

В других местах, расположенных вблизи погребений, были найдены еще две кружки. Одна из них более широкая с маленьким доньшком (диаметр 2 см), воронковидной нижней частью тулова, цилиндрическим плечиком и овальной ручкой (высота 7,5 см; диаметр по венчику 8 см — рис. 1, 3). Другая кружка, близкая по форме к первой, была меньше (высота 6 см) и стройнее; ее доньшко сравнительно шире (диаметр 3,3 см), венчик отогнут, а полукруглая ручка прикреплена верхним концом немного ниже венчика (рис. 1, 2).

Кроме перечисленных находок, на этом участке встречалось много фрагментов сосудов, принадлежащих, повидимому, погребениям, ранее разрушенным земляными работами.

Кроме керамики, была найдена костяная подвеска удлиненной формы (длина 3,4 см), с отверстием в верхней уплощенной части и с утолщенным биконическим нижним концом (рис. 1, 4).

В результате раскопок в с. Могиляны получен цельный погребальный комплекс, характеризующийся захоронениями остатков трупосожжения в урнах и сопровождающийся своеобразной керамикой — горшками, мисками, кружками.

Большинство горшков имеет вытянутую тюльпановидную форму и очень часто сглаженную поверхность. В характере украшений применяются узкие валики с защипами по тулову и сквозные дырочки под венчиком. Кроме того, фрагментарным материалом представлены горшки небольших размеров с овальным туловом и с гладким реберчатым валиком под отогнутым венчиком. Значительно реже встречаются широкие или вытянутые биконические сосуды.

Характерным для данного комплекса являются большие развернутые миски с горизонтально утолщенным или вогнутым внутрь краем. Первые из них по наружному краю венчика украшаются одинарными или двойными небольшими выступами. У многих мисок внутренняя поверхность была черная, лощеная.

Третьей керамической формой являются небольшие кружки с удлиненной или более широкой формой тулова и полукруглыми ручками.

Перечисленные формы представлены не только целыми сосудами, вскрытыми в погребениях, но и большим количеством фрагментарных материалов, что свидетельствует о четко выдержанном стиле этого керамического комплекса.

Хронологическое определение описанной группы крайне затрудняется из-за отсутствия каких-либо металлических и других датирующих изделий. Судя, однако, по характеру керамики (по формам и способу украшения), можно предполагать, что это памятник раннежелезного периода, в какой-то степени синхронный с соседними высоцкой и чернолесской культурами. Могильянский керамический комплекс отличается от керамики упомянутых групп (вытянутые формы горшков, миски с горизонтальными венчиками и выступами, своеобразные кружки), хотя между ними и наблюдается некоторое сходство (тюльпановидная форма горшков, орнаментирование валиками с защипами по тулову и сквозными дырочками под венчиком, миски с вогнутым внутрь краем). Исходя из этого, можно предполагать, что новооткрытый памятник в Могильях сигнализирует о существовании какой-то новой культурно-племенной группы раннежелезного периода в южных районах западного Полесья.

ПОСЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ФРАКИЙСКОГО ГАЛЬШТАТА НА БУКОВИНЕ

Г. И. СМЕРНОВА

(Ленинград)

В 1955 г. Западно-Украинской экспедицией Государственного Эрмитажа исследовалось поселение культуры фракийского гальштата возле с. Магала, Садгорского района, Черновицкой области. Исследуемый памятник представляет собой открытое селище, расположенное на мысу, возвышающемся над долиной р. Прут. Было заложено три раскопа общей площадью в 730 м², что составляет приблизительно $\frac{1}{10}$ часть всей площади, занятой поселением.

На вскрытых участках обнаружены остатки 6 жилых построек, а также ямы хозяйственного назначения. Жилища, судя по найденному в них инвентарю, оказались разновременными. Для раннего периода жизни на поселении характерны наземные постройки, для позднего — как наземные, так и углубленные жилища типа землянок. В устройстве различных по времени жилищ наземного типа существенной разницы не наблюдается.

Остатками наземных сооружений являются ямы от столбов, служившие опорой для кровли, и глинобитные печи, устроенные непосредственно на уровне земляного пола или в специально выкопанных ямах. Жилища были прямоугольными в плане, площадь их равнялась 25—30 м². Как правило, по сторонам дома наряду с угловыми имеются промежуточные столбы. Остатки нескольких ям от столбов обнаружены также внутри помещения по центральной оси его или поблизости от печи. Куски обмазки, найденные местами возле жилищ, свидетельствуют о том, что стены некоторых из них были «глинобитными».

Землянка, исследованная в 1955 г., представляет овальное в плане помещение, вытянутое с юго-востока на северо-запад. Площадь помещения 9×6 м. В землянке выявлены два строительных горизонта. К раннему горизонту относится один глинобитный очаг, к позднему — три очага, устроенные из глины в различных концах землянки.

Конструкция и планировка жилищ населения, относящегося к так называемой культуре фракийского гальштата, до последнего времени оставались неизвестными. Раскопки возле с. Магала впервые позволяют полно и всесторонне изучить особенности гальштатского домостроительства.

Вещевой инвентарь, обнаруженный в жилищах, неоднороден. Юго-западные участки поселения, где вскрыты наземные постройки и землянка, дали материал, который является характерным для культуры фракийского гальштата, существовавшей в IX—VI в. до н. э. на территории западных областей Украины и Молдавии (так называемая голиградская группа). Керамика из этих жилищ типична для голиградских памятников западных областей Украины по технике изготовления, по формам и при-

емам орнаментации. Это корчаги, миски, черпаки, вазы с черной лакированной поверхностью и орнаментом в виде волнистых линий. Среди посуды горшки с ручками, упорами на слабо выраженной ноге. По форме и материалу (бронзовые долота, булавки, иглы, ножницы и др.) ближайшие аналогии которым дают материалы Высшего неолита и Кустановицких курганов, время этого комплекса датировано VIII—VII в. до н. э.

Другая группа жилищ, открытых на поселении, является более древней. Об этом наглядно свидетельствует обнаруженный в них инвентарь, характеризующийся рядом архаических черт.

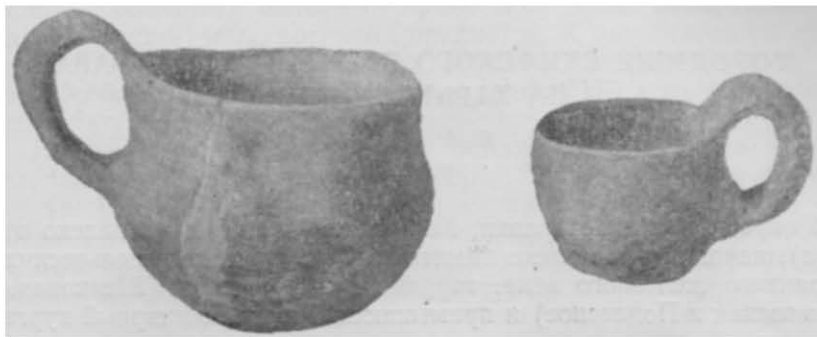

Рис. 1. Черпаки из нижнего слоя.

Среди более древней грубой посуды преобладают прямостенные горшки, украшенные таким ранним видом орнамента, как гладкий валик. Столовая посуда, представленная черепками, сосудами с двумя поднятыми над краем ручками, мисками и корчагами, не имеет черного блестящего лощения, столь характерного для керамики фракийского гальштата.

Бронзовые находки в нижнем слое поселения составляют исключение, железо отсутствует вовсе.

Ближайшую аналогию материалам нижнего горизонта селища возле с. Магала дают памятники периода поздней бронзы и раннего железа, открытые румынскими археологами в междуречье рр. Прута и Серета («группы Монтеору-Ноа»). Ранний комплекс находок поселения возле с. Магала по аналогии с этим памятником (Трушешти, Ларга, Жижни и др.) приблизительно может быть датирован концом X—IX в. до н. э.

В материальной культуре нижнего и верхнего слоев поселения возле с. Магала имеется ряд общих черт, позволяющих рассматривать культуру древнего горизонта как ранний этап развития культуры фракийского гальштата. Поскольку памятники с материалом «предголиградской» культуры на территории западных областей Украины до сих пор оставались неизвестными, раскопки селища в с. Магала приобретают особое значение. Они дают возможность более глубокого изучения вопросов о происхождении культуры фракийского гальштата на территории западных областей Украины и Молдавии и ее связях с культурами фракийских племен Карпато-Дунайского бассейна.

Основу хозяйственной деятельности населения, жившего на селище возле с. Магала, составляло земледелие и скотоводство. О занятии населения скотоводством свидетельствуют кости домашних животных, найденных в большом количестве при разборке культурного слоя. Находками, характеризующими земледельческое хозяйство, являются костяные мотыги, терочники и обломок кремневого серпа. Это заставляет изменить существующую точку зрения румынских археологов о господствующей роли скотоводства в хозяйстве племен этой культуры.

ГОРОДИЩЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У с. КАРАВАН НА ХАРЬКОВЩИНЕ

Б. А. ШРАМКО

(Харьков)

В окрестностях с. Караван, Харьковской области (недалеко от Люботина), находится комплекс памятников местных земледельческих племен раннего железного века: городище, три селища (Шелковая, Совнаркомовская и Подлесное) и примыкающий к ним обширный курганный могильник.

Все раскопанные в могильнике курганы оказались ограбленными еще в древности, но по сохранившимся остаткам они могут быть датированы VI в. до н. э. Разведки на селищах дали разнообразный подъемный материал: обломки глиняной лепной посуды, пряслица, грузила, обломки зернотерок из кварцита, железный нож, костяной наконечник мотыжки, культовые зооморфные статуэтки и др. Имеются следы местного металлургического производства (обломки тигля, шлаки). На всех трех селищах зафиксированы зольники. Собранный материал позволяет считать, что два селища (Шелковая и Совнаркомовская) возникли еще в VI в. до н. э. и существовали довольно долго. Дату третьего селища уточнить пока трудно, но и оно относится к скифскому времени.

Городище Караван расположено на мысу небольшой возвышенности у прудов, которые являются истоком р. Мереры. Общая площадь городища 3,2 га. С трех сторон территория его ограничена оврагами, а с западной стороны защищена земляным валом и рвом с проходом в средней части. Имеются еще и внутренний вал и ров.

Раскопки показали, что городище содержит только слой скифского времени. Возникло оно, повидимому, несколько позже селищ, но не далее V в. до н. э. Среди находок преобладают материалы IV—II в. до н. э.

Жилища на городище были наземные, легкого каркасного типа. Среди находок первое место занимает керамика. Кухонная посуда представлена лепными горшками со слабо отогнутым венчиком, который бывает гладким, но чаще украшен по краю защипами или насечками, а ниже сквозными проколами. В небольшом количестве найдены венчики, украшенные ниже края валиком с защипами и проколами, а также обломки чернолощеной посуды. Кроме горшков, найдены глиняные миски, сковородки, пряслица, грузила и другие поделки. Встречено несколько мелких обломков античных амфор.

Из других изделий следует отметить обломки кварцитовых зернотерок, точильные бруски, метательные камни для пращи, железные ножи, железное шильце, конусовидную ворворку, шлаки и обломок плавильного тигля.

Среди костей домашних животных выявлены кости коровы, лошади, свиньи, овцы, а среди диких животных — кабана, косули, оленя.

Особый интерес представляет комплекс, открытый в северо-западной части городища Караван. Здесь в скифское время находилось довольно сложное культовое сооружение в виде жертвенника с зольником. Культовое место с западной стороны ограждал серповидный вал из обожженной глины. Перпендикулярно к валу в центре его расположены три конусовидных ямы небольшого размера. К северо-востоку от третьей ямы был сооружен из глины овальный жертвенник, к которому вела вымощенная камнем дорожка. Жертвенник сильно прокален и покрыт слоем золы.

Комплекс вещей, найденных в этом раскопе, весьма своеобразен. Наряду с обычными бытовыми предметами было обнаружено большое количество культовых, votивных предметов. К ним относятся миниатюрные сосудики, глиняные лепешки, обломок антропоморфной фигурки и др. Особое внимание привлекают глиняные 170 моделей зерен различных культур.

По определению специалистов Всесоюзного института растениеводства, они изображают зерна пшеницы, ячменя, ржи, гороха и других культур. Рентгенологическое и микроскопическое исследование моделей, произведенное Т. Н. Сильченко в лаборатории Государственного Эрмитажа, подтвердило и дополнило выводы о характере найденных моделей. Оказалось, что зерна различных культур отличаются друг от друга не только по внешнему виду, но и по внутренней структуре. Модели хлебных зерен имеют мелкопористую структуру, которая связана с тем, что они сделаны из глины, замешанной на муке.

Таким образом, раскопки на городище Караван дали ценный материал для характеристики хозяйственной и идеологической жизни лесостепных земледельческих племен раннего железного века. Ясно видно существование культа огня, связанного с земледельческим культом, при помощи которого местные жители, вероятно, старались магически обеспечить себе реальный урожай выращиваемых культур.

ТАВРСКОЕ УКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ГОРЕ КОШКА В КРЫМУ

П. Н. ШУЛЬЦ

(Симферополь)

Изучение культуры тавров, являвшихся в древности основным населением горнолесных районов Таврического полуострова, имеет большое значение для правильного освещения многих сторон истории древнего Крыма. Однако целый ряд существенных вопросов истории тавров до сих пор еще не выяснен. Остаются неразрешенными вопросы о происхождении тавров, о географических границах расселения таврских племен в Крыму и локальных особенностях культуры этих племен. Вызывает споры вопрос об общественном строе и уровне культуры тавров, о периодизации их исторического развития, об их взаимосвязях с киммерийцами, скифами, сарматами, с одной стороны, с греками и римлянами — с другой.

В исследовании этих вопросов основным препятствием являлась недостаточная археологическая изученность таврских селищ, убежищ и укрепленных поселений античной эпохи. Более изученной является культура ранних тавров первой половины I тысячелетия до н. э., обычно именуемой кизил-кобинской.

Именно поэтому Крымский филиал АН УССР совместно с Ялтинским музеем краеведения приступил в 1950 и в 1955 г. продолжал раскопки укрепленного таврского поселения на горе Кошка. Раскопки были дополнены зачистками каменных ящиков на горе Кошка, близ Гаспры и обследованием таврских укреплений на горе Крестовой, на мысу Ай-Тодор и на вершинах гор Аю-Даг, Кафель, Сераус и Ай-Иори.

Из всех этих укреплений оборонительные стены и башни сохранились лучше всего именно на горе Кошка. Поселение, площадью около 1,5 га, находится к северо-западу от Симеиза, на вершине горы, на площадке, хорошо защищенной от ветра с запада и востока естественными каменными барьерами. Вершина горы трудно доступна. Расселины в западном скалистом барьере заложены камнями. Там, где на вершину можно было взобраться по тропам — с севера и со стороны моря, с юга — возведены стены (рис. 1).

Стены сложены насухо из рваного камня, иногда с признаками подтепки, и имеют два панциря — внешний и внутренний, с забутовкой из мелкого камня в середине. Верхняя часть стен уже, чем основание (толщина в среднем около 2 м). Северная стена длиной около 100 м имеет два башенных выступа. Стена местами сохранилась на высоте более чем 3 м. Основание стены циклопического характера, оно сложено из крупных блоков камня, напоминая кладку таврских стен на мысу

Ай-Тодор¹, построенных, как известно, до появления римских владений на южном берегу Крыма. Основная же часть стены, вероятно, относящаяся к второму строительному периоду, сложена из камней средних и мелких размеров, что может быть связано с влиянием римской фортификации.

В восточной части стены имеется пандус и калитка для входа в поселение (ворот не было). В этом месте стена с внешней стороны усилена дополнительным поясом, что, может быть, является результатом влияния скифской фортификации, в которой система наращивания поясов особенно распространена. В данном месте толщина стены в основании превышает 3 м.

В целях выяснения структуры стены и времени ее постройки в 1955 г. были произведены раскопки камеры, примыкающей к внутреннему пандусу оборонительной стены. Раскопки показали, что в данном месте стена возведена на каменной подсыпке, заполнившей расщелину в скале.

Таврская лепная керамика средней поры, без орнамента, встреченная в подсыпке и в нижних горизонтах культурного слоя, позволяет датировать время сооружения стены второй половиной I тысячелетия до н. э. Второй строительный период, о котором можно говорить пока лишь предположительно, скорее всего относится к первым векам нашей эры, чему не противоречит керамический материал.

В средневековое время оборонительная стена на Кошке местами, в частности у калитки, была подправлена, о чем свидетельствуют замеченные здесь еще в прошлом столетии остатки известкового связующего раствора².

Оборонительные сооружения на горе Кошка дают яркое представление об особенностях таврской фортификации, резко отличающейся от греческой своей примитивностью и циклопическим характером основания стен и от скифской, в частности, отсутствием глиняного раствора и характером башенных выступов, не имеющих внутри камер.

Раскопки показали, что на горе Кошка в VII—VI в. до н. э. уже существовали каменные жилые дома, прямоугольные в плане, однокамерные и двухкамерные. Стены отличаются толщиной (иногда свыше 1 м) и примитивностью кладки. Имеются дверные проемы, хорошо утрамбованные земляные полы, открытые, иногда выложенные камнем очаги. Для поддержки перекрытия в отдельных случаях употреблялись

Рис. 1. Северная оборонительная стена на горе Кошка.

¹ В. Д. Блаватский. Харакс, МИА, 19, 1951, стр. 250 и след., рис. 3.

² Г. Келлен, Крымский сборник, СПб., 1837, стр. 45 и сл.

деревянные столбы. Некоторые здания пристраивались к скале и имели, повидимому, односкатную крышу в виде бревенчатого, покрытого землей наката.

Исследовано два жилых комплекса VII—VI в. до н. э. с лепной, простой и лощенной керамикой, тождественной поздней кизил-кобинской. Преобладающий тип посуды — плоскодонный горшок, иногда лощенный, напоминающий формы сосудов фракийского галыштата. Распространены плоскодонные простые и лощенные миски обычно со слегка вогнутыми внутрь краями, в отдельных случаях с наклепными выступами для захвата. Среди столовой посуды часто встречается лощенный черпак с петлеобразной ручкой, слегка возвышающейся над венчиком, и круглодонный кубок без ручек, обычно с резным орнаментом и горизонтальными точечными вдавлениями. Реже попадаются глиняные сита.

Привозная греческая посуда встречалась как редкое исключение (обломки ранних остродонных амфор).

Найдены зернотерки, точильные и прашные камни, каменные грузила, глиняные пряслица, костяные проколки и иглы.

Костные остатки домашних животных обильны: преобладали кости мелкого и крупного рогатого скота, реже — лошади, свиньи, собаки. Костей диких животных (оленя, косули, кабана) значительно меньше. Рыбных костей и чешуек мало. Попадались раковины съедобных моллюсков: устрица и *Patella*.

В исследованных жилых домах ниже уровня пола в 1955 г. обнаружены культурные слои поздней и ранней бронзы: керамика баночных форм, многоваликовая, а также с шнуровым и штампованным орнаментом катакомбного времени; кремневый серп, шлифованные орудия — топоры и молоты, иногда недосверленные и стерженьки, оставшиеся от сверления полый трубой, свидетельствующие о выделке здесь шлифованных каменных орудий.

Найденная здесь керамика эпохи бронзы отличается от последующей кизил-кобинской и генетически, повидимому, с ней не связана.

Зола и кухонные отбросы из жилищ частично ссыпались в одну из расселин в южной части поселения, где возник своеобразный зольник с находками начиная с VII—VI в. до н. э. вплоть до позднего средневековья (поливная керамика).

Стратиграфия зольника и культурного слоя в жилищах позволяет установить на Кошке пять основных культурных периодов. Между некоторыми из них жизнь на поселении, может быть, и прерывалась: а) ранняя и поздняя бронза (II тысячелетие до н. э.); б) раннетаврский период с керамикой кизил-кобинской культуры первой половины I тысячелетия до н. э.; в) средний таврский период с неорнаментированной таврской керамикой, близкой лепной керамике Херсонеса классического и эллинистического времени; повидимому, именно в это время на поселении возводятся оборонительные стены; г) поздний таврский период, керамический материал которого близок позднетаврской лепной керамике первых веков нашей эры, найденной в Херсонесе; в это время оборонительная стена, повидимому, перестраивается; д) эпоха раннего и позднего средневековья с керамикой салтовского типа (VIII—X в.) и поливной (с IX в. и позже). В этом слое встречаются обломки круглодонных амфор, плоскодонных одноручных кувшинов с высоким горлом и черепицы.

Среди находок в жилых комплексах и зольнике лучше всего представлена раннетаврская керамика и значительно хуже — керамика средней и поздней таврской поры. Характерной чертой последней является исчезновение орнамента, изредка встречающегося в V в., а затем исчезновение черпаков и кубков, а также крупных лощенных сосудов галыштатского облика. Лощенной керамики в среднем и позднем этапе

меньше, чем в раннем, и качество ее снижается. В последние века до нашей эры и в первые века нашей эры распространяются кувшины, отсутствующие в раннетаврской керамике.

Раскопки на горе Кошка позволили уточнить локальные особенности культуры южнобережных тавров, отличавшейся, несмотря на соприкосновение с морем, известной замкнутостью, консервативностью и стойкостью. В хозяйстве преобладало скотоводство и примитивное, очевидно, мотыжное земледелие.

Рыбная ловля и охота, судя по костным остаткам, имели подсобное, но отнюдь не решающее значение¹.

Торговый обмен был слабо развит. Греческого импорта и гончарной керамики римского времени на городище почти не найдено. Признаков стоянки на Кошке римских легионов, в отличие от Ай-Тодора, не обнаружено².

Могильник с каменными ящиками, расположенный к северу от поселения, безусловно с ним связан. Он расчленяется на три обособленные группы ящиков, отличающиеся по своему характеру и ориентации. Каждая из них, может быть, являлась могильником отдельных родов. Судя по находкам, могильник относится примерно к VII—VI в. до н. э.³ Выше к северу расположен могильник с земляными склепами V—VIII в., связанный с раннесредневековым поселением этой местности. При расчистке каменных ящиков в районе Гаспры, близ Ай-Тодора, обнаружены находки, близкие находкам из каменных ящиков на горе Кошка: спиралевидные бронзовые украшения, восьмеркообразные бляхи, двухлопастные железные и бронзовые трехгранные наконечники стрел (VI—V в. до н. э.) и раковины каури. Один из наиболее ранних ящиков внутри расписан красной охрой и сажей⁴.

Проведенное Ялтинским отрядом обследование таврских укреплений на южном берегу Крыма (горы Кошка, Крестовая, Ай-Тодор, Аю-Даг, Кафель) вдоль Алуштинской долины (Сераус, Ай-Иори), а также цитадели и стены, преграждавшей древнюю перевальную дорогу у подножья Чатырдага⁵, показало, что по своей структуре оборонительные стены перечисленных укреплений имеют существенное отличие. Возможно, что эти укрепления строились в разное время различными таврскими племенами.

После того как эти укрепления возникли, вероятнее всего независимо одно от другого, связь и сигнализация между ними огнем и дымом была вполне возможной, так как укрепления, образуя своего рода цепь, хорошо просматриваются с одной вершины на другую.

Традиции таврской фортификации, ярко представленные на горе Кошка, были использованы в эпоху средневековья при создании так на-

¹ В. Н. Дьяков в работе «Таврика в эпоху римской оккупации» («Уч. записки МГПИ им. Ленина», т. XIII, вып. I, М., 1942, стр. 14) писал: «...для древних обитателей южного крымского побережья оставались доступными для хозяйственных занятий лишь охота и рыболовство, что, видимо, и составляло основной промысел тавров». Это положение Дьякова опровергается материалами раскопок Кошки.

² В. Н. Дьяков считал, что укрепление на Кошке использовалось римлянами для стоянки легионов. Он подчеркивал «римский характер этого укрепления во второй период его существования» (ук. соч., стр. 68). Раскопки на горе Кошка не подтвердили предположения В. Н. Дьякова.

³ А. В а с н е ц о в, Древнее Симеизское кладбище, Древности. Труды Московского Арх. о-ва, т. XXIV, 1914, стр. 324 и сл.

⁴ Обычай расписывать ящики по внутренней стороне плит красной и черной краской перешел к ранним таврам из погребального обряда эпохи бронзы. В Крыму ящики с росписью появляются еще во II тысячелетии до н. э. (см. Н. Р о м а н ч е н к о, Раскопка кургана в д. Кояш, Симферопольского уезда, Таврической губ., ИТУАК, № 13, 1891, стр. 62 и сл., рис. Б на стр. 71).

⁵ Об этом см. в статье П. Н. Ш у л ь ц а, Тавро-скифская экспедиция в 1946 г., «Советский Крым», № 5, Симферополь, 1947, стр. 64 и сл.

зываемых исаров — феодальных замков, которых много на южном берегу Крыма¹. Наиболее наглядным примером этого является средневековый замок на г. Крестовой близ Алупки, возникший на руинах таврского укрепленного поселения.

¹ Рубрук во время своего путешествия по южному берегу Крыма в 1253 г. между Херсонесом и Судакком отметил наличие 40 укреплений (Вильгельм де Рубрук), Путешествие в восточные страны, СПб., 1910, стр. 68 и сл.). Необходимость исследования исаров Крыма подчеркивается в статье С. Н. Бибикова, Средневековые укрепления исар близ сел. Чоргунь (Крым), КС ИИМК, в. II, 1939, стр. 30 и сл.

К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ ЗНАМЕНСКОГО И ГАВРИЛОВСКОГО ГОРОДИЩ

Н. Н. ПОГРЕБОВА

(Москва)

Основной состав населения как Знаменского, так и Гавриловского городища, повидимому, составляли поздние скифы. Перенесение политического и культурного центра Скифии в позднескифское время в Крым еще не означало физического переселения туда всей массы местного нижнеднепровского населения, о чем свидетельствуют некоторые литературные источники (Страбон, Плиний и др.) и археологические данные: продолжение на нижнеднепровских городищах традиций скифского керамического комплекса и погребального обряда, формы домостроительства, связанные с древними местными традициями Нижнего Поднепровья, хозяйственный уклад и материальная культура, продолжающие быт скифских земледельческо-торговых поселений IV—III в. до н. э., исследованных на Бугском лимане.

Район расположения обоих городищ (северная часть Нижнего Поднепровья) был довольно густо заселен в эпоху поздней бронзы и предскифское время. С рубежа VIII—VII в. до н. э. ранние поселения на этой территории, повидимому, перестают существовать, так как находки раннескифского времени на них не представлены. Особенно характерно отсутствие греческих амфор VI—V в. до н. э., которые в это время через посредство Ольвии широко проникли в лесостепные поселения Среднего Приднепровья. Лишь в IV—III в. до н. э. на территории обоих городищ вновь появляется население, следы деятельности которого датируются греческими амфорами и скифской лепной керамикой этого времени. Возможно, что перерыв в жизни поселений в конце VIII в. был вызван переходом населения к кочевому образу жизни, а в IV—III в. происходил обратный процесс. Однако к моменту укрепления обоих исследованных городищ каменными стенами, которое произошло в позднеэллинистическое время, население в них было давно оседлым.

Возведение каменных укреплений на Знаменском городище, ограничивших территорию так называемого малого акрополя, относится к началу II в. до н. э. и ко времени перемещения центра Скифии в Крым. Непосредственным поводом для него послужил, несомненно, бурный натиск сарматских племен с востока, достигших уже к этому времени левого берега Днепра. Разрушение стены «малого акрополя» началось, повидимому, в I в. н. э.

Укрепление Гавриловского акрополя каменными стенами и ровом произошло чуть не на век позднее сооружения каменных укреплений Знаменского городища и связано, очевидно, с беспокойной военной обстановкой в междуречье Днепра—Дуная в эпоху Митридатовых войн.

Строительство второй оборонительной стены может быть связано с геттской экспансией при Биребисте. Разрушение стены акрополя происходит, повидимому, в I—II в н. э. В III в. на обоих городищах отмечены следы жизни населения, пользовавшегося керамикой черняховского типа. В этом же веке оба городища окончательно погибают, возможно, в связи с нашествием готов.

Население городищ занималось земледелием, скотоводством и рыболовством. Огромную роль в их экономике играла торговля с Ольвией.

Влияние сарматской культуры на материале исследованных городищ прослеживается слабо. Формы собственно сарматской лепной керамики здесь не отмечены, а те, которые имеют аналогии у сарматов, прослеживаются у последних в более поздно датированных комплексах, чем на нижнем Днестре (конические миски на полых ножках, сосуды с налепным рельефным орнаментом). Сарматизированные формы сероглиняной лощеной керамики в основном являлись производством послегеттской Ольвии. В остальном черты сарматизации быта исследованных городищ (стрелы, детали костюма и погребального обряда) имеют скорее эпохальный, чем этнический характер. Отдельные сарматские погребения на самой территории или вблизи городищ были осуществлены, повидимому, уже после гибели последних.

В лепном керамическом комплексе Знаменского и Гавриловского городищ прослеживается тесная связь с культурой племен Карпато-Дунайского бассейна, занимающих северную окраину фракийского мира (чашки с длинными ручками, сосуды с ручками-упорами, биконические кувшины липицкого типа и пр.). Некоторые формы, главным образом, лощеной керамики встречаются также и в зарубинецкой культуре Среднего Поднепровья, но в ряде случаев аналогичные формы (например, горшки с коническими выступами, корчаги с рельефным орнаментом) были распространены, повидимому, более широко в керамике гето-фракийского мира. Лепные лощеные остроробные миски находят себе ближайшие аналогии в зарубинецкой керамике, но по характеру светлого лощения очень напоминают также молдавский вариант этих сосудов.

Тесная связь Западной Скифии с гето-фракийским миром, с которым западно-скифские племена должны были иметь непосредственный контакт, засвидетельствована литературными источниками и прослеживается исторически. Археологически этот вопрос недостаточно разработан. Впредь до углубленного археологического изучения территории западных скифских племен можно только поставить вопрос о западных или северных путях проникновения новых форм керамики, придавших нижнеднепровской культуре позднескифского времени ее своеобразный характер.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕРРАКОТ ИЗ КУРГАНА БОЛЬШАЯ БЛИЗНИЦА

А. А. ПЕРЕДОЛЬСКАЯ

(Ленинград)

Комплекс терракот из склепа № 4 кургана Большая Близница по необычайному разнообразию входящих в него типов, крайнему своеобразию и выразительности их характеристик и художественному мастерству исполнения не имеет себе равных не только среди курганов и некрополей Северного Причерноморья, но и среди некрополей других мест античного мира. Несмотря на публикацию Л. А. Стефани (ОАК, 1869, табл. II—III), терракоты эти не привлекали внимания исследователей. До сих пор не раскрыто полностью их содержание и не выяснено значение всего комплекса погребального ритуала. А между тем без ясного представления о характере погребального инвентаря, без выяснения причин, по которым требовалось наличие того или иного состава вещей в погребении, нельзя разобраться в таком сложном памятнике, каким является курган Большая Близница. Ведь последний служил родовым некрополем знатного боспорского рода, члены которого занимали видное положение в государстве, а женщины его выполняли функции жриц. Сложные погребальные комплексы кургана Большая Близница могут быть поняты только при условии тщательного изучения всех предметов погребального инвентаря на общем историческом фоне с учетом конкретных условий местной среды.

Изучение некрополей греческих городов Северного Причерноморья, некрополей других мест древней Греции, островов Эгейского моря, побережья Малой Азии и греческих городов Италии убеждает нас в том, что в различные периоды жизни античного общества наблюдается строгая и определенная закономерность в подборе вещей, используемых для погребального ритуала. Эти предметы связаны между собой по содержанию и объединены какой-то идеей, т. е. подобраны с определенной тенденцией, исходящей из общественного положения умершего, его мировоззрения, а следовательно, и мировоззрения того общества, в котором покойный жил.

Терракоты, включаемые далеко не во все погребальные инвентари, свидетельствуют отнюдь не о вкусах и склонностях умершего при его жизни, а о религиозных представлениях и также о характере погребальных обрядов и обычаях, господствующих в обществе того времени. При этом следует учитывать, что в заупокойном культе должны были найти свое отражение и различные мистериальные учения с их богато оформленной обрядовой стороной.

Наконец, нельзя забывать и того факта, что тщательное соблюдение и сохранение традиций — типическая особенность обрядовой стороны

всякого культа, в том числе и наиболее консервативного заупокойного культа.

В погребальных комплексах VI—IV в. до н. э. терракоты встречаются всегда в определенных сочетаниях, причем обязательными в них являлись два типа — одна или две женские протомы (бюста), одна или две сидящие богини или женщины. В больших и богатых вещами комплексах этот обязательный набор терракот дополнялся фигурами стоящих девушек, реже — сидящего на земле мальчика или присевшего на корточки силена, а также фигурками различных животных и птиц.

Рис. 1. Статуэтки женщин из кургана Большая Близница. Государственный Эрмитаж.

Наиболее характерным примером для понимания роли и значения терракот в погребальном ритуале и заупокойном культе может служить инвентарь женского погребения второй четверти V в. до н. э., открытого в 1854 г. на горе Митридат в Керчи. В него включено пять терракот: сидящая богиня, женская протома, стоящая девушка в диадеме и с венком в руке, возлежащий мужчина с чашей и рельеф с изображением петуха. Анализ этих статуэток указывает на их связь с культом обеих елевсинских богинь — Деметры и Кору. В этом комплексе нашли свое отражение два наиболее важных момента елевсинской религии — похищение Кору Аидом и возвращение Персефоны из подземного царства на землю, где с приходом ее возрождается жизнь.

Погребальный инвентарь в кургане Большая Близница в общем не отстывает от старой традиции. Из животных в него включена фигурка свиньи, встречается тип сидящего на корточках силена, типичная для архаических и раннеклассических некрополей женская протома заменена полуфигурой богини, имеется и ряд стоящих и сидящих женских фигурок. Однако совсем необычны мужские фигуры «карикатурного» вида и некоторые атрибуты у женских статуэток.

Анализ терракот из кургана Большая Близница показал, что наибольшая группа статуэток теснейшим образом была связана с эпизодами мифа о Деметре и Коре, рассказанными в так называемом Гомеровском гимне к Деметре, — похищение юной Кору Аидом, глубокое отчаяние, горе и гнев, охватившие мать, ее безуспешные поиски похищенной

дочери, приход в Елевсине в облике дряхлой старухи, ~~появление и~~ ~~в~~ ~~при~~ ~~быв~~ ~~ание~~ ее в доме Келея и Метаниры, различные эпизоды этого ~~представ~~ ~~ления~~ в царском доме, наконец, возвращение к матери из подземного ~~ми~~ ~~ра~~ ~~и~~ ~~ст~~ ~~ва~~ Персефоны и учреждение таинств.

Несмотря на наличие законов, категорически запрещающих в ~~древ~~ ~~ности~~ разглашение «тайн» мистерий и требовавших строгого наказания за их несоблюдение, терракоты этой группы в художественной форме своего времени отражают, таким образом, главные моменты «священных драм», разыгрывавшихся во время празднования «великих» мистерий в Елевсине. Понять и разгадать содержание каждой статуэтки в отдельности и всю совокупность их могли только посвященные в таинства лица.

В первую (елевсинскую) группу терракот должны быть включены все женские статуэтки этого комплекса, в том числе и миниатюрные фигурки сидящих с дарами в руках девушек, изображавших, очевидно, царских дочерей, которые первыми из елевсинских жителей встретили богиню Деметру в тени у колодца в неузнаваемом облике дряхлой старушки.

Фигурка юноши или мальчика, закутанного в плащ и увенчанного диадемой, может в этой связи рассматриваться как образ Демфонта, единственного сына Келея и Метаниры, воспитанника Деметры.

Может быть, в непосредственную близость к первым учредителям и служителям культа обеих богинь в Елевсине могут быть поставлены и две фигурки стариков, изображавших Келея и жреца Плутона.

С другой стороны две последние статуэтки вместе с третьей фигурой старика «карикатурного» вида, двумя статуэтками, изображавшими Геракла, и группой «Педагога с учеником» могут найти свое объяснение в связи с культом и мистериями «великих богов» — кабиров.

Открытие в Нимфее святилища кабиров и близость типов стариков этой второй группы терракот к вотивным приношениям Фиванского Кабириона подтверждает эту гипотезу.

Третья и четвертая группы терракот данного комплекса самостоятельного значения не имеют и могут рассматриваться с двумя первыми группами. Третья группа состоит из двух статуэток силенов, а в четвертую входят две статуэтки сидящих на алтарях актеров древней комедии, отдыхающий кулачный боец и группа борцов. Сидящий на корточках силен может быть отнесен ко второй группе терракот, связанной с культом кабиров, статуэтка же силен с младенцем Дионисом на руке, объясняемая обычно как изображение актера древней комедии, может найти свое место в четвертой группе, которая, в целом, находит свое объяснение в проведении тех агоний и «игр», которыми завершались, «по обычаю предков», как елевсинские мистерии, так и празднества в честь кабиров.

Таким образом, большинство статуэток из склепа № 4 кургана Большая Близница связываются с одним из самых распространенных и

Рис 2. Статуэтка старухи из кургана Большая Близница. Государственный Эрмитаж.

знаменитых земледельческих праздников Греции — с елевсинскими мистериями.

Земледельческие обряды и культы, в частности культы Деметры, как известно, имели на Боспоре широкое распространение и значение. Не случаен тот факт, что курган Большая Близница с его знаменитым погребением «жрицы Деметры», — связывается именно с культом елевсинской Деметры, получившим, начиная с классического периода, широкую известность и популярность во всем эллинском мире.

Наряду с елевсинским культом на Боспоре, как и в некоторых других местах Греции, имел место и культ «великих богов» — кабиров, своеобразные элементы которого нашли свое яркое отражение в некоторых статуэтках погребального комплекса склепа № 4.

Не исключена возможность, что знатная боспорская женщина, погребенная в склепе № 4 кургана Большая Близница, могла иметь непосредственное отношение и к «малым» елевсинским мистериям, исполняя обязанности жрицы Керы. Об этом могут свидетельствовать великолепные золотые чеканные украшения ее калафа, изображавшие менад и сатиров.

МЕСТНАЯ РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА НИМФЕЯ VI в. до н. э.

В. М. СКУДНОВА

(Ленинград)

В Нимфее вблизи архаического святилища Деметры, в 1947 и 1948 гг. были открыты остатки трех гончарных печей, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга.

Одна из них, лучше сохранившаяся, небольшого размера: длина 1,06 м, в поперечнике 75 см. В центре пода сохранились остатки подпорного столбика¹.

Близкой аналогией по форме нимфейской печи является открытая в Олимпии печь из архаического слоя².

Керамические печи известны в ряде городов Северного Причерноморья: Пантикапее, Фанагории, Херсонесе, Ольвии, но все они значительно больших размеров и относятся к более позднему времени. Гончарные печи VI в. до н. э. открыты впервые в Нимфее.

По устройству они мало чем отличаются от уже известных печей. Еще до открытия печей в архаическом слое привлекало внимание большое количество сосудов и их обломков со следами брака производства: искривления, пузыри встречались как на простых сосудах серой глины, так и на расписных. Кроме брака производства, среди архаической керамики святилища выделялась группа сосудов с геометрическим орнаментом, напоминающим роспись ионийских сосудов, но вместе с тем и отличающихся от них.

В настоящее время представляется возможным выделить большую группу расписных сосудов, изготовленных в Нимфее: амфор, калъпид, ойнохой, киликов, чашек, крышек сосудов и блюд. По форме нимфейские сосуды: амфоры, ойнохои, килики, повторяют широко известные образцы ионийской керамики VI в. до н. э.

Нимфейская глина плотная, с мелкими светлыми блестками, красного и желтого цвета.

В росписи нимфейских сосудов широко применялся сангин, реже черная и белая краска.

Килики украшены поясками внутри и снаружи, иногда с группами палочного орнамента у ручек. Значительно разнообразнее узор на амфорах и ойнохох. Плечики покрыты поясом то из острых углов, то из треугольников, чередующихся с розетками или лепестками. На другой группе амфор лепестки или капли, соединенные по пять или шесть, украшают плечики и горло сосуда. Особенно интересна группа амфор со своеобразным орнаментом на плечиках в виде пучка стеблей, верху которого два S-образных завитка соединены поперечной линией, от них

¹ М. М. Худяк, Раскопки святилища Нимфея, СА, XVI, 1952, стр. 257, рис. 18.

² ВДИ, 1947, № 1, стр. 204, рис. 9.

отходят вниз еще стебли то пересекаясь, то заканчиваясь завитками¹. Многие амфоры украшены только группами поясков и волнистых линий.

Ручки нимфейских амфор украшены группами лепестков или же двух пересекающихся линий.

Нимфейские блюда, диаметром до 20 см, близки по форме родосским, группы Эфорба. Орнамент состоит из concentрических кругов, заполненных поясами палочного орнамента, углов и одиночных вертикальных линий.

Ознакомление с основными группами нимфейской расписной керамики дает возможность прийти к выводу, что она носит ярко выражен-

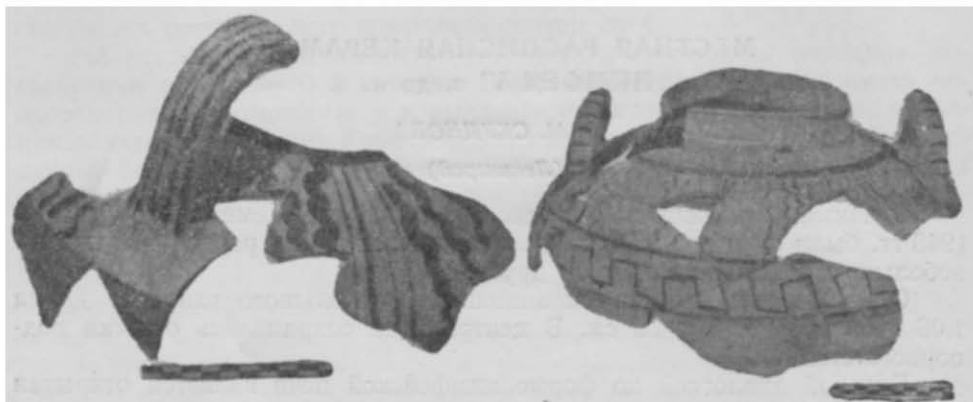

Рис. 1. Расписная керамика Нимфея.

ные следы геометрического стиля, столь характерного для ионийской керамики VI в. до н. э. Так называемые «ионийские» амфоры также украшены поясками и волнистыми линиями, как нимфейские. Узор длинных треугольников встречается на родосских ойнохоях².

Группы лепестков, а также чередование волнистых и прямых линий встречаются в позднегеометрической росписи Ларисы и на острове Хиосе. Точно так же и узор на ручках нимфейских амфор известен на сосудах с острова Хиоса и Родоса, но только в геометрическом стиле, и на поздних микенских сосудах.

Что же касается своеобразного нимфейского орнамента в виде пучка из стеблей, то он не имеет даже отдаленных аналогий, хотя и состоит из известных элементов ионийской росписи.

Для нимфейской росписи характерны неровные линии, нечеткие мазки, порой беглый и небрежный рисунок. Но общая манера росписи нимфейских гончаров очень свободная, хорошо известные мотивы выполнены не так строго и сухо, как мы привыкли видеть на большинстве ионийских сосудов.

Конечно, небрежность в росписи могла происходить еще и потому, что расписная нимфейская керамика изготовлялась исключительно для культовых целей. Все расписные сосуды были найдены разбитыми и разбросанными в юго-восточной части территории архаического святилища. Нимфейские расписные сосуды не находились в быту жителей города, а изготовлялись только для нужд святилища. Поэтому ни одного обломка нимфейского расписного сосуда и не было найдено за пределами святилища, хотя в городе открыт очень насыщенный материалом архаический слой.

Выделка расписной керамики в Нимфее началась в первой полови-

¹ СА, XVI, стр. 252, рис. 14.

² Clara Rhodos, VI—VII, стр. 14, рис. 127; стр. 117, рис. 131.

нецелесообразно, и в 1955 г. они были перенесены на 400 м к северу по склону Заячьей балки, на участок *К*, заложенный в 1947 г.

Тогда здесь были обнаружены остатки оборонительных стен IV в. до н. э., слоевые субструкции, отдельные блоки оборонительной стены IV в. до н. э., расположение которых указывало на то, что они могли принадлежать оборонительной башне, что было очень важно: кроме того, по мнению А. Н. Карасева, немного севернее участка *К* должны быть западные ворота Ольвии. Исследования 1955 г. установили, что вся территория вокруг стены IV в. была покрыта слоевыми субструкциями. Повидимому, это было сделано с целью создать крепкий фундамент для оборонительной стены, сооруженной на крутом склоне Заячьей балки. Слоевые субструкции занимают большую площадь, до сих пор полностью не исследованную.

На 0,5 м ниже стены IV в. была обнаружена другая стена, лежавшая на глинистом материке без субструкций. При этой стене были обнаружены фрагменты архаической керамики. Рядом со стеной была открыта древняя яма, которая дала ряд ценных предметов VI в.: ионийские амфоры в обломках, лутерии и обломок чернофигурного сосуда с изображением танцовщицы-менады. Дальнейшие работы на этом участке должны расширить раскоп *К* и уточнить полученные ранее результаты.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СТЕНАХ ОЛЬВИИ V—IV в. до н. э.

К. Э. ГРИНЕВИЧ

(Харьков)

Вопрос о достоверности свидетельств Геродота об Ольвии является актуальным и важным для всех историков и археологов античного мира: на ольвийском материале можно проверить достоверность Геродота. В своей работе «Четвертая книга Геродота и следы личного знакомства историка с Ольвией», напечатанной в «Записках Харьковского университета» в 1915 г., автор пришел к отрицательным выводам, т. к. в то время Б. В. Фармаковский датировал раскопанную им у Заячьей балки древнегреческую оборонительную стену и городские ворота, открытые им на севере Ольвии IV в. до н. э., т. е. послегеродотовским временем.

Зачистка этой древнегреческой оборонительной стены, произведенная в 1948 г. отрядом Ольвийской экспедиции, дала некоторые данные, позволяющие думать, что Б. В. Фармаковский ошибался, датируя эту стену IV в. К сожалению, сообщение об этой работе было слишком кратким, не было опубликовано находок, а между тем вопрос о достоверности Геродота так и не мог быть окончательно решен. В 1954 г. автор получил возможность произвести небольшие раскопки в Ольвии с целью проверить датировку для оборонительной стены 1948 г., и подкрепить достоверность показаний Геродота. В 1954 г. для этого Харьковский университет организовал отряд Ольвийской экспедиции.

В результате раскопок 1954 г. было обнаружено продолжение (в северном направлении) древнегреческой оборонительной стены у Заячьей балки, раскопки которой были начаты Фармаковским, длиной около 10 м. У подножья стены были обнаружены фрагменты навкратийской, коринфской, аттической керамики архаического времени. Кроме того, стена лежала прямо на материке без слоевых субструкций. К сожалению, стена в этом месте чрезвычайно пострадала от выборки камней более позднего времени. Сохранилось всего два самых нижних ряда камней стилобата стены, причем обращает на себя внимание одно обстоятельство: уже в стене, открытой Фармаковским, был констатирован поворот в сторону северо-запада (около 20°). В обнаруженном нами продолжении стены самый нижний ряд камней сначала как бы повторяет первоначальное прямое продолжение стены и только потом как бы «подбит» на изменение направления стены. Создается впечатление, будто изменение направления стены в сторону северо-запада было выбрано позже, после укладки первых камней нижнего стилобата. Таким образом, в результате работы 1954 г. были получены надежные датировочные данные и обнаружено продолжение оборонительной стены на северо-запад, связанное с поворотом в этом месте направления самой Заячьей балки.

К сожалению, в нашем раскопе стена обрывалась, будучи выбрана до материка. Поэтому продолжать раскопки стены в этом месте было

нецелесообразно, и в 1955 г. они были перенесены на 400 м к северу по склону Заячьей балки, на участок К, заложенный в 1947 г.

Тогда здесь были обнаружены остатки оборонительных стен IV в. до н. э., слоевые субструкции, отдельные блоки оборонительной стены IV в. до н. э., расположение которых указывало на то, что они могли принадлежать оборонительной башне, что было очень важно: кроме того, по мнению А. Н. Карасева, немного севернее участка К должны быть западные ворота Ольвии. Исследования 1955 г. установили, что вся территория вокруг стены IV в. была покрыта слоевыми субструкциями. Повидимому, это было сделано с целью создать крепкий фундамент для оборонительной стены, сооруженной на крутом склоне Заячьей балки. Слоевые субструкции занимают большую площадь, до сих пор полностью не исследованную.

На 0,5 м ниже стены IV в. была обнаружена другая стена, лежавшая на глинистом материке без субструкций. При этой стене были обнаружены фрагменты архаической керамики. Рядом со стеной была открыта древняя яма, которая дала ряд ценных предметов VI в.: ионийские амфоры в обломках, лутерии и обломок чернофигурного сосуда с изображением танцовщицы-менады. Дальнейшие работы на этом участке должны расширить раскоп К и уточнить полученные ранее результаты.

РАСКОПКИ НА РИМСКОЙ ЦИТАДЕЛИ ОЛЬВИИ

Р. И. ВЕТШТИН

Раскопками в центральной части римской цитадели (участок Л) в 1954—1955 гг. открыт ряд строительных остатков, примыкающих к перекрестку двух улиц, мощенных черепьем.

Первая улица, ориентированная по линии север — юг, очевидно, являлась одной из главных улиц цитадели. Другая ответвляется от главной в юго-восточном направлении. Ширина каждой улицы 3—4 м. С обеих сторон вымостки перекрестка были ограничены каменными обочинами.

В южной части перекрестка были ограничены каменными обочинами. В южной части перекрестка были ограничены каменными обочинами. Судя по обломкам керамики из вымостки улиц, улицы можно датировать первыми веками нашей эры, а верхний их горизонт III — началом IV в. н. э.

Исследование стратиграфии участка под перекрестком показало, что в эллинистическое время юго-восточная улица еще не существовала, здесь тогда находился жилой дом. Очевидно, в послететскую эпоху планировка этой части города была несколько изменена.

Значительный интерес представляют открытые раскопками остатки большого здания, расположенного на северо-восток от перекрестка. В пределах выявленной части здание состоит из двух подвальных помещений, выстроенных одно за другим с севера на юг; третье подвальное помещение примыкает к ним с запада. На восток от подвалов обнаружены остатки наземных помещений. Среди руин этого здания обращает на себя внимание два глубоких подвала с мощными каменными стенами (толщиной до 1—1,4 м.). Следует отметить необычную для жилых или хозяйственных помещений форму этих двух подвалов. Южный подвал имеет в плане форму трапеции, расширяющейся в восточной части. Его размеры очень незначительны: длина — 3,6 м; ширина — 2,6 м. Северный подвал представляет узкое помещение значительной протяженности. Подвалы были разрушены во время пожара.

Найденные в пожарище предметы датируются первыми веками нашей эры, с преобладанием предметов II — середины III в. н. э.

Вещественные находки, обнаруженные в подвалах, характеризуются большим количеством привозных экземпляров. Здесь встретились первоклассные образцы греческого ремесла, как, например, фигурный светильник в форме женской ноги, обутой в сандалию. Среди вещественного материала исключительный интерес заслуживает рельефное изображение терракотового орла на передней стенке полой четырехгранной подставки. Орел изображен в фас с поднятыми крыльями, когтистыми лапами, он упирается в край пьедестала. Горделиво поднятая голова с большим хищным клювом повернута влево. Оперение дано схематически в виде однообразных рельефных полукругов и полосок, заштрихованных косыми насечками.

В целом фигура орла реалистична. Подобные изображения орла из глины, мегалла или мрамора найдены и в других центрах античного мира. Наиболее близкие из известных нам аналогий как по материалу, так и по характеру изображений дают раскопки Пантикалея и римских кастеллей Нижней Мезии, например Барбоши (Румыния), Овчиляре (Болгария) и другие. Эти терракотовые орлы датируются II—III в. н. э. Комплекс находок, в котором найден орел, а также стилистические особенности его фигуры также свидетельствуют об этом времени.

Орел, как известно, является в греческой мифологии спутником, оруженосцем и молниеносцем Зевса, символом всепобеждающей силы и царственного величия. В римской армии орлы изображались на военных знаменах; место, где в латере стояло это знамя, считалось священным. Прикрепленный к шести бронзовый орел, позже серебряный или золотой (со времени Адриана), всегда изображался с поднятыми как бы для полета крыльями.

Как уже отмечалось, в таком же положении изображена фигура орла из Ольвии и другие аналогичные экземпляры, изготовленные из глины. Терракотовые орлы, возможно, находились в святилищах римской армии, как замена боевого знамени с легионным орлом из металла, всегда сопровождавшего воина в военных походах.

Все это позволяет поставить вопрос о связи найденного в Ольвии изображения орла с пребыванием в городе римского гарнизона.

В связи с этим приобретают большой интерес остатки здания на участке Л, и в первую очередь южный подвал, в пожарнице которого был найден орел. Он напоминает известные по публикациям подвалы преториумов римских кастеллей, открытых на Рейне вдоль пограничных провинций Римской империи. В преториумах такие же небольшие подвалы с мощными стенами были предназначены для хранения казны и документов. Как и в Ольвии, большинство этих подвалов датируется II—III в. н. э.¹

Следует отметить, что в подвалах и в ближайшем к ним окружении встретились и другие находки, не характерные для обычного жилого здания. Перечислим некоторые из них: терракотовая поделка с рельефными буквами (*tessera* ?), фрагмент большой мраморной статуи, облицовочные мраморные плитки и мраморные фрагменты с остатками греческих надписей, капитель колонны и другие.

Открытые остатки здания II—середины III в. н. э., вероятно, были связаны с римским гарнизоном и, видимо, принадлежали преториуму. К этому времени относится и башня на Заячьей балке, сооруженная

Рис. 1. Терракотовый орел.

¹ Der Obergermanisch — Raetische Limes des Roemerreiches, Lieferung I, № 44, стр. 7, 8.

ольвийским гарнизоном. Известно, что в некоторых ольвийских надписях имеются и прямые указания на пребывание в Ольвии римского гарнизона во II—III в. н. э.

В 248 г. город еще охранялся военным гарнизоном. В это время в связи с углублением социально-экономического кризиса Римской империи и усиливавшимися набегами готов и других припонтийских народностей, римляне были вынуждены эвакуировать свои отряды из городов Северного Причерноморья. Возможно, обнаруженное здание было сожжено и разрушено во время одного из таких нашествий на Ольвию.

Дальнейшие раскопки центральной части цитадели, и в первую очередь полное исследование здания предполагаемого преториума, к которому принадлежат открытые подвалы, дадут новый материал для выяснения ряда важных вопросов, связанных с одним из последних этапов истории Ольвии.

ИССЛЕДОВАНИЯ КОЗЫРСКОГО ГОРОДИЩА

А. В. БУРАКОВ

В 1954—1955 гг. Козырским отрядом Ольвийской экспедиции были произведены небольшие раскопки на городище, расположенном на правом берегу Бугского лимана на южной окраине с. Козырки, Очаковского района, Николаевской области.

Городище, площадью до 6 га, имеет форму трапеции, обращенной широкой стороной к лиману, а узкой — к дороге из с. Парутино в г. Николаев. С юго-запада и частично с севера оно примыкает к глубоким оврагам, а от поля отделено рвом и валом.

За два сезона полевых работ в юго-восточном углу городища на площади 320 м² вскрыта часть большого дома, состоящего из ряда помещений, расположенных с трех сторон дворика, вымощенного плитами.

В стратиграфии культурных отложений и в планировке помещений различаются два периода, хронологически близкие друг другу и не дающие существенной разницы в вещественном материале.

Стратиграфия культурных отложений в основном однородна для всех помещений. Сверху на глубину 0,4—0,5 м залегает почвенный слой, ниже — серозолистый слой мощностью 0,6—0,7 м, в котором сосредоточены все строительные остатки второго периода. Ниже идет золистоглинистый горелый слой толщиной до 1 м, соответствующий первому строительному горизонту. Отклонения от данной стратиграфии наблюдаются только во втором помещении, где за почвенным слоем до пола помещения залегает мягкий желтоглинистый слой, насыщенный обломками кровельной черепицы, жженного кирпича, кусками гипсовых карнизов и обломками известковой штукатурки с фресковой росписью.

Для планировки помещения характерно наличие длинных стен, являющихся общими для ряда помещений.

Кладка стен производилась из рваного камня на глинистом растворе. По краям стены укладывались крупные камни, а в середине ее — более мелкие.

Особенно интересным оказалось помещение, расположенное к западу от дворика. Около пола и на полу этого помещения открыто 14 блоков кладки из жженного кирпича на извести. Блоки являются участками завалившихся стенок, а расположение их показывает, что они стояли под прямыми углами друг к другу. Около кирпичных кладок собрано свыше двух тысяч кусков штукатурки с фресковой росписью орнаментального и растительного характера и 82 обломка гипсовых карнизов с лепными расцвеченными украшениями.

В небольших ямах, вырытых в полу этого помещения, вскрыто 8 детских погребений в амфорах и сосудах. Все костяки лежали на правом боку, в скорченном положении, головою на запад или восток.

Стенки пятого помещения были сложены из саманных кирпичей. Здесь также было найдено много обломков штукатурки с росписью и

карнизов. На полу помещения найдены предметы хозяйственного назначения: две большие амфоры, зернотерка и обломок круглого жернова, а под полом — детское погребение в амфоре.

Всего открыто 19 детских погребений. Все захоронения находились ниже пола в амфорах или одноручных кувшинах. При одном были найдены бронзовая подвеска и браслет, при другом — 32 пастовые бусы, расположенные в ногах костяка. По всей вероятности, помещения № 2 и № 5 представляют собою небольшие склепы, в которых хоронили детей. Стенки склепов покрывались известковой штукатуркой с фресковой росписью и украшались карнизами.

Наряду с труположением бытовал обряд трупосожжения с принесением в жертву большого количества животных: в 6-ом помещении вскрыто большое кострище, на котором вместе с пережженными костями найдены бронзовая иголка и стеклянная буса в форме человеческого сердца, являющиеся, очевидно, предметами женского инвентаря, и два куска кремня. Рядом с кострищем под плитой открыта небольшая яма, в которой находился череп и 4 трубчатые кости овцы, на которых стояли две краснолаковые миски, одна с золой и пережженными костями, другая — с остатками пищи. Около ямы в жертвенной канаве открыты скелеты 15 овец. Бронзовая фибула, найденная возле кострища, и амфоры с погребениями вблизи него, позволяют датировать этот комплекс временем не позднее II — начала III в. н. э.

Детские захоронения в амфорах с погребением в жилом комплексе, богатая фресковая роспись стен и украшение их карнизами с необычайно тонкой лепной работой — все это ново в археологической науке и не имеет еще аналогии в Днепро-Днестровском Причерноморье.

Несмотря на то, что исследованные помещения служили местом захоронений, в них обнаружены также следы бытовой и хозяйственной деятельности людей. Открыты печи и очаги, среди находок встречались кости животных, зернотерки, жернова, бруски, отпечатки соломы в глиняной обмазке.

Все эти данные указывают на то, что земледелие и скотоводство являлись основой хозяйственной деятельности жителей Козырского городища.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА

И. Т. КРУГЛИКОВА

(Москва)

Раскопки античных городов Боспора и их могильников производятся уже в течение многих десятилетий. Они дали науке много ценных материалов для изучения культуры и экономики Боспора, добыли высокохудожественные образцы греческого искусства, а также свидетельства высокого развития местного ремесленного производства на Боспоре. Однако исследование только городской культуры приводило к одностороннему освещению истории Боспора. Оставались неизвестными и социально-экономическое положение, этнический состав, культура и быт основной массы сельского населения обширной земледельческой территории Боспорского государства. Только в самые последние годы началось систематическое исследование его сельской территории. В Крымской части Боспорского царства в 1953—1955 гг. работы проводил Восточно-Крымский отряд Причерноморской экспедиции ИИМК АН СССР. Во внутренней части Керченского полуострова в районе Узунларского вала и к западу от него им обнаружены 27 неизвестных ранее поселений, относящихся главным образом к IV—III в. до н. э. На побережье Азовского моря (между Арбатской стрелкой и мысом Зюк) открыто 11 поселений. Большинство их имело небольшие размеры. Поселения лишены укреплений и располагались на небольших возвышенностях и на ровных местах вблизи источников воды. Основная масса поселений возникла в IV в. до н. э., и лишь некоторые из них существовали и в предшествующий период; небольшая их часть была основана в первые века нашей эры.

Наиболее детальным исследованиям подверглись поселения у дд. Сазоновка, Слюсареве и Марфовка (вблизи с. Ленинское), Семеновка и Афанасьевка (вблизи мыса Казатин), Ново-Отрадное, Золотое и у бывших деревень Сююрташ и Куль-Тепе (на берегу Азовского моря).

Поселение у дер. Сазоновка, раскапывавшееся в 1953—1955 гг., расположено на холме около небольшой речки, в удобной для земледелия долине, защищенной небольшими горными кряжами. На поселении обнаружено два культурных слоя. К более раннему (VII—VI в. до н. э.) относится каменное основание стен постройки с закругленными углами.

В культурном слое были найдены: кремневые орудия из отщепов с ретушью, керамика, среди которой встречаются обломки лошених сосудов с резным орнаментом, а также простые горшки с наклепными валиками, гладкими или орнаментированными зашипами, насечками и т. д. Некоторые из сосудов имеют аналогии среди керамики, найденной на поселении у Широкой балки (близ Ольвии), на р. Обиточной и поселении Куца Бердынка в Приазовье, у Белозерского лимана и сел Нижний Рогачик и Ушкалка на нижнем Днепре.

Были также найдены костяная поделка из резной лопатки живот-

ного сабаатиновского типа и горшок с ручками, имевшими сверху выступы, подобные найденным в Сабатиновке. В этом слое было много костей животных, свидетельствующих о большой роли скотоводства в хозяйстве поселения. Ко второму слою, датирующемуся IV—III в. до н. э., относятся остатки жилищ с каменными стенами, зерновые ямы. В нем найдены каменные зернотерки овальной формы, округлые терочки. Среди керамики, наряду с лепными горшками скифского типа, аналогичными сосудам из Каменского городища, Закисовой балки (близ Ольвии) и др., имеется большое количество античной привозной посуды. Среди последней преобладают обломки остродонных амфор, главным образом синопских, гераклейских, фасосских, боспорских и др. Встречаются также в небольшом количестве обломки чернолаковых и простых кружальных сосудов. Интересна конструкция одного из очагов с опорным глинобитным столбиком в центре. Форма его округлая, диаметр 0,5—0,6 м. Он был обложен камнями и обмазан глиной. Сохранились три глинобитных выступа, вероятно, служившие вместе с центральным столбом опорой перекрытия. Центральный столб был сложен из нескольких положенных наискось одна над другой глиняных лепешек диаметром 0,08—0,1 м, промежутки между которыми были заполнены глиной. Рядом с очагом лежал плоский удлиненный известняковый камень со сквозным отверстием посередине. Под камнем обнаружены две бараньих косточки.

Очень близким данному поселению является поселение у д. Слюсарево (раскопки 1954 г.), где была также найдена керамика эпохи поздней бронзы и остатки поселения IV—III в. до н. э.

К IV—III в. до н. э. относятся и два поселения, раскапывавшихся отрядом в 1955 г. к западу и востоку от д. Марфовка. Оба эти поселения расположены на поле и не имели укреплений. Повидимому, они представляли собой ряд самостоятельных построек, отстоящих одна от другой примерно на расстоянии 20—30 м. Вблизи каждой из построек был зольник. Большая по размеру площадь была вскрыта на поселении Марфовка Западная. Там были обнаружены остатки прямоугольного строения, состоящего из двух помещений, со стенами, сложенными из камней на глиняном растворе. Внутри помещений найдены раздавленные лепные горшки, точило, остатки очага и зернотерка. Около постройки был вымощенный камнями дворик, причем вымостка из каменных плит подводила к зольнику, находившемуся ниже по склону. Недалеко от постройки расчищена еще одна вымостка из черепков амфор и крупных плоских камней. Среди находок преобладали обломки лепных сосудов, главным образом горшков, орнаментированных по краю насечками или защипами, по типу близких горшкам из Каменского городища. Очень много найдено обломков остродонных амфор, в том числе с клеймами. Они свидетельствуют о наличии оживленных торговых связей данного поселения с городами Боспорского царства, откуда привозили вино и, может быть, масло в амфорах, прибывших на Боспор из греческих городов Южного Причерноморья и Средиземноморья: из Синоп, Гераклии, с островов Фасоса, Коса и др. Были найдены также и обломки чернолаковых и простых кружальных сосудов, каменные и глиняные пряслица и т. д. Такого же типа материал был найден на поселении Марфовка Восточная и на раскапывавшемся в 1953 г. вблизи побережья Азовского моря поселении Золотой Рожок (между Ново-Отрадным и Золотым, на поле).

Особый интерес из открытых в 1955 г. отрядом поселений на берегу Азовского моря представляет поселение Золотое Восточное, расположенное на высоком плато вблизи бывшей деревни Сюурташ. Поселение возникло в конце IV в. до н. э. и продолжало существовать до начала I в. до н. э. Сохранились остатки мощных оборонительных стен, к кото-

рым примыкали жилые постройки. Оборонительные стены были сложены из крупных каменных блоков, имели два панцыря, пространство между которыми было заполнено бутом. Толщина стен достигала 2,5—2,8 м. Площадь поселения равна примерно 1,5 га. Среди находок на поселении преобладает гончарная керамика III—II в. до н. э. и, особенно, обломки остродонных амфор, в том числе синопских, фасосских, гераклейских, родосских и др. Имелись также обломки чернолаковых сосудов, так называемых «мегарских чаш», простой, кухонной, столовой посуды и т. д. Попадались терракоты, пряслица, костяные поделки, обломки черепицы и одна бронзовая монета, к сожалению, плохой сохранности. Интересна находка на данном поселении обломка бронзового кельта и фрагментов чернолаженной керамики с резным орнаментом, имеющей аналогии среди материала поселений так называемой кизил-кобинской культуры в Крыму.

В 1955 г. на берегу Азовского моря исследовались еще два поселения, относящиеся к III в. н. э.; поселение в бухте к западу от Золотого Восточного и у бывшей дер. Куль-Тепе. Оба эти поселения расположены на прибрежных холмах и их склонах. По своему характеру они близки поселениям, исследовавшимся в 1953—1954 гг. у дер. Ново-Отрадное, Золотое, Афанасьевки, Семеновки.

На поселении в бухте у Золотого Восточного открыта жилая постройка, состоящая из двух помещений, одно из которых имело вымощенный каменными плитами пол и закругляющуюся стену. В другом помещении была найдена каменная ступа и глинобитный очаг. Среди керамики много остродонных амфор с реберчатыми стенками, краснолаковой посуды, простой кухонной и столовой посуды, бронзовые украшения, ракушки мидий, кости животных и т. д.

Второе поселение у бывшей дер. Куль-Тепе особенно интересно своими зольниками, возвышавшимися на поселении в виде холмообразных насыпей, имевших иногда очень значительную высоту. Раскоп, заложенный на склоне одной из таких насыпей, обнаружил, что эти холмы насыпались в течение двух-трех столетий и содержали, кроме золы, обломки керамики, кости животных, ракушки мидий и др. Преобладали обломки керамики II—III в. н. э. Эти насыпи достигали иногда 8—10 м высоты. Такие же холмообразные насыпи имелись на поселении у дер. Афанасьевка (у мыса Казантип). Разведочный характер проведенных раскопок, связанный со сравнительно небольшими размерами вскрытых площадей, позволяет пока сделать лишь предварительные выводы о характере жизни сельского населения европейского Боспора. Исследуемая территория была населена племенами, культура которых была близка скифской. После расширения территории Боспорского государства при Левконе и его преемниках, в конце IV в. до н. э. сельское население захваченных территорий, вероятно, было обложено данью и превращено в зависимых земледельцев. Боспорские купцы начинают проникать в эти поселения и выменивают хлеб на привозимые ими греческое вино и ремесленные изделия. В это же время возникают новые поселения, а также рабовладельческие усадьбы. В начале II в. до н. э. нападения сарматских племен, а также внутренние социально-экономические потрясения на Боспоре привели к прекращению жизни на старых поселениях и перемещению населения в приморские районы, где наряду с земледелием широко развивается рыболовство. Во II—I в. до н. э. поселения возникают на новых местах по берегам Азовского моря, но расцветают они уже в первые века нашей эры. Все эти поселения погибают во второй половине III в. н. э. в результате нападения врагов.

РАСКОПКИ ХЕРСОНЕСА В 1955 г.

Г. Д. БЕЛОВ

(Ленинград)

Задачей раскопок 1955 г. являлось полное открытие строительных остатков эллинистического дома III—II в. до н. э., частично исследованного в 1934 г. Раскопки показали, что XI поперечная улица в средние века значительно сместилась к юго-западу и покрыла собою дом III—II в. до н. э. Толщина культурных наслоений под улицей достигала 3,5 м. В разрезе улицы оказались ее вымостки, относящиеся к различным периодам, от III в. до н. э. до XIV в. н. э.

При возведении дома в III в. до н. э. материковая скала была тщательно выровнена, под стенами же были оставлены выступы в качестве фундамента.

Северная стена дома оказалась скошенной, то есть построенной под тупым углом к восточной стене. Такое же направление имеют северные стены домов в соседних кварталах, что объясняется направлением береговой линии.

Во дворе оказались остатки вымостки из тесаных прямоугольных плит. Под северную стену к морю со двора шел канал водостока, вырубленный в плитах. Кладка фундаментов выполнена из бутового камня, надземные части стен сложены из тесаных блоков, связующим раствором служила материковая пластичная глина, придававшая стенам монолитную прочность.

В помещениях дома ниже пола, в слое материковой глины открыты четыре ванны овальной и круглой формы, диаметром около 1 м, глубиной до 0,5 м, с тщательно обмазанными толстым слоем глины стенками, на которых находились остатки красной краски. Несомненно, что жители дома занимались каким-то красильным производством. В других домах подобные ванны до сих пор не встречались. В одном из помещений на полу в большом количестве найдены куски медного шлака, указывающие на занятие литейным делом; правда, других предметов, относящихся к нему, например литейных матриц, не найдено.

На ряде глиняных грузил, свидетельствующих о рыбном промысле жителей этого дома, имеются клейма, оттиснутые при помощи резных камней, с изображениями женской стоящей фигуры, мужской головы и др.

Керамические находки в большинстве являются изделиями местного производства. Так, например, херсонесских амфорных ручек с клеймами найдено 14 шт., синопских — 8, родосских — 2. Кувшины все изготовлены на месте, многие из них украшены орнаментом, геометрическим или растительным, в виде поясов, гирлянд и пр., исполненных красной краской. Для кувшинов херсонесского производства характерно плоское дно и два типа корпуса: один шаровидный, с узким горлом и

высокой ручкой, другой — вытянутый, с широким горлом. Привозная чернолаковая посуда встречается в небольшом количестве и представлена такими формами, как блюда, миски, блюдца, канфары. На дне многих сосудов вырезаны граффити — надписи, означающие имя их владельца.

Обычной принадлежностью дома являются терракотовые жертвенники в виде чаши на ножке или призматической формы. В описываемом доме найден каменный жертвенник — алтарь, высотой 0,31 м, профилированный с трех сторон, с плинтусом и карнизом.

Оказавшиеся в насыпи архитектурные фрагменты позволяют судить об убранстве дома: карниз с капельками, карниз с сухариками, часть капители с овами и др. Куски штукатурки, окрашенной в красный цвет, найдены на полу жилых помещений. Из металлических предметов встречались трехгранные медные наконечники стрел, короткие медные гвозди с широкой шляпкой, медные кольца, щиток медного перстня и др. Найденные в доме монеты херсонесской чеканки принадлежат IV—II в. до н. э.

Дом погиб в конце II в. до н. э. На его развалинах в первых веках нашей эры возникло другое здание, некоторые стены которого покоились на остатках стен эллинистического дома. В доме римского периода находилась рыбозасолочная цистерна грушевидной формы. Находок в этом доме оказалось немного, что объясняется тем, что в середине века покрывший его слой был сильно перекопан. Из находок следует упомянуть мраморную статуэтку Эрота с птицей, к сожалению, сильно фрагментированную: утрачены ноги, отбита большая часть лица, недостает головы птицы. Сохранившаяся высота фигурки 0,5 м. Судя по прямоугольному выступу на задней стороне, статуэтка являлась украшением какого-то сооружения. По техническим и стилистическим особенностям статуэтку можно датировать III в. н. э.

Кроме того, найдены: краснолаковые светильники и чашечки, фрагменты амфор и краснолаковой посуды, монеты II—IV в. н. э. Здание прекратило свое существование в IV в. н. э.

В период раннего средневековья исследуемый участок являлся строительной площадкой: здесь находились известко-обжигательная печь и шесть ям для раствора извести. По миновании надобности ямы были засыпаны мусором с огромным количеством створок раковин устриц и других кухонных отходов. Найденные в ямах в большом количестве монеты принадлежат к III—VI в., самые поздние относятся к Юстиниану I (527—565) и позволяют сделать заключение, что соседние базилики, раскопанные в 1932 и 1935 гг., были сооружены не позднее середины VI в. На основании тех же монет возможно определить типы раннесредневековой керамики, до сих пор мало изученной. Так, например, теперь мы знаем форму амфоры, полностью реставрированной из обломков, найденных в известковой яме: амфора имеет цилиндрический корпус, желобчатую поверхность и узкое короткое горло. Представляет интерес часть горла амфоры с гравированными изображениями животных, бегущих вправо: оленя, зайца и др., а также с изображением стилизованного дерева.

В слое IX—X в. найдены белоглиняные блюда с рельефными изображениями орла, розетки с граффити на нижней стороне. Строительных остатков здесь не оказалось, — по видимому, в период существования базилик этот участок не был застроен и являлся площадью между двумя базиликами.

Основные работы в отчетном году были сосредоточены на соседнем участке между XI—XII поперечными улицами, продольной улицей с юго-востока и участком 1934 г. с северо-запада. Раскопанная площадь квартала составляет около 900 м², вместе же с улицами и храмами,

открытыми в соседнем квартале, подвергнутая исследованию территория достигает 1200 м².

В квартале находились три жилых дома. Планировка их неправильная, кладка стен выполнена из бутового камня на грязи, для придания им прочности применялись деревянные балки, которые вкладывались в горизонтальные пазы как в нижней, так и в верхней части стен. На северной стороне стен местами сохранилась глиняная обмазка. Полы — земляные. Следует отметить большое количество архитектурных деталей — мраморных обломков колонн, баз, капителей, алтарных прегели и др., взятых из развалин базилик (погибших на рубеже X—XI в.) и использованных в кладке стен, для вымосток во дворах и т. д.

Под завалом камней, упавших со стен, лежала кровельная черепица, на полу помещений находились многочисленные предметы: пифосы, амфоры, кувшины и другая посуда, орудия и инструменты и пр. Дома погибли в огне, об этом свидетельствуют обуглившиеся деревянные балки, куски угля, сажа, обгоревшие предметы, потрескавшиеся камни в дверных проемах и др.

Дом I состоял из трех помещений и небольшого двора (общей площадью 140 м²), для входа в который с улицы служил узкий переулок. В одном из помещений оказались две печи — большая и малая, со сводчатым перекрытием: одна для варки пищи, другая для выпечки хлеба. На полу лежали три пары жерновов и ступа для размола зерна; железные орудия — топор, мотыга, две зубатки для обработки камня, рыболовный снаряд — жаровня для огня при ловле рыбы острогой. Здесь найдено большое количество посуды — кувшины, амфоры, поливные блюда и миски с изображениями и орнаментом: на одном блюде найдено изображение коня, на другом — воина в борьбе со зверем, в третьем — птицы и др. В подвальной кладовой стояли пифосы с зерном и рыбой. Там же найдена медная икона с изображением Христа и цепи от лампы.

Дом II, отличающийся большими размерами (около 300 м²), состоял из обширного двора с вымосткой и навесом, двух помещений с пифосами, содержащими в себе просо и рыбу, и подвальной кладовой, в которой, кроме пифосов, на полу лежали кучи пеньки и большое количество железных гвоздей. В жилых помещениях находились две пары жерновов, железные инструменты — зубатка, штукатурная лопатка, якорь, медный пестик, поливная посуда и пр. Сопоставление гвоздей и пеньки, как строительных материалов, с железным якорем позволяет предполагать, что хозяин дома мог быть судовладельцем и торговцем.

Наибольшую площадь занимал дом III (около 500 м²), в подвальной кладовой которого стоят пифосы, один из них был заполнен рыбой; в других помещениях оказались амфоры, кувшины, поливная посуда и пр. Во дворе дома находился небольшой храмик с апсидой и гробницей-усыпальницей, на полу храма найдены медная лампада и иконка с изображением Христа.

В соседнем квартале, с юго-западной стороны XII улицы, раскопками открыты три храма, расположенные на площади. В двух из них были гробницы, перекрытые плитами, в третьем храмике оказался склеп. Храмы являлись семейными усыпальницами. Определение черепов, произведенное антропологом Крымского филиала АН УССР К. Ф. Соколовой, показало, что костяки принадлежали трем типам: преобладающим из них является арменоидный, другие типы — европеоидный и монголоидный представлены немногими черепами.

Открытые раскопками три жилых дома и четыре храма дали обильный и ценный материал как для изучения занятий и культуры жителей города XII—XIV в., так и для экспозиции средневекового Херсонеса.

ЛОХВИЦКИЙ МОГИЛЬНИК

Д. Т. БЕРЕЗОВЕЦ

Летом 1955 г. во время земляных работ на территории сахарного завода около г. Лохвицы, Полтавской области, были обнаружены погребения первых веков нашей эры. Произведенными там раскопками установлено, что древний могильник, расположенный на небольшом мысе в долине р. Сулы, в настоящее время сильно разрушен.

Раскопками вскрыто 350 м² и исследовано 20 погребений (12 труположений и 8 трупосожжений). Почти на всей площади могильника встречались обломки гончарной посуды и кальцинированные кости — остатки разрушенных трупосожжений.

Трупосожжения и труположения встречались во всех частях могильника, не образуя каких-либо обособленных групп. Системы в расположении погребений установить также не удалось.

Труположения совершались в неглубоких ямах (не глубже 1,2 м от современной поверхности). Часть костяков лежала головами на север с некоторыми отклонениями к востоку или западу, три — были ориентированы на северо-запад, один — на северо-восток и один — на запад. В одном случае под костяком сохранились остатки деревянных плах или досок.

Погребенные были положены на спине, со слегка согнутыми ногами и руками.

Детские погребения находились неглубоко, часто в черноземе. В двух случаях детские костяки лежали на боку с согнутыми конечностями.

Труположения сопровождалась сосудами. Изделий из металлов встречено мало. При наиболее богатом погребении было 7 сосудов. Некоторые костяки были потревожены в древности. Тогда же была уничтожена и часть инвентаря.

Трупосожжения помещались в урнах, которые закапывались неглубоко. Часть таких могил обнаруживалась в пахотном слое или непосредственно под ним на глубине 0,2—0,4 м.

В одном случае была открыта кучка кальцинированных костей, без урны и сопровождающего инвентаря.

Сосуды, содержавшие сожжения, обычно вставлялись в другие сосуды больших размеров. Пережженные кости всегда находились в горшке. Иногда на горшок надевалась мисочка с отбитым дном, поверх которой клалась вторая мисочка, служившая крышкой. Рядом с урнами другие сосуды не ставились. В одном погребении в урне лежала одна каменная бусина и около урны — две железные подвески в виде маленьких ведерок и большая круглая каменная бусина, побывавшая в огне.

Вся керамика Лохвицкого могильника изготовлена на круте.

По формам это — горшки, миски, вазы. Горшки серые, с закругленными или воротничкообразными венчиками, треугольными в поперечном сечении, в нижних частях — следы выпадавших зерен кварца.

Миски почти всегда лощеные, цвет их серый, коричневый или черный. Форма их обычная для памятников черняховского типа. Одна черная лощеная мисочка очень напоминает корчеватовскую.

Вазы, серые или коричневые, с широким горизонтальным краем, лощеные, иногда имеют большие размеры. Среди обломков найдено несколько частей трехухих ваз с широкими ручками.

Кубки встречены только в обломках, среди них обычны стенки с разнообразным пунктирным и изредка с рельефным орнаментом.

Кроме керамики, при раскопках могильника были найдены и некоторые другие вещи, из которых следует упомянуть: сильно окисленный железный нож или кинжал с клинообразным концом длиной 16 см, найденный около правого колена погребенного; маленький ножик (размерами 6×1 см), массивная бронзовая пряжка, найденная на тазовых костях женского костяка, с хорошо сохранившимися отпечатками ткани (полотняного переплетения) на обратной стороне; железный нож с лавровидным обоюдоострым лезвием, имевший витую железную ручку с кольцом на конце (длина с ручкой 12 см), две подвески в виде небольших железных ведерц с надетыми на дужки стержнями, оканчивающимися кольцом (подвески были найдены около трупосожжения); подвеска из большой морской ракушки с просверленной дырочкой и продетым в нее бронзовым кольцом, за которое она подвешивалась, и др.; около одного из погребений найдена и вторая подвеска в виде костяной четырехгранной пирамиды, украшенной по граням циркульным орнаментом. Кроме этих предметов, в различных местах могильника найдены обломки трехчастых костяных гребней, 16-гранные сердоликовые бусины, стеклянные бусы и другие предметы.

Рассмотрение обряда погребения, инвентаря и другие данные приводят к выводу, что этот могильник может быть поставлен в один ряд с Черняховским, Масловским, Переяслав-Хмельницким могильниками. и может датироваться, как и они, III—IV в. н. э.

Лохвицкий могильник имеет, однако, некоторые локальные особенности. Здесь наблюдается обычай ставить сосуды, сопровождающие трупосожжения, не в ряд, как в Масловском или Черняховском могильниках, а один на другой, причем в самом низу всегда ставился горшок, служивший урной. Следует отметить почти полное отсутствие безурновых погребений, столь характерных для Масловского и Переяславского могильников.

Погребенные в ямах, как правило, положены с несколько согнутым корпусом или согнутыми в коленях ногами.

В могилах отсутствуют кости животных. Урнами служат только горшки с венчиками, неизвестными в материалах Масловского и Переяслав-Хмельницкого могильников.

Ведеркообразные подвески имеют очень мало аналогий в памятниках черняховского типа, гораздо чаще встречаясь в памятниках сарматского круга.

И, наконец, надо отметить полное отсутствие в материалах Лохвицкого могильника фибул, неизменно встречающихся во всех могильниках черняховской культуры.

Таким образом, исследованный в Лохвице могильник относится к культуре полей погребальных урн черняховского типа и отражает некоторые локальные особенности населения Левобережья III—IV в. н. э.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПРИПЯТСКОГО ПОЛЕСЬЯ

Ю. В. КУХАРЕНКО

(Москва)

Среди археологов, особенно зарубежных, до сих пор распространено неправильное мнение о том, что территория Припятского Полесья на протяжении всего времени бронзы и раннего железа не была заселена человеком. Объяснялось это тем, что в конце неолита произошло якобы резкое изменение климатических условий, приведшее к затоплению Полесской низменности. Только с постепенным улучшением климата и спадом воды, примерно в начале нашей эры, Полесье заселяется вновь. В качестве доказательства обычно ссылаются на полное отсутствие в Полесье древностей эпохи бронзы и раннего железа (Т. Сулимирский, Я. Филипп и др.).

Однако имеющиеся археологические данные решительно опровергают эту точку зрения. В настоящее время можно считать установленным, что никакого запустения Полесья в эпоху бронзы и раннего железа не было. Доказательством этого является факт обнаружения здесь древностей именно этого периода. Таковы, например, поселение ранней бронзы у с. Терebin в районе Пинска, поселения тшинецко-комаровской культуры возле сел Городное и Велемичи в низовьях Горыни, поселения той же культуры у сел Слепцы и Ясинец на Припяти к востоку от Турова. Памятники раннежелезного века представлены пока что могильниками. Наиболее интересными из них являются бескурганый могильник с трупосожжением возле дер. Черск на Стоходе и курганный могильник с трупосожжением у дер. Дубой в низовьях Горыни.

При обследовании этой территории основное внимание уделялось памятникам более позднего времени. На территории Припятского Полесья удалось обнаружить ряд новых могильников типа полей погребений. Наиболее западные из них относятся к культуре подколпачных погребений (у дд. Тростяница, Ратайчицы, Владычицы в районе Бреста), юго-западные могильники представляют своеобразную смесь элементов пшеворской, зарубинецкой и черняховской культур (у дд. Деревянное, Городище, Дорогобуж, Луцк). Могильники центральной части Полесья относятся к зарубинецкой культуре (у дд. Велемичи I, Велемичи II, Воронино, Ремель, Отвержичи, Иванчицы, Казаргаты). Почти возле каждого могильника зарубинецкой культуры имеются одновременные с ними селища.

Систематические раскопки производились на одном из селищ (Велемичи II) и на четырех могильниках (Велемичи I и II, Воронино, Ремель). На остальных памятниках произведены разведочные раскопки.

На селище вскрыты остатки нескольких слегка углубленных в землю жилищ с глинобитными печками.

Все погребения, вскрытые на могильниках, содержали ямные трупосожжения¹; урновые захоронения единичны. Погребений с труположением нет совсем. В погребениях, помимо пережженных человеческих костей, находились различные вещи: лепные сосуды, бронзовые железные фибулы, булавки, подвески, ожерелья, ножи, пряжки, браслеты и др. предметы. Найдены также железные удила, серп и каменная зернотерка. В керамике, особенно из селищ, весьма чувствительно влияние пшеворской культуры. В двух погребениях могильника Велемичи I вместе с вещами зарубинецкого типа были обнаружены гончарные серолощенные сосуды и некоторые другие вещи типов, характерных для черняховской культуры.

Все могильники и селища хорошо датируются периодом со II в. до н. э. по I в. н. э. Не исключена возможность, что некоторые из них, например могильник Велемичи I, на котором обнаружены черняховские вещи, функционировали и позже.

Кроме того, в Полесье обнаружены не известные здесь ранее славянские памятники V—IX в. н. э. (у дд. Вирки, Петриков, Воронино, Хотомель и др.). На городище и селище у дер. Хотомель, относящихся к VIII—IX в., были произведены раскопки. Площадь городища вскрыта почти полностью. На примыкающем вплотную к городищу селище вскрыты остатки одиннадцати полуземлянок, расположенных в два ряда. Здесь же найдены два небольших железных сошника, железное чересло, несколько железных наконечников, острог, железные ножи, пряслица и другие предметы хозяйственного назначения. На городище постоянных жилых сооружений не обнаружено. Оно представляло собою небольшое укрепление типа контыни, известной у древних славян по письменным источникам; об этом свидетельствует и состав находок: предметы вооружения и конского снаряжения (наконечники стрел и копий, пластинки от панцыря, удила, ножи и т. п.). Орудий труда не обнаружено.

Большинство сосудов, найденных на селище и городище, — лепные типа Корчак. Но вместе с ними, притом в одних и тех же комплексах (развалы печей в жилищах), встречались и гончарные сосуды с характерным для славян линейно-волнистым орнаментом. Есть все основания утверждать, поэтому, что гончарные сосуды появляются здесь уже в VIII в.

Городище и селище у д. Хотомель принадлежали одному из древлянских племен. Древлянскими же, судя по типу погребений, являются и курганы X—XII в., раскопанные по обоим берегам Припяти (Отвержици, Велемичи, Шашки, Круговичи). Исходя из этого северную границу древлянской земли следует проводить к северу от Припяти, примерно по границе Полесской низменности, а не к югу от Припяти, как это принято сейчас.

Сопоставляя материалы, добытые нами, с известными ранее фактами, можно сделать следующие предварительные выводы.

Зарубинецкие памятники Полесья, как и вся зарубинецкая культура, весьма близки к более западным памятникам пшеворской культуры. Как те, так и другие принадлежали древнеславянским племенам, известным по письменным источникам под именем венедов.

Зарубинецкие памятники Припятского Полесья на этой территории генетически восходят к близким к лужицкой культуре памятникам раннего железного века типа могильника в Черске. Появление зарубинецких памятников в более восточных районах Полесья, где они генетически не увязываются с памятниками предшествующего времени, следует объяснить передвижением туда венедских племен с запада.

¹ Всего вскрыто погребений на могильниках: Велемичи I — 85, Велемичи II — 25, Воронино — 52, Ремель — 10, на остальных могильниках — по несколько.

Есть некоторые основания полагать, что памятники типа Корчак (в нашем случае это — городище и селище Хотомель) по своему происхождению связаны именно с зарубинецкой культурой. В некоторых поздних погребениях на зарубинецких могильниках Припятского Полесья были обнаружены сосуды, весьма близкие к сосудам типа Корчак.

Как и зарубинецко-венедские племена, так и восточнославянские племена культуры Корчак постепенно расширяли свою территорию, главным образом, в северо-восточном направлении. Результатом этого явилась ассимиляция ими всей восточной группы племен штриховой керамики, юхновских, а отчасти и дяковских племен Верхнего Приднепровья и верховьев. Оки.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАСТЫРСКОГО ГОРОДИЩА В 1955 г.

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

Изучение памятников I тысячелетия н. э. в Восточной Европе представляет собой одну из важнейших задач археологической науки, однако в этом отношении сделано еще очень мало, вследствие чего многие вопросы остаются до сих пор еще не выясненными. Возникшая в недавнее время дискуссия о месте черняховской культуры в культурно-историческом развитии Восточной Европы показала наличие целого ряда пробелов в знаниях фактического материала. Особенно слабо изучены памятники второй половины I тысячелетия н. э., в частности, в лесостепной полосе, где в более раннее время была распространена черняховская культура. Поэтому задача накопления нового фактического материала путем систематических раскопок приобретает в настоящее время особо важное значение.

Среди памятников второй половины I тысячелетия н. э. в области Среднего Поднепровья видное место занимает Пастырское городище.

Раскопки 1955 г. на нем были сосредоточены в трех участках на левобережной меньшей части городища.— более низкой и пологой. Всего в результате раскопок исследовано 14 жилищ полуземляночного типа, относящихся к раннесредневековому времени. Это были жилища, имевшие углубленные в землю (не более чем на полметра) части пола. Размеры углубленной части построек в среднем составляли около 3×3 м, хотя имеются отклонения в ту и другую стороны (от $2,5 \times 2,4$ м до $3,4 \times 3,4$ м). Общая площадь жилищ превышала площадь углубленной части, в результате чего вдоль стен существовали земляные лавки высотой около полуметра, удобные для сидения и лежания.

В большинстве случаев в полуземлянках удавалось проследить по 2 ямки от столбов, поддерживавших кровлю (в средней части двух противоположных стен). В одном из углов жилища была печь, частично врезанная в материк, а частично выложенная из камня. В ряде случаев печи отличались хорошей сохранностью: имели все три стенки и даже часть свода; в некоторых из печей были найдены глиняные сосуды.

В трех случаях с жилищами были связаны хозяйственные ямы. В одной из них найдены обломки крупного гончарного сероглиняного горшка, украшенного волнистым и линейным орнаментом, а в другой— сероглиняная гончарная миска, железный топор и железные ножницы для стрижки овец.

Все жилища сгорели, о чем свидетельствует наличие развалов обожженной глины от стен и деревянных конструкций, сохранившихся в обгорелом и обугленном виде. В одном из жилищ на полу был найден костяк человека, лежавший в неестественной позе. Очевидно, он принадлежал одному из обитателей жилища, погибшему во время разгрома поселения где-то в VIII в. н. э.

Большой интерес представляют остатки производственных комплексов, обнаруженных в верхней части левобережной половины городища, вблизи вала. Здесь найдены следы железодельного производства: многочисленные куски железного шлака и кричного железа, несколько целых криц, а в одном месте — остатки разрушенного гончарного горна. В этой же части городища, недалеко от места находки горна, были обнаружены остатки наземного сооружения, сохранившиеся в виде интенсивного завала печины от стен. Здесь был найден полный набор кузнечных инструментов: клещи большие и малые, наковальня, молоток, большой молот (кувалда), зубило, пробойник, ножницы для резания железа. Эта находка позволяет интерпретировать исследованную постройку в качестве кузницы.

Материал, добытый в результате раскопок, отличается своим многообразием. Хорошо представлена керамика (около 25 сосудов поддаются более или менее полной реставрации), которая разделяется на несколько групп, и прежде всего — на лепную и гончарную.

Лепная довольно груба и представлена в основном простыми, мало-расчлененными формами, приближающимися к банкам или горшкам. Орнамент отсутствует. Гончарная посуда в свою очередь разделяется на несколько групп. Среди нее прежде всего следует выделить серию находок характерной сероглиняной черняховской керамики. Находки такой керамики в комплексах VII—VIII в. н. э. подтверждают выдвинутое раньше автором утверждение о том, что она (керамика черняховского типа) составляет часть керамики раннесредневекового слоя Пастырского городища. Этот факт важен для решения вопроса о судьбе черняховской культуры в середине I тысячелетия н. э., в частности — о ее датировке.

Хорошо представлена группа керамики «пастырского» типа, изготовленная из хорошо обработанной глины с примесью песка (главным образом, горшки с отогнутыми наружу венчиками, украшенные волнистым и линейным орнаментом, а также — пролощенными линиями). Имеется серия черноглиняной керамики с выглаженной поверхностью, украшенной лощеным орнаментом в сочетании с линейным и волнистым, напоминающей посуду волынцевского типа. Имеется также два горшка, изготовленные на гончарном круге, но очень небрежно и из грубой глины, занимающие как бы промежуточное место между лепной и гончарной керамикой, характеризующей раннесредневековый слой Пастырского городища.

Интересны два сосуда (кувшинчики), стоящие особняком в раннесредневековом керамическом комплексе Пастырского городища. Один из них напоминает «тыквы» салтовского типа, а другой — кувшины из сарматских погребений первой половины I тысячелетия н. э. В то же время оба эти сосуда по технике изготовления отличаются от своих южных и юго-западных прототипов и, наоборот, близки к остальной керамике Пастырского городища. Очевидно, это керамика местная, но в формах своих отражающая юго-восточные (сармато-аланские) влияния, вполне естественные для рассматриваемого времени и данного района.

Довольно многочисленны и разнообразны железные изделия. Помимо упомянутых кузнечных инструментов, найдены: серпы и их обломки, обломок косы, проушные топоры, ножницы для стрижки овец, тесло, долота, шилья, многочисленные ножи разной формы и размеров, трехлопастные наконечники стрел, характерные для VII—VIII в. н. э., бритва, пряжка от пояса прямоугольной формы и др. Ювелирные изделия представлены несколькими сережками и колечками. Две характерные сережки VII—VIII в. н. э. были найдены в развале печи, что дает возможность надежно датировать жилище указанным временем и тем самым документально увязать комплекс ювелирных изделий, найденных в большом

количестве при прежних исследованиях, с определенным типом жилых сооружений. Найдено также несколько бусин, в том числе — две янтарные. Встречались многочисленные пряслица разной формы, большей частью биконические, точильные бруски и оселки, а в одной из полуземлянок обнаружены два жернова, составлявшие одну установку. Раскопки 1955 г. подтвердили вывод о трехслойной культурной стратиграфии памятника (раннескифское, позднескифское и раннесредневековое время) и отсутствие здесь слоев черняховской культуры и культуры Киевской Руси.

Население Пастырского городища в VII—VIII в. н. э. было оседлым и занималось в основном пашенным земледелием. Кроме того, в указанное время здесь существовало высокоразвитое ремесленное производство и в первую очередь — обработка металла: ювелирное, железоделательное и кузнечное. Поселение погибло в VIII в. н. э. в результате военного разгрома. Когда точно этот разгром произошел и с какими историческими событиями его следует связывать, установить пока трудно. Возможно, это случилось во время борьбы восточных славян с хозарами или же во время междоусобной борьбы, происходившей после распада антского политического объединения в середине VII в. н. э.

**ПОСЕЛЕНИЕ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ В с. ЧЕРЕПИН,
ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

В. Д. БАРАН

В 1954—1955 гг. Черепинским отрядом Львовской археологической экспедиции Института общественных наук АН УССР производились раскопки поселения первой половины I тысячелетия н. э., находящегося в с. Черепин, Винниковского района, Львовской области.

Поселение расположено в 1,5 км на юго-восток от села. Оно тянется широкой полосой над небольшой балкой по юго-восточному склону урочища «Под Голдой».

На площади раскопа в 960 м², кроме культурного слоя первых веков нашей эры, прослежены остатки сооружений и ям I тысячелетия до н. э. и одно жилище XII—XIII ст. В некоторых случаях жилища эпохи полей погребений перекрывали ямы раннежелезного времени, а древнерусское жилище частично перекрывало полуземлянку эпохи полей погребений.

В культурном слое эпохи полей погребений были открыты 3 наземных жилища, 9 полуземлянок, 2 хозяйственных сооружения, 12 ям хозяйственного назначения и довольно большое количество ямок от столбов, принадлежавших каким-то наземным сооружениям, контуры которых в черноземе в большинстве случаев не удалось проследить. Все жилые и хозяйственные сооружения расположены очень близко одно возле другого, а в некоторых случаях перекрывают друг друга.

Остатки двух наземных жилищ с глинобитными полами располагались на глубине 0,2—0,4 м от поверхности. Они имели удлиненную или овальную форму и были ориентированы с юго-востока на северо-запад. Пол жилищ образован несколькими слоями хорошо обожженной глиняной обмазки толщиной в 0,2—0,3 м. Некоторые куски обмазки имели величину 21×12×14; 22×18×10 м. Они с одной стороны были гладкие, а с другой имели отпечатки дерева толщиной 4—7—10 см. Одно наземное жилище имело довольно большие размеры: его длина 10 м, ширина 3,2 м, другое жилище с подпольной ямой значительно меньше по размерам и сохранилось только частично. В одном из жилищ расчищены остатки очага, возле которого были сконцентрированы наиболее ценные находки.

При расчистке пола жилищ были найдены: железный ключ, шпора, часть бронзовой фибулы, глиняный тигель, несколько прясел, фрагменты лепной и кружалной посуды.

Третье наземное жилище отличалось от предыдущих тем, что было несколько углублено в материк; пол его образован материковым суглинком. Оно имело почти прямоугольную форму и было ориентировано с юга на север. В жилище открыты остатки глинобитной печи, небольшая хозяйственная яма и 4 ямы от столбов диаметром 25—30 см, углубленных в материк на 20—40 см.

На той же глубине, что и наземные жилища, открыта большая глинобитная печь. Она перекрывала большую часть более ранней полуземлянки. Слой глиняной обмазки от разрушенного свода печи находился на глубине 0,2—0,4 м от поверхности. Под печи хорошо обожженный был и трижды подмазан довольно толстыми слоями глины. Форма пода овальная, длина 3 м, ширина 2,4 м, толщина в центре 0,3 м.

Устье печи находилось с западной стороны. Назначение печи установить довольно трудно. Большие размеры ее, особенно толщина пода, указывают на то, что она имела какое-то производственное назначение. В развале печи найдено небольшое количество фрагментов лепной и кружальной керамики.

Преобладающим типом жилищ на поселении являются полуземлянки, углубленные на 1—2 м от современной поверхности или 0,8—1,8 м от древней поверхности. Пол полуземлянок сделан на утрамбованном материке. Они имеют прямоугольную, овальную или удлинненную форму. Ориентировка в большинстве случаев с востока на запад, или с юго-востока на северо-запад, только одна полуземлянка ориентирована с северо-востока на юго-запад. Размеры полуземлянок бывают разные: от 10 до 35 м². Вход в жилище устраивался с южной или юго-западной стороны. Характерным признаком жилищ Черепинского поселения является наличие в них хозяйственных ям. В нескольких жилищах расчищены ямки от вертикально стоявших столбов. В большинстве жилищ имелись открытые очаги, в нескольких жилищах — печи.

В одном жилище-полуземлянке были открыты два очага и остатки глинобитной печи. Один очаг, судя по его размерам (2,2×0,8, толщина пода 0,4 м) и степени обжига, был, очевидно, связан с каким-то производством. Это предположение подтверждается и тем, что в очаге был найден небольшой бронзовый слиток, а в жилище — литейная формочка, часть тигля, кусок бронзовой проволоки и часть маленькой бронзовой трубочки. В этом же жилище имелся другой очаг и остатки печи, которые служили, видимо, для хозяйственных целей.

В двух других жилищах открыты печи-каменки. Одна из них имела квадратную, вторая подковообразную форму. Возле печи в жилище найдены два больших сосуда, вкопанных в пол жилища. Один из них сохранился почти полностью.

На поселении открыто довольно большое количество ям, расположенных вне жилищ. Ямы в плане округлые или овальные, стенки вертикальные или к низу суженные. Диаметр ям 1—3 м, глубина 1—2 м от современной поверхности, или 0,8—1,8 м от древней поверхности.

В заполнении жилищ и ям найден довольно богатый керамический материал, а также два жернова, зернотерки, железный струг, несколько ножей, шилья, два ключа, шпоры, бронзовые фибулы, костяное долото, гребни, глиняные пряслица и т. п.

Керамический материал представлен преимущественно фрагментами лепной посуды. Кружальная посуда особенно с лощеной поверхностью, изготовленная из хорошо отмученной глины, употреблялась на поселении в значительно меньшем количестве.

Как лепную, так и кружальную керамику можно делить на несколько групп.

К первой группе лепной керамики относится посуда с неровной бугристой поверхностью, темнокоричневого или бурого цвета. В глине содержится примесь шамота; обжиг неравномерный, в большинстве слабый. Преобладающее количество фрагментов керамики этой группы принадлежит сосудам с отогнутыми наружу венчиками, толстыми, выпуклыми стенками и плоскими днищами: встречаются сосуды с широким отверстием горла, конусообразные плошки на подставке и небольшие мисочки.

Вторую, очень небольшую по количеству, группу составляет посуда

с лощеной поверхностью, черного, иногда коричневого цвета. Это — фрагменты биконических мисок и небольших горшков, похожих на посуду зарубинецко-корчеватовского или пшеворского типа.

Заслуживают внимания фрагменты нескольких сосудов, поверхность которых в верхней части сглажена, а в нижней специально сделана шершавой путем дополнительной обмазки горшка жидкой глиной, к которой был примешан крупный шамот.

Среди фрагментов лепной керамики выделяются сосуды липицкого типа: это горшки с плоскими ручками-упорами или налепами с вдавлениями, плошки с ручкой и чаши на высокой ножке.

Кружальная керамика подразделяется на три группы.

Первая группа представлена фрагментами горшков с выпуклыми бочками и большими сосудами для хранения зерна с широким горизонтальным венчиком. В тесте сосудов содержится примесь крупнозернистого песка; поверхность их шершавая, серого или коричневого цвета; обжиг хороший. Горшки иногда орнаментированы по плечикам круговыми углубленными линиями или волнистым орнаментом.

Кружальная керамика второй группы лишь немногим отличается от первой. Она представлена небольшим количеством фрагментов горшков с выпуклыми бочками, в глине которых содержится незначительная примесь мелкозернистого песка. Поверхность горшков более гладкая, чем у горшков первой группы, и, как правило, имеет темный цвет.

Отдельные сосуды украшены круговыми углубленными линиями.

Кружальная посуда третьей группы изготовлена из хорошо отмученной глины. Поверхность гладкая, лощеная, цвет серый. Фрагменты принадлежат небольшим горшкам с выпуклым туловищем и биконическим мискам. Иногда встречаются фрагменты чаш на высокой ножке, типичные для липицкой культуры на Поднестровье. Некоторое количество сосудов этой группы украшено гладкими валиками и лощеным орнаментом.

Кроме посуды местного производства, найдено некоторое количество фрагментов импортных амфор и три фрагмента краснолаковых сосудов типа *terra sigillata*.

Судя по керамическим комплексам и таким материалам, как амфоры, краснолаковая посуда, фибулы, шпоры, костяные гребни и бусина из белой стекловидной пасты, Черепинское поселение можно датировать I—IV в. н. э.

Поселение в с. Черепин является одним из наиболее полно раскопанных памятников первой половины I тысячелетия н. э. в бассейне верхнего Днестра. Материалы, полученные из раскопок поселения, позволяют с большей полнотой, чем это было возможно до сих пор, осветить некоторые вопросы хозяйства, жилищного строительства и культуры населения Верхнего Поднестровья в этот период.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ С ГОРЫ КИСЕЛЕВКИ В КИЕВЕ

А. М. ШОВКОПЛЯС

Гора Киселевка, расположенная к северу от Старокиевской горы над Подолом, является одним из наиболее рано заселенных человеком районов Киева.

Археологические раскопки на Киселевке неоднократно проводились с конца прошлого века. Подавляющее большинство добытых на ней материалов, общим числом более 6 тысяч предметов, хранится в фондах Киевского государственного исторического музея. Несмотря на то, что Киселевка как древний исторический памятник неоднократно упоминается в работах многих археологов и историков, большая часть этих материалов остается еще мало известна даже для специалистов. В то же время они имеют важное значение для изучения древнейшего заселения территории Киева и отыскания тех ранних славянских поселений, из объединения которых берет свое начало древний город.

Хотя не везде при раскопках была установлена четкая стратиграфия, вещественные находки, относясь к различным периодам исторического прошлого, сами по себе служат довольно надежным свидетельством их последовательной смены на территории современного Киева. Лучше других позволяют сделать это керамические комплексы, составляющие основу всей коллекции Киселевки.

Наиболее ранними керамическими материалами являются обломки глиняной лепной посуды поздне трипольского типа с примесью измельченных раковин в массе. По форме и составу глины она аналогична керамике таких поздне трипольских поселений, как Кирилловские высоты и Сырец в Киеве, Бортнички на левом берегу Днепра и другие. Обнаружение трипольских материалов вносит определенную ясность в вопрос о первоначальном заселении территории горы Киселевки первобытными людьми, т. к. до последнего времени считалось, что она была впервые заселена лишь в конце бронзового века.

В коллекции имеется и керамика, относящаяся к бронзовому веку, аналогичная материалам из ряда днепровских левобережных дюнных стоянок в районе Киева, а также у сс. Витачево, Койлов, исследованных в дореволюционные годы, и многих поселений в районе Канева по правому берегу Днепра, обследованных Поросской экспедицией ИИМК АН СССР и ИА АН УССР под руководством Т. С. Пассек в 1945 г. Они могут быть датированы первой половиной II тысячелетия до н. э. и отнесены к группе памятников так называемого катакомбного типа¹.

¹ Т. Пассек, Пороська археологічна експедиція 1945 р., Археологічні пам'ятники УРСР, т. I, К., 1949, стр. 214.

Материалы, относящиеся к раннему железному веку, представлены небольшим количеством глиняных лепных сосудов и обломком глиняного пряслица т. н. подгорцевского типа, аналогичных происходящим из раскопок в с. Подгорцы, Обуховского района, Киевской области, в 1950 г.¹

Вместе с тем следует отметить, что находок, характерных для городищ и курганов скифского времени, часто встречаемых на памятниках к югу от Киева, здесь не имеется.

В довольно большом количестве представлены керамические материалы зарубинецко-корчеватовского типа. Наиболее характерны среди них обломки плоских сковородок, горшков со сглаженной поверхностью, иногда с защипами, раздвоенная ручка амфоры. Эта группа находок находит себе аналогии в комплексе с Пилипенковой горы в Каневе².

Керамика культуры полей погребений черняховского типа представлена единичными находками обломков кружальной серолощенной посуды, аналогичной посуде Черняховского могильника.

В результате изучения коллекции с Киселевки удалось выделить группу керамики, близкую комплексам поселений типа Корчака, интенсивное изучение которых ведется в последнее время на Волины³. Она представляет собой обломки лепной тонкостенной керамики темносерого и темнокоричневого цвета с шероховатой поверхностью. В глине часто встречается примесь слюды. Венчики сосудов прямые либо лишь слегка отогнуты.

Временем VI—VII в. можно датировать небольшой амфориск (высота 34 см) с заостренным дном и бороздчатым орнаментом. Ручки присоединяются в нем к горлу ниже венчика⁴. Подобный амфор был найден также в Киеве на Спасской улице⁵.

Довольно многочисленна в коллекции славянская керамика VII—IX ст. По формам и орнаментации ее можно разделить на три группы.

1. Лепные толстостенные сосуды серого и темнорозового цвета из очень рыхлой и плохо промешанной глины, часто с примесями. Обжиг слабый, плохого качества и неравномерный. Кроме обломков горшков, имеются также обломки сковородок с низкими краями.

2. Лепные сосуды с шероховатой поверхностью и со слегка отогнутыми венчиками, украшенными по краю или под венчиком, с пальцевыми защипами и косыми насечками.

3. Лепные сосуды с шероховатой поверхностью, покрытой в несколько рядов углубленным линейным или волнистым орнаментом.

По ряду признаков эти группы керамики имеют много общего с керамикой роменских памятников Левобережья УССР, но имеющиеся в них отличия (например, отсутствие характерной для керамики роменско-боршевской группы орнаментации с помощью зубчатого чекана) дают возможность считать их самостоятельной группой, лишь хронологически одновременной с роменской. Можно полагать, что эти группы керамики были оставлены разными восточнославянскими племенами Среднего Поднепровья. Полную аналогию указанным трем группам керамики с

¹ В. Н. Даниленко, Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР, Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР, К., 1953.

² В. А. Богусевич, Канівська археологічна експедиція, АП, т. III, К., 1952, стр. 143—147.

³ Ю. В. Кухаренко, Славянские древности VI—IX в. на территории Припятского Полесья, КС ИИМК, вып. 57, 1955.

⁴ Амфориск определен А. Л. Яковсоном, которому, пользуясь случаем, выражаю свою глубокую признательность.

⁵ Указатель церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, К., 1897, стр. 20, № 1778; Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при императорской Киевской духовной академии, вып. IV—V, табл. XI; рис. 6, К., 1915.

Киселевки представляют керамические материалы, собранные у подножья «Большого городища», находящегося к северо-западу от Княжей горы, в 6 км к югу от Канева¹. Близок ей также и керамический комплекс с поселения в Луке-Райковецкой, недалеко от Бердичева, исследованной В. К. Гончаровым в 1946—1947 гг.² Подобные киселевским обломки лепной толстостенной посуды с шероховатой поверхностью и обломок сковородки встречены при многолетних раскопках на территории Десятинной церкви в Киеве³. Некоторые подобные типы керамики встречены в Райках при раскопках 1929—1934 гг.

Рис 1. Амфориск VI в. н. э. из раскопок на горе Киселевке.

В коллекции из раскопок на Киселевке представлена кружалная керамика типа дружинных курганов IX—X ст., Шестовицкого и Черниговского некрополей.

Наибольшее количество предметов этой коллекции относится к периоду Киевской Руси. Они свидетельствуют о том, что древний Киев располагался не в одном только месте, а что наряду с центром на Старокиевской горе, интенсивная городская жизнь развивалась и на соседней с ней Киселевке.

Состав находок свидетельствует о том, что здесь находились ремесленные мастерские разных профилей — косте-резная, по производству медных изделий, ювелирная и др. На Киселевке при раскопках открыты остатки нескольких землянок с глинобитными печами. Две из них были расположены непосредственно одна возле другой и соединены проходом.

Среди разнообразных вещественных находок этого времени преобладают керамические и костяные изделия.

Из глиняных сосудов чаще всего встречаются горшки разных размеров, сосуды «киевского типа», чашки с ручками и амфоры.

Большинство сосудов покрыто обычным для времени Киевской Руси орнаментом из различных сочетаний линейного, волнистого и ногтевого.

В коллекции с Киселевки имеется свыше 40 донышек сосудов с клеймами в виде различных геометрических фигур — кругов с вписанным крестом, прямоугольников и др.

Кроме посуды, есть также обломки обычных для этого времени светильников. Некоторые глиняные изделия покрыты яркозеленой поливой. Имеются также поливные плитки различных цветов.

Обилие керамических материалов позволяет говорить об их широком местном изготовлении на Киселевке.

¹ Разведывательные работы там проводил Н. Ф. Беляшевский в 1925 г. Материалы хранятся в Киевском государственном историческом музее. В 1947—1948 гг. раскопки производил Институт археологии АН УССР под руководством В. А. Богусевича — Каневская археологическая экспедиция АП, т. III, 1952, стр. 148—153.

² В. К. Гончаров, Посад і сільські поселення коло Райковецького городища, АП, т. I, К., 1949.

³ М. К. Каргер, К вопросу о Киеве в VIII—IX в., КС ИИМК, вып. VI, М.—Л., 1940, стр. 65, 66.

Многочисленные ремесленные изделия, собранные при раскопках на Киселевке, свидетельствуют о высоком уровне развития ремесленного производства в древнем Киеве.

Во время татарского нашествия на Киев разгрому подверглась не только территория Старокиевской горы, но также и другие его районы, в том числе и поселение на горе Киселевке.

Материалы коллекции, относящиеся к последующему периоду в истории Киева, связываются с XV ст., когда на Киселевке находился литовский замок, описание которого сохранилось в источниках XVI в. При раскопках встречены строительные материалы в виде плиток, а также разнообразные керамические изделия — горшки, большие миски, сосуды баночной формы, относящиеся к XV—XVII ст. Они часто орнаментированы и покрыты поливой. В довольно большом количестве представлены сосуды из белой глины. Они имеют вытянутую банкообразную форму и круглые доньшки. По горизонтально срезанным крестообразной формы краям нанесен орнамент из нескольких углубленных полос. Стенки этих сосудов с четырех сторон прогнуты внутрь. Такие сосуды применялись на территории Польши в качестве изразцов для печей¹. Остатки подобных изразцов и печей, относящихся к XV в., были открыты при раскопках Старого Орхея (Молдавия) в 1955 г.²

Очень близки по материалу и выделке и, очевидно, одновременны им глиняные женские фигурки и детские игрушки, датированные некоторыми исследователями временем Киевской Руси³. Близкую аналогию этим изделиям представляют глиняные фигурки, обнаруженные в Москве в слое XVI и начала XVII вв.⁴ На некоторых игрушках с Киселевки имеется орнамент из коричневых полос, вообще не характерный для периода Киевской Руси.

Археологические материалы из раскопок на горе Киселевке довольно полно освещают историю одного из районов Киева, начиная с отдаленного прошлого, и свидетельствуют о том, что древний Киев развился из предшествующих ему поселений, одним из которых была гора Киселевка.

¹ Z. Gloger., *Encyklopedia Staropolska ilustrowana*, t. II, Warszawa, 1907, стр. 303, фиг. 1.

А. Спицын, *Археологические разведки* СПб., 1908, стр. 87, рис. 110.

² Сообщение Г. Д. Смирнова на заседании славянского сектора ЛОИИМК в апреле 1956 г.

³ Б. И. и В. И. Ханенко, *Древности Приднестровья*, в. V, К., 1902; Л. А. Динцес, *Русская глиняная игрушка*, М.—Л., 1936.

⁴ М. В. Фейхнер, *Глиняные игрушки московских гончаров*, МИА, № 12, т. II, М.—Л., 1949, стр. 52—56; А. Ф. Дубинин, *Работы Московской экспедиции КС ИИМК*, в. 57, стр. 73, рис. 22.

РАСКОПКИ В ГОРОДСКЕ В 1955 г.

Р. И. ВЫЕЗЖЕВ

В с. Городске, Коростышевского района, Житомирской области, на изрезанном оврагами левом берегу р. Тетерев сохранились три древнерусских городища. На одном из них, так называемом «Малом», раскопками 1940, 1946 и 1947 гг.¹ в западной и восточной его частях была раскрыта площадь в 940 м². На ней изучены остатки 13 полуземлянок и двух наземных построек с разнообразным инвентарем IX—XIII в. Две из них являлись мастерскими гончара и литейщика, а остальные служили для жилья. На раскопанной площади обнаружена 31 хозяйственная яма.

В 1955 г. раскопки велись в центральной части городища; раскопана площадь в 545 м², на которой находились остатки шести полуземляночных жилищ и 14 разнообразных ям.

Жилища (размером в среднем 3×2,7 м) подчетыреугольной формы представляли собой глинобитные строения, врытые в землю на глубину от 0,55 м до 1 м от уровня дневной поверхности. Аналогичные полуземлянки, являясь основным типом жилища в Киевской земле, широко известны в Киеве и на целом ряде исследованных городищ — в Белгородке, Вышгороде, Княжей Горе, Райках и др.

Стены их были сделаны из деревянного каркаса, обмазанного глиной. В ряде раскрытых при раскопках полуземлянок сохранились ямки от столбов, поддерживающих кровлю.

Внутри жилищ находились глинобитные печи, а в одном случае был обнаружен очаг. Печи, как правило, находились в северных углах жилищ на небольших возвышениях (высотой 0,3 м). Своды были полусферической формы и сооружались на деревянном каркасе. Подобные печи были широко распространены в Среднем Поднепровье в великокняжескую эпоху и известны на ближайших к Городску городищах — Райковецком² и Колодяжинском. В завале одной из печей была обнаружена глиняная заслонка округлой формы (диаметром 15 см), плоская с одной стороны и выпуклая с другой. Нахождение заслонки позволяет предполагать существование в Городске печей с отверстием или, может быть, даже трубой, устроенной в своде для тяги. Встречены были также печи, построенные на дощатом основании, опиравшемся на столбы, врытые в землю. Аналогичные печи были открыты на городище Старая Рязань³.

Входы в жилища были ступенчатые и располагались у юго-восточ-

¹ А. Дмитревська, Звіт Городської експедиції 1946 р., Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, 1949, К., стр. 47—49; М. Ю. Брайчевський, Розкопки на третьому Городському городищі, Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, 1952, К., стр. 187—196.

² В. К. Гончаров, Райковецкое городище, К., 1950, стр. 30.

³ А. Л. Монгайт, Древнерусские жилища XI—XIII вв., Советская этнография, в. 4, 1948, стр. 55.

ных и юго-западных стенок. Ступени вырезаны в материковом грунте, длина их до 1 м и ширина до 40 см.

В одной полуземлянке, вдоль ее юго-западной стены, в материке была сделана скамья шириной 0,75 м и высотой 0,18 м. Среди 14 ям, открытых при раскопках вокруг жилищ, можно выделить хозяйственные ямы и углубленные очаги. Хозяйственные ямы достигали больших размеров (2,7×2×0,7 м). В ямах-очагах стенки сильно обожжены. Они заполнены золой, иногда встречались также обломки глиняных сосудов. Часть хозяйственных ям, видимо, использовалась для хранения зерна.

Из вещественных материалов при раскопках 1955 г. обнаружены серии точильных брусков, железных ножей различных размеров, обломки стеклянных браслетов, железных гвоздей, также несколько шиферных прясел, обломков керамических сопел от сыродутных горнов, криц железа и трубочных замков. Из отдельных находок можно отметить обломок серпа, железное долото, кусок стенки колокола, бронзовую нательную иконку с изображением всадника с копьем, повидимому, Дмитрия Солунского или Федора Стратилата, серебряный перстень со щитком, железный витой браслет, два обломка стеклянных сосудов восточной работы XII—XIII в. и др. Самыми многочисленными находками являлись обломки кружальных сосудов, среди которых были встречены несколько обломков посуды, покрытой поливой. На днищах некоторых сосудов имеются клейма, главным образом, в виде круга или знака Рюриковичей в различных вариантах. Обнаруженная на площади раскопок керамика IX—X в. представлена, главным образом, кружальными толстостенными горшками с массивными венчиками простого профиля без кругового валика.

Керамика XII—XIII в. была аналогична найденной в Киеве, Вышгороде и других древнерусских городах.

В результате работ 1955 г. выяснено, что на Малом городище в Городске полуземлянки располагались не только по краю, но и в его центральной части. Раскопки свидетельствуют о том, что это городище являлось частью летописного Городеска — крупного ремесленного центра древней Руси по выплавке железа.

Наличие на нем жилищ с керамикой середины XIII в. указывает на то, что оно, как и другие городища Городска, погибло одновременно в 1257 г. во время военных действий Даниила Галицкого против татар.

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У с. РИПНЕВ, ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В. В. АУЛИХ

Древнерусское поселение у с. Рипнев, Новомилятинского района, Львовской области, было обнаружено в 1950 г., во время земляных работ в урочище Базническо. Расположено оно на юго-восточном склоне пологой балки небольшого ручейка, на расстоянии около 0,5 км к северо-западу от села. В том же году были проведены первые раскопки, в результате которых вскрыто шесть жилищ древнерусского времени, а также несколько комплексов, относящихся к высоцкой культуре¹.

В 1954—1955 гг. исследование поселения было продолжено Рипневским отрядом Львовской археологической экспедиции Института общественных наук АН УССР.

В центральной части урочища Базническо вскрыта площадь размером в 1264 м², на которой обнаружены 11 полуземлянок, 5 ям различного назначения, а также остатки наземной печи древнерусского времени.

Жилищные и хозяйственные сооружения древнерусского времени — полуземляночного типа, прямоугольной или неправильноовальной формы. Площадь их колеблется от 5 до 29 м². Закономерность в ориентации жилищ не прослеживалась. Дно сооружений находилось на уровне 1—1,7 м от современной поверхности. В отдельных полуземлянках обнаружены вырытые на дне ямы хозяйственного назначения, а в жилище № 14 — две ямы, частично врезанные в стенки, образовывали неглубокие ниши. Никаких следов наземных конструкций не прослежено.

Печи в исследованных жилищах небольших размеров, куполовидные, овальной или подковообразной в плане формы. Прослежено два типа печей. В одних нижняя часть вырезана в материковом лессе и достроена из обожженных глиняных вальков и камней. Иногда в стенки печей вмазывались также керамические фрагменты. Нижняя часть печей второго типа вылеплена из глины, а верхняя достроена таким же образом, как у печей первого типа. В некоторых печах жилищ обнаружены двойные поды и двойные стенки. Это свидетельствует о продолжительном использовании печных сооружений и, следовательно, о долговременном существовании жилищ.

В самой глубокой части одного из жилищ, на уровне пола, находился сильно разрушенный открытый очаг. В другом жилище, кроме печи, обнаружены следы двух открытых очагов в виде небольших ямок, заполненных золой и угольками.

Самую многочисленную группу находок составляют обломки керамики, которые представляют три группы посуды, отличающейся по технике изготовления и способу обработки поверхности.

¹ Ю. М. Захарук і О. О. Ратич, Слов'янське поселення біля с. Ріпнів, Львівської області, АП, т. V, стр. 40—46.

К первой группе относятся обломки лепных сосудов, преимущественно горшков, изготовленных из глины с примесью крупнозернистого песка или дресвы. Поверхность сосудов бугристая, реже сглажена, цвет желтовато-коричневый или темносерый, обжиг слабый или средний. Венчики закругленные, слегка отогнутые наружу, днища плоские, в профиле не выделенные. Сосуды не орнаментированы. Найдены также обломки нескольких лепных мисок большого размера и часть небольшого кувшинчика.

Вторую группу составляют обломки горшков с выпуклыми или умеренно выпуклыми стенками, изготовленные или только обточенные на легком гончарном круге. В глине содержится примесь крупнозернистого песка, а иногда также дресвы, размельченного железного шлака или шамота. Поверхность сосудов шероховатая, обжиг умеренный. Венчики закругленные или косо срезанные, резко отогнутые наружу. Днища плоские, не подчеркнутые в профиле сосудов. Стенки и плечики сосудов богато орнаментированы лентами волнистых и прямых горизонтальных линий, нанесенных при помощи многозубчатого штампа. Прослеживаются и иные виды орнаментации.

Третья группа керамики представлена обломками горшков с умеренно выпуклыми или выпуклыми стенками, изготовленных на гончарном круге из глины с примесью песка. Цвет сосудов серый, серо-коричневый, красноватый или желтоватый, поверхность шероховатая, обжиг хороший. Венчики отогнуты наружу, трехгранные, с различными вариантами профилирования, реже кососрезанные. Днища в большинстве случаев отмечены в профиле, плоские или с небольшим рельефным ободком. Плечики сосудов изредка украшены рядом прямых, реже волнистых желобков.

Обломки сосудов первой группы встречены без примеси обломков, относящихся к другим группам, только в разрушенной печи и на дне одного из жилищ в довольно незначительном количестве. Поэтому выделить их в отдельный лепной комплекс можно только предположительно.

Керамика, изготовленная на легком гончарном круге, выступает всегда в сопровождении обломков лепных сосудов; значительно реже совместно с керамикой третьей группы.

Обломки сосудов, изготовленных на гончарном круге, в чистом комплексе встречены в целом ряде жилищ, причем их иногда сопровождают отдельные обломки лепных сосудов, преимущественно больших мисок.

На всей площади поселения встречались куски железного шлака, что указывает на местную плавку железа из болотной руды, которая обильно выступает в пойме ручейка. Основную часть железных изделий составляют небольшие ножи, преимущественно с прямой спинкой и дугообразным лезвием. Кроме того, найдены два двухкрыльчатых наконечника стрел, обломок железного серпа, кресало, дужки от ведер и др.

Значительную часть находок составляют костяные изделия, среди которых преобладают разного рода проколки. Для изготовления и подтачивания проколок служили специальные шлифовальные камни. Для этих целей применялись иногда также обломки толстостенных сосудов.

Изделия из камня представлены значительным количеством целых и фрагментированных прясел из серого шифера, чаще всего биконической формы. Некоторые из них очень тщательно изготовлены, возможно, на токарном станке. Одно прясло из известняка имеет линзовидную форму, а одно, биконическое, изготовлено из глины с примесью крупнозернистого песка. Кроме того, найдено некоторое количество каменных брусков, обычно фрагментированных, а также несколько камней-растиральников.

По характеру керамического материала рипневское поселение можно датировать VIII—XI ст.

Сильная фрагментарность керамического материала, отсутствие более ценных предметов и основных орудий труда позволяют предположить, что поселение было в свое время покинуто жителями.

Поселение у с. Рипнев, как первое систематически исследованное открытое поселение древнерусского времени на территории бывшего Волынского княжества, представляет несомненный научный интерес.

РАСКОПКИ НА ЗАМКОВОЙ ГОРЕ ВО ЛЬВОВЕ В 1955 г.

А. А. РАТИЧ

(Львов)

Древний Львов упоминается в древнерусских летописях впервые в 60-х годах XIII ст. Несмотря на важное значение древнего Львова в истории Галицко-Волынского княжества, его прошлое еще очень мало изучено.

Археологические исследования Львова начались в 1955 г. в связи с подготовкой к празднованию его 700-летия.

Как полагают, древнерусский Львов был расположен на Замоквой горе, где находился его детинец, и у северо-западного ее подножия, где, очевидно, находился его торгово-ремесленный посад. Точное определение места расположения детинца и посада древнего Львова пока еще не установлено, так как за семь столетий существования города рельеф его территории значительно изменился. Особенно изменила свой вид Замоквая гора — древнейший центр Львова. В процессе строительных работ на Замоквой горе был разрушен культурный слой с материалами различного времени.

Задачей исследований в 1955 г. было выявление на территории Замоквой горы памятников времен древней Руси. В процессе раскопок был обнаружен разрушенный культурный слой со значительным количеством предметов, относящихся к древней Руси, и с некоторыми материалами другого времени.

Из материалов времен древней Руси выявлены фрагменты горшков с выпуклыми стенками, изготовленных на гончарном круге из глины с примесью песка, тонкостенных, хорошо обожженных, коричневого и серого цвета разных оттенков. Венчики этих горшков отогнуты, с округленным краем, часто с желобком по внутренней стороне, а плечики — иногда украшены прямолинейным и волнистым орнаментом. В единичных случаях на днищах встречаются клейма.

Описанные горшки имеют многочисленные аналогии в археологическом материале городов древней Руси и датируются XII—XIII ст.

Кроме упомянутых, попадаются фрагменты горшков более архаического типа; они изготовлены на ручном круге или от руки только с обточенными стенками. В их тесте содержится значительная примесь крупнозернистого песка, а иногда шамота. Поверхность горшков шершавая, цвет неодинаковый.

Этот тип горшков можно датировать X—XI ст.

Из других материалов времен древней Руси выявлены фрагменты узкогорлых корчаг и нескольких мисок, кусок железного трубчатого замка с медным покрытием, ключ от висячего замка, дужки от ведер, ножи, гвозди и прочее.

Из материалов более ранних обнаружены изделия из кремня и

фрагменты керамики культуры воронковидных чаш энеолитического времени, а также фрагменты сосудов времени раннего железа с валиками на плечиках и рядом проколов под венчиками. К этому времени относится также бронзовый ромбовидный наконечник стрелы с втулкой.

Во время раскопок было обнаружено и некоторое количество обломков тонкостенных сосудов с поливой, кафлей, а также железные шпоры, топоры и другие вещи, которые можно датировать временем XIV—XVIII ст.

Раскопки на Замковой горе во Львове дали ценные материалы для изучения самых древних поселений на территории Львова и для изучения времени и места возникновения древнерусского города Львова. Итоги произведенных раскопок показывают, что территория Замковой горы была заселена в энеолитическое время и эпоху раннего железа и что во времена древней Руси здесь был построен укрепленный город Львов.

Обнаруженные в процессе раскопок материалы времени древней Руси дают основание предполагать, что древнерусский Львов уходит своими корнями к X—XI ст.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГОНЧАРНАЯ ПЕЧЬ В МИСХОРЕ

В. П. БАБЕНЧИКОВ

(Симферополь)

На южном берегу Крыма, у селения Мисхор, в горах, в 1955 г. была раскопана средневековая гончарная печь, по размерам и по конструкции отличающаяся от известных ранее.

Под печи с большим количеством жаропроводных отверстий — «продухов» имеет форму почти правильного квадрата площадью в 16 м²

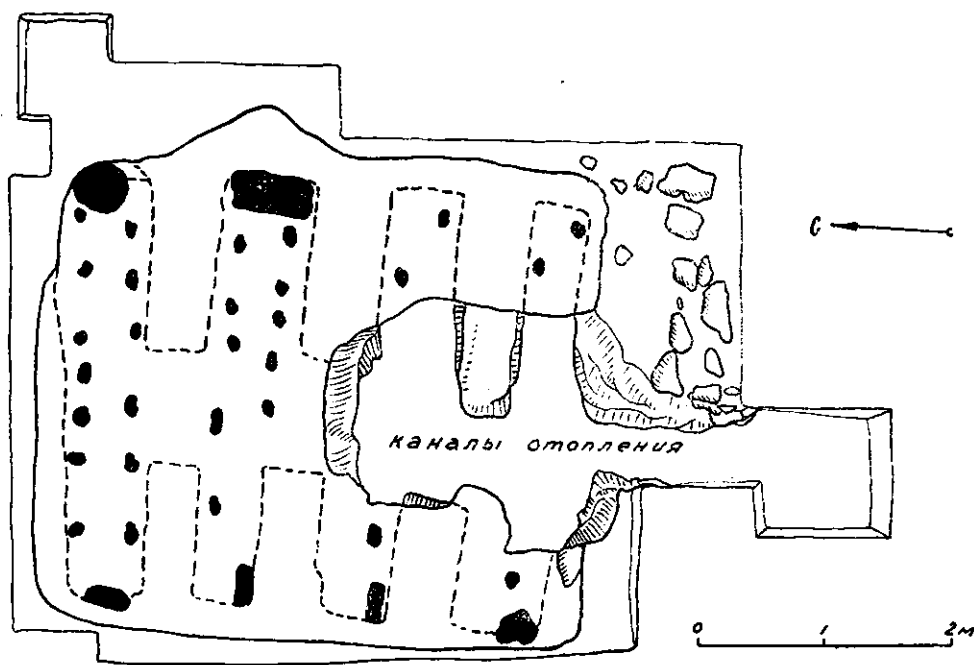

Рис. 1. Средневековая гончарная печь в Мисхоре

(рис. 1). Ниже пода находится топливник с отопительными каналами. Осевой главный канал имеет протяжение в 5,5 м, высоту 1,4 м почти на всем протяжении и ширину 0,6—1,2 м. От него вправо и влево под прямыми углами отходят восемь боковых каналов протяжением 1—1,6 м и шириной 0,5—0,8 м при той же высоте (1,4 м). Высота боковых каналов к концам уменьшается до 1 м за счет постепенного повышения пола. По всей вероятности, древесное топливо закладывалось в осевой канал во всю его длину, что способствовало правильному распределению жара

по всей площади пода. В конце одного из боковых каналов (третьего справа от устья печи) прорублено в поду и укреплено плитами прямоугольное отверстие $0,3 \times 0,75$ м, повидимому, для установки вытяжной трубы, усиливавшей тягу, пока не разгорится все топливо, после чего труба могла закрываться заслонкой, и жар поступал под свод печи через продухи.

Свод печи оказался совершенно разрушенным, и только остатки от стенок в виде обожженной глины, сохранившиеся над подом, постепенно наклоняющиеся вовнутрь, дали возможность составить о нем некоторое представление.

В печи обжигались по преимуществу средневековые круглодонные реберчатые амфоры двух размеров. Эти амфоры являлись своего рода стандартной торговой тарой, может быть, рассчитанной на экспорт. В средние века в Крыму виноделие, требовавшее соответствующей тары, имело большой размах, если судить по обилию давилен для винограда («тарапанов»), которых особенно в горах и предгорьях очень много. Кроме амфор, в печи и около нее были найдены, и при том впервые в Крыму, лейки-воронки и ступы для растирания со сливным носком. Здесь же встречены кровельная черепица, вьючные глиняные фляги и пирамидки-подставки для установки круглодонных амфор на поду печи для обжига.

Круглодонная амфора имела в Крыму широкое распространение, начиная особенно с VI в. н. э. и вплоть до первой половины X ст.

Печь в Мисхоре относится, судя по характеру амфор, примерно к VIII—X в. По размерам она самая крупная из средневековых гончарных печей, известных в Крыму. Около раскопанной печи обнаружены остатки еще ряда печей. Это позволяет думать, что здесь находился один из центров средневекового гончарного ремесла южного берега, тем более, что все условия этому благоприятствовали: наличие великолепной глины, богатого водой источника и обилие древесного топлива. Транспортировка готовой гончарной продукции, возможно, осуществлялась морем.

А. В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

(1885—1956 гг.)

27 июня 1956 г. скоропостижно скончался Аркадий Викторович Добровольский, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник и заведующий отделом первобытной археологии Института археологии АН УССР.

А. В. Добровольский родился 2 марта 1885 г. в с. Полтавке, Широковского района, Днепропетровской области. Среднее, а затем высшее образование он получил в г. Одессе, где в 1912 г. закончил юридический факультет Новороссийского университета.

Уже в студенческие годы у А. В. Добровольского появляется интерес к археологии. Он начинает заниматься в Одесском археологическом музее, а в 1912—1913 гг. принимает участие в раскопках кургана в предместье г. Одессы на Слободке, в результате чего появляется его первая печатная научная работа.

Хотя первые годы служебной деятельности А. В. Добровольского и не были связаны с археологией, однако он не потерял своего интереса к археологии и постоянно занимался археологическими исследованиями по р. Ингульцу.

В 1925 г. А. В. Добровольский переходит на работу в музей. С 1925 по 1932 гг. он работает научным сотрудником в Херсонском музее и вместе с тем преподает в Институте народного образования. В 1932 г. он переходит на работу в Днепропетровский, а в 1938 г. — в Одесский историко-археологический музей.

В 1928—1933 гг. А. В. Добровольский являлся бессменным участником работ Днепропетровской археологической экспедиции и много сделал по изучению археологических памятников порожистой части Днепра.

В 1939 г. А. В. Добровольский был зачислен на должность старшего научного сотрудника Института археологии АН УССР. С 1954 г. он заведовал отделом первобытной археологии института.

В 1948—1949 гг. А. В. Добровольский читал курс археологии на

историческом факультете Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

В 1949 г. А. В. Добровольский вступил в члены КПСС.

А. В. Добровольский интересовался широким кругом археологических памятников Украины. Начав с изучения памятников в порожистой части Днепра, он стал затем активным участником и руководителем многих археологических экспедиций, преимущественно в степной полосе Украины. В последние годы руководил одной из крупных экспедиций по изучению памятников в зоне строительства Каховской ГЭС на нижнем Днестре.

А. В. Добровольский много сделал для открытия и исследования таких ставших затем известных археологических памятников, как палеолитическая стоянка Кайстровая балка (1932—1933 гг.), неолитические стоянки и могильники в порожистой части Днепра (Средний Стог — 1927 г., Собачки-Вовчок — 1928—1929 гг., Виноградный остров — 1929—1930 гг., Игрень — 1945—1946 гг., Чапли — 1950 г.), селища и могильники эпохи бронзы (Дурная скала — 1928 г., Стрельчая скала — 1946 г., Сабатиновка — 1947 г., Бабино III — 1954 г.), поселения трипольской культуры в с. Сабатиновке на Южном Буге (1938—1939 и 1947 гг.), Золотобалковское поселение рубежа нашей эры (1951—1953 гг.) и др.

Раскопками неолитических стоянок в порожистой части Днепра А. В. Добровольский положил начало изучению позднего неолита степной полосы Украины. В последние годы он работал над большой монографией «Неолит порожистой части Днепра».

В лице А. В. Добровольского коллектив археологов Украинской ССР потерял одного из старейших и активнейших работников, скромного и преданного науке человека.

Е. Ф. Лагодовская

СОДЕРЖАНИЕ

Палеолит, неолит, медь — бронза

В. А. Месяц, Следы новой позднепалеолитической стоянки в окрестностях Овруча	3
В. И. Красковский, Стоянка позднепалеолитического времени вблизи Одессы	5
Е. А. Векилова, Мезолитическая стоянка Сюрень II (Раскопки 1954—1955 гг.)	7
Д. Я. Телегин, Третий Васильевский могильник	9
Ю. Г. Колосов, Новые неолитические стоянки Крыма	13
А. А. Щепинский, Раскопки многослойной стоянки в долине р. Салгир	17
М. Я. Рудинский, Петроглифический комплекс Каменной Могилы	20
И. В. Симицыц, Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем	32
А. И. Шевченко, Фауна поселения эпохи бронзы в с. Михайловке на Нижнем Днепре	36
Ю. Н. Захарук, Новое поселение культуры шнуровой керамики на Воляни	38
А. В. Добровольский , Поселение бронзового века Бабино III	40

Ранний железный век

С. Н. Мельниковская, Памятники раннего железного века Верхнего Поднепровья	46
В. П. Левенок, Городища юхновской культуры	49
М. Ю. Смишко, Погребения раннежелезного века в с. Могиляны, Ровенской области	54
Г. И. Смирнова, Поселение культуры фракийского гальштата на Буковине	58
Б. А. Шрамко, Городище скифского времени у с. Караван на Харьковщине	60
П. Н. Шульц, Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму	62
Н. Н. Погребова, К вопросу о населении Знаменского и Гавриловского городищ	67

Античная эпоха

А. А. Передольская, Художественно-историческое значение терракот из кургана Большая Близница	69
Б. М. Скуднава, Местная расписная керамика Нимфея VI в. до н. э.	73
К. Э. Гриневиц, Новые данные о стенах Ольвии V—IV в. до н. э.	76
Р. И. Ветштейн, Раскопки на римской цитадели Ольвии	78
А. В. Бураков, Исследования Козырского городища	81
И. Т. Кругликова, Сельские поселения европейского Боспора	83
Г. Д. Белов, Раскопки Херсонеса в 1955 г.	86

Ранние славяне и Киевская Русь

Д. Т. Березовец, Лохвицкий могильник	89
Ю. В. Кухаренко, Некоторые итоги изучения Припятского Полесья	91
М. Ю. Брайчевский, Исследование Пастырского городища в 1955 г.	94
В. Д. Баран, Поселение первых веков нашей эры в с. Черепин, Львовской области	97
А. М. Шовкопляс, Керамические комплексы с горы Киселевки в Киеве	100
Р. И. Выезжев, Раскопки в Городске в 1955 г.	104
В. В. Аулих, Древнерусское поселение у с. Рипнев, Львовской области	106
А. А. Ратич, Раскопки на Замковой горе во Львове в 1955 г.	109
В. П. Бабенчиков, Средневековая гончарная печь в Мисхоре	111
Памяти Аркадия Викторовича Добровольского	113

Редактор издательства *И. А. Сергеева*

Техредактор *А. Д. Жуковский*

Корректор *Т. И. Титкова*

БФ 01240. Зак. 1859. Изд. № 189. Тираж 1000. Формат бумаги $70 \times 108^{1/16}$. Печ. листов 9,9. Учетно-издат. листов 8,0. Бум. листов 3,625. Подписано к печати 7.II-1967 г.

Типография Издательства АН УССР, Киев, Репина, 2.